

1885622

Дмитрий
Кузовлев

БЕРЕЗУГИ

на
ш
д
ен

ДМИТРИЙ |
КУЗОВЛЕВ | **БЕРЕЗУГИ**

ОЧЕРКИ
СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВИИ

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1978

Кузовлев Д. М.

К89 Березуги (Очерки северной деревни).
М., «Современник», 1978.

270 с.

Дмитрий Кузовлев — один из многочисленных посланцев партии, кому в середине 50-х годов было поручено возглавить отстающие колхозы и совхозы.

«Березуги» — это записки председателя колхоза, первого секретаря райкома партии, обобщенный опыт работы в течение многих лет в разных районах Вологодчины.

К $\frac{70302-200}{M106(03)-78}$ 76—78

333

Поезд загрохотал по мосту. Вот и красавица Шексна! Заснеженная, уставшая, скованная льдом. За окном вагона тянутся поля, перелески, виднеются скирды соломы, стога. Проплывают дома. Деревенка. Кажется, Четвериково. Правее, в белесой дымке, вырисовываются рощица и церковь с уцелевшим куполом. Это село Едома. Большое село, стоит на берегу залива.

Красивы едомские места! Несколько лет назад мы, семоро посланцев Москвы и Подмосковья, жили в Едоме, проходили практику руководства колхозом. А потом разъехались кто куда. Меня направили в соседний Петриневский район, в колхоз «Красное знамя». Тяжелое это было время для колхозов.

Не только тракторов, а лошадей, сбруи не хватало. Урожая собирали низкие, многие колхозы весной не имели своих семян. Сейчас мы печемся о сплошной механизации животноводческих ферм, а в ту пору полы в хлевах настлать было величайшей проблемой. И если в каком-либо колхозе на дворе появлялись автопоилки, то председатели турьбой валили смотреть на чудо. Захотел

СОЛЕНАЯ НАУКА

(Записки
председателя
колхоза)

**Здравствуй,
Вологодчина!**

колхоз купить автомашину, должен был сдать государству сверх плана три тысячи центнеров молока. Машинами отоваривались под молочные квитанции. Мелким хозяйствам такие покупки, конечно, были не под силу. Надои на фуражную корову не превышали тогда семисот — восьмисот килограммов. Деревня выбивалась из сил. Колхозные кассы были пусты, трудодень пришел в упадок.

Да, отдавшее фронту и людей, и технику, село жило ожиданием резких перемен, нуждалось в помощи. Необходимы были срочные восстановительные меры. Перед нами, посланцами на село, были поставлены предельно четкие задачи — возглавить отстающие колхозы, поднять их экономику. И мы, москвичи, что называется, сразу ринулись в бой... Хотя вскоре некоторые из нас сникли, сгорели, остыли. Оказалось, что ни наскоком, ни штурмом всех бед на селе не поправишь. Село нуждалось в длительной, кропотливой организаторской, хозяйственной работе. Обстановка требовала отдать селу не просто жизнь, но и весь свой талант, все здоровье, навсегда остаться на новом месте, врасти корнями... Стой поры минуло много лет. В деревнях подросло новое поколение, пришли новые грамотные агрономы, инженеры, о прошлом можно бы уже и не вспоминать. Но нами, кто все это видел и знает, трудности прошлых лет не забываются. Понадобилось много сил, здоровья, ума, энергии, чтобы вырвать село из послевоенного кризиса. И вот закончив факультет журналистики Московского университета, проработав три года в городской газете, я снова очутился в этих местах:

— Здравствуй, Вологодчина!

Поезд медленно подходит к станции Шеломо-

во, словно оттягивая минуты встречи. Перрон, железнодорожные насыпи завалены грядями снега. Накануне прошел буран. От вокзала метнулась знакомая фигура.

— Андрей, здорово! Сам приехал встречать? — Спыхватываюсь: «Сам» — это теперь я, а Андрей, мой одноклассник, но выше меня на голову и шире в плечах, с виду суровый деревенский малый, который еще недавно был «Сам», теперь — мой заместитель.

Через несколько минут серый мерин по кличке Затор мчал нас по полю. Показалась Пача — центр колхоза. Улицей не проехать. Буран засыпал избы вровень с крышами. Двинулись в объезд.

— Как с кормами на фермах? — спрашиваю.

— Грубые подвозились без перебоя, а силоса не было уже три дня.

В это время санки так накренились, что мы оба чуть не полетели в сугроб. Андрей выскочил первым, уперся плечом и выправил повозку.

Остановились около конторы. Нас встретил секретарь парткома Чистяков.

— Ну, здравствуй, председатель. Давно ждем тебя.

Две недели назад меня избрали председателем колхоза «Заря». Избрали, надо сказать, с трудом, и это обескуражило.

Собрание было бурным. Проходило оно в сельском клубе, а точнее — в переделанной деревянной церкви. Народу набилось полным-полно. Прежний председатель то и дело подходил к трибуне и, надрываясь, уговаривал:

— Да поймите же наконец, не могу я оставаться председателем.

— А мы не отпустим, и все тут! — гремел зал. Слово брали предрайисполкома Полежаев, инструктор райкома Веселов, секретарь парткома колхоза Чистяков. Тщетно.

— Ну и что? Нового мы не хаем, и своего в обиду не дадим, — кричали женщины.

— Да будет вам галдеть! — рассердился кто-то в зале. — Давайте двоих изберем: одного — председателем, другого — заместителем.

Большинство в несколько голосов решило мою дальнейшую судьбу.

Еще до собрания Андрея в райкоме охарактеризовали так: Кудрявцев на работе себя не жалеет, ворочает как вол, с раннего утра и до позднего вечера. Но водится за ним один грех — крут с людьми. Того и гляди, дров наломает.

— Хорошо, — говорю. — Если райком решил его снять с председателей, давайте оставим заместителем. Все-таки опыт работы...

Шляпкин, первый секретарь, как будто этого ждал:

— Я тоже так думаю. Но не скрою, у некоторых райкомовцев есть опасения.

— Какие?

— Считают, трудно с ним сработаться, что тебе с ним, пожалуй, не справиться. Больно крут характером.

Секретарь райкома доволен и вроде бы недоволен моим выбором.

— Подсиживать не в его духе, тут будь спокоен, — добавляет он.

На прощание мне советует лучше осмотреться в новом хозяйстве, найти ключи к людям, зажечь, поднять.

— Учти, «чужих» в Паче не любят, — сообщил по секрету знакомый инструктор.

— Ладно, учту.

— Народ у нас хороший, подгонять не приходится.

Андрей охотно рассказывает о людях, о фермах — второй день знакомит с хозяйством.

Только что отъехали от Старого Села. Побывали там на скотных дворах, осмотрели кладовые, заглянули на зерносушилку. Впереди — Покровское.

На въезде в село — двухэтажная школа, добротно срубленное деревянное здание, но почерневшее от времени. «Надо потом зайти, — намечаю для себя, — как-никак будущие хозяева подрастают тут».

— О чем задумался? — спросил Андрей.

— Да вот, школа... Сколько их у вас?

— Две восьмилетки, восемь или девять начальных.

— А учеников?

— Точно не знаю, — что-то около пятисот... — Чувствуется, школами Андрей мало интересуется. Все мысли его о колхозе, о хозяйственных делах.

— Тут вот церквушка была, — показывает он влево. — На дрова разобрали. Без крыши стояла, сгнила.

Проскочили мимо рощицы. Стараюсь запомнить дорогу, приметить каждый перелесок.

— Скоро будет Соколье — самая дальняя деревня, — сообщает Андрей.

— А Демидово?

— Далеко отсюда. Вернемся назад и возьмем вправо, через Шапкино и Берендюху. Сегодня не успеем.

В Соколье прибыли в сумерках. Бригадир, низкого роста, кряжистый мужик, повел нас на

скотные дворы. Он неразговорчив, и потому обход большей частью проходит молча. Лишь изредка перекидываемся короткими фразами.

— Сколько коров?

— Семьдесят пять.

— Корма есть на ферме?

— Подвозим аккуратно.

В кормушках вижу слой преющего сена.

— Не чистите, знать?

Бригадир с укором смотрит на доярок. Самая шустрая из них объясняет:

— Только два дня не чистили. Не едят сено...

Поздно вечером вернулись в Старое Село. Оказывается, здесь у Андрея дом, это его родина. А днем, проезжая мимо, он ничего не сказал.

— Переночуем у меня.

На пороге приветливо встречает хозяйка. Нас ждали. Вскоре на столе появляются наваристые щи. Хорошо подкрепиться после длинной дороги.

* * *

За завтраком особого разговора не было. Оставалась надежда на дорогу. Так и получилось: два-три вопроса, и Андрей разговорился.

— Видишь кустарниковые гряды? Остались после раскорчевки. Тут кругом старосельские земли, а там, правее, — Пашнец. У них низкие места, весной и осенью на тракторе не пробраться. Восточнее — видишь ровную гладь — озеро. Добраться до него летом тоже нелегко: берега болотистые. По соседству с озером распахали поле. Но черт его знает, что за земля? Посеяли овес, так и коровы его не едят. Траву раньше косили — тоже несъедобная. Что там за соли — никто не знает.

— А влево,— продолжает рассказ Андрей,— пойдут демидовские поля. Покосы у них богатые, и земли подходящие. Демидово всегда жило крепко, и раньше по трудодням мясо выдавали.

...Незаметно доехали до Берендюхи. Небольшая, но, видать, крепкая деревенька. Дома аккуратные, ровно выстроенные. У каждого за огородом банька.

Первым делом отправляемся на скотные дворы. Я чуть задержался у сеновала, а Андрей — быстро в коровник. Через минуту оттуда раздалось громовое:

— Гурьян! Ты что, в своем уме? Или сдурел часом?

Спешу узнать, в чем дело. Во дворе стоят дровни, нагруженные навозом; замечаю — наполовину с силосом. Андрей дает нагоняй бригадиру.

— Да ведь не едят его коровы,— говорит Гурьян.

Я готов был согласиться, что силос надо скармливать лучше, но хотелось протестовать против грубого обращения с бригадиром. Решил поговорить об этом дорогой.

— Андрей... А что, Гурьян из-под палки привык работать? — начинаю издалека.

— Рвань ему надо почаще устраивать... — Помолчал, добавил: — Бригадка его маленькая, Пашнец да Берендюха. Сам-то он из Пашнеца. Но со льном управляетя лучше всех. Нынче по тысяча двести рублей с гектара выхватил.

— А другие как?

— У других меньше тысячи вышло, до премий не дотянули.

Этим «обсуждение» инцидента и кончилось.

А вот и следующая деревенька — Пашнец.

Я невольно поглядел направо, налево, стараясь заметить хоть какую-нибудь особенность этой деревни. Но ничего примечательного не нашел: низенькие дома, обложенные мхом или соломой, две кривые улочки сошлись под тупым углом, на отшибе расположились скотные дворы, приплюснутые к земле, до крыш занесенные снегом. Две женщины копались в сугробе, расчищая подходы к воротам. Из маленькой водогрейки валил дым.

— По-черному топите?

— Затопишь. Сделали печь, а котлы сразу опустились.

Андрей махнул рукой:

— Это демидовский печник наваракосил.

— Надо заставить переделать.

— Обязательно, — соглашается Андрей.

* * *

Пашнец оставил неприятное впечатление: на скотном дворе сыро, коровы не чищены, корма разбросаны. В комнате доярок неуютно, паутина.

Андрей всю дорогу до Демидова молчал, изредка поигрывая вожжами.

— Но, балуй!

Заехали на демидовский скотный двор. Слово двор, пожалуй, мало подходило. Это был целый животноводческий городок. Три коровника, два телятника, конюшня, водокачка, силосные башни, сеновалы.

Заметил, что все сеновалы на замке. Сразу чувствуется — хозяева. Городок обнесен забором, по территории разгуливают коровы.

Недоумеваю: «Это зачем же в такой морозе их выпустили?»

Но Андрей с нарочитой угрюмостью отправился в ближайший коровник. Теперь понимаю, почему он так оживился перед въездом в деревню: гордился демидовской бригадой, собирался удивить меня.

В комнате доярки собрались животноводы. Учетчица, молодая говорливая женщина, заканчивала приемку молока. Последняя доярка опоражнивала молокомер, другие в ожидании предстоящей беседы расположились на скамейке возле печи.

— Ну-к, что ж, нынче вроде бы побольше надоили,—подвела учетчица итог обеденному удою.

— Постарались для начальства,—отозвались дружно доярки.

Как и следовало ожидать, доярки засыпали нас вопросами:

— Халаты когда дадите?

— Вода в колодце кончается, надо подвозить из родника!

— Будут ли еще «сильные» корма?

Я не знал, как толком ответить. Выручил Кудрявцев.

— Будут, обязательно будут,—успокоил он насчет «сильных» кормов. И тут же переводил разговор: — Силос плохо скармливаете, под ногами валяется. Коровы у вас грязноватые. Чистите плохо.

Доярки шутливо оправдывались, сами, в свою очередь, не давали Андрею спуска. Вскоре их словесная перепалка вылилась в шутливую беседу.

— Ай да Андрей, не проймешь его, чертяку, — сдались первыми доярки. — Мы его, а он нас припирает. Ну чего шумишь, все сделаем как надо.

— Ну и мы сделаем. Будут вам халаты, уже закупили...

На обратной дороге я заметил Андрею, что халатов мы еще не закупили, и вряд ли скоро закупим, потому что в продаже их нет.

— Ничего, купим,— ответил он беззаботно.

Трудно ему отрешиться от привычной роли...

С чего начать?

Вечный вопрос. Но его не обойти ни одному председателю. Никак не миноваты! Чем глубже влезаешь в хозяйство, чем больше узнаешь его болячки, тем тревожнее, назойливее ставится этот вопрос.

С чего начать, за что уцепиться?

Ломаешь голову ноч инапролет, и никакого резона...

С тревогой на душе выходишь на работу, бредешь до своей конторки: «Авось что-нибудь придумаю...» По улице снуют люди: кто на работу, кто в магазин торопится. У каждого свое дело, своя забота. А тебя грызет все то же. С чего начинать?

Пробуешь сунуться к тому, к другому со своей докукой.

— С земли надо начинать. Она — матушка-кормилица! Начнешь ее любить-кормить, непременно тебя отблагодарит,— говорят одни.

Другие больше уповают на животноводство:

— В нем вся опора.

Что против этого возразишь?

Есть и третья прописная истина: надо начинать с заботы о людях.

Со всеми этими «закорючками» отправился я к секретарю райкома А. И. Шляпкину. Он

предупреждал меня заранее: «Приглядишься пока, а потом подумаем вместе, что делать».

— Ну, и как решил, с чего начинать надумал?

— С земли, наверно.

— Верно, с земли надо начинать. Только это понятие слишком объемно. У вас там торфя вокруг... Надо заготавливать.

— А до меня что же? Не думали?

— Думали, да силенок не хватало.

— Ну так и со мною их не прибавилось.

Шляпкин понимает это по-своему.

— Рассчитываешь на помощь?

— Я не о том. Думаю вот: если торф, то, стало быть, главное, конечно, земля?..

— Надо нажимать и на животноводство. У вас в «Заре» племенная работа угасла. А раньше, например, в Едоме рекорды ставили. Лебедев там работал. А теперь стих. Ты на это обрати внимание.

— Хорошо. Только без подъема земледелия и животноводства не поднять.

Веселый блеск в глазах Александра Ивановича.

Ага, значит, доходит...

— Но в наших условиях без развитого животноводства от земли хороших урожаев тоже нечего ждать.

Секретарь райкома долго, испытующе смотрит на меня.

— Постой, постой... Что же, по-твоему, выходит?

— Круг выходит. Заколдованный.

— Не заколдованный, а — замкнутый.

Шляпкин, откинувшись в кресле, постукивает пальцами единственной руки по кромке стола. Вторую — потерял на фронте.

На прощанье Александр Иванович советует еще поглядеть и еще подумать.

* * *

Когда ликвидировали МТС, некоторые председатели упирались:

«Зачем? МТС — неплохое дело, плохи наши взаимоотношения с нею».

Ведь как было: МТС пашет, сеет, убирает в колхозе. Плохо ли, хорошо ли, а колхоз подавай ей за «мягкие гектары» натурой по твердой ставке. Если самому ничего не оставалось, сам и виноват: плохо старался.

Колхозник начинал понимать: несправедливо это. Оба ведь равные хозяева на земле, в равной степени и отвечать и получать должны.

Уже тогда кое-кто предлагал сделать все иначе. Например, вместо твердой натуроплаты за «мягкие гектары» установить дифференцированные процентные взаимоотношения колхоза с МТС. Вложил такую-то долю труда — получи соответствующий процент от валового сбора. Просто и ясно. Чем выше урожай, тем выше проценты каждой стороны. Заинтересованность обоюдная.

А главное, вселилась бы уверенность, что никто никого не обманет. Тогда это нужно было. А сейчас?

Сейчас техника в руках колхоза, между ней и колхозниками теперь как будто нет противоречий. Технику колхозники обожают, на нее вся надежда.

Но колхозы теперь стали огромными, не то что раньше — одна-две деревни. Кто его знает, как там стараются-трудятся в других, особенно дальних деревнях. С ними встретишься раз в

году, и то на отчетном собрании. Одним всегда кажется, что их подводят другие: «Как же, знаем мы их, таких-разэтаких, век с ленцой работали...»

На поверку так и выходило: урожай собирали разный, об этом на собраниях докладывали, а получали все одинаково.

С переходом на денежную оплату экономика колхоза укрепилась, но мало что изменилось в принципе распределения по труду.

Отстающие бригады, как правило, умудрялись перерасходовать фонд зарплаты. И если в конце года никакой добавки не причиталось, то ничем их не урезать. Что с возу упало...

Что же делать?

Вводить внутривозхозяйственный расчет.

Но ведь и раньше его вводили, еще при МТС. А что выходило?..

Э, нет. Тогда техника была не в руках колхоза, и введенный хозрасчет был призрачным, рассматривался многими как инструмент агитации. Не больше.

А теперь иное дело. Теперь можно говорить не о каких-то там «элементах» хозрасчета, а о полном хозрасчете, выработав к тому же свои, местные принципы решения хозяйственных и экономических проблем. Скажем, ежегодно происходит передача сена из одной бригады в другую. Как эту передачу регулировать? По плановой или фактической стоимости? Порой ни то, ни другое не годится, разные годы бывают...

Или, к примеру, капитальные затраты. По установившейся методике расчета получается, что чем меньше произведено капитальных затрат, тем больше остается для распределения по труду. Разве это разумно?

А понятие «доход»? Иногда это слово проносят чуть ли не с благоговением. Доход — это наше достижение! Так ли это?

Пусти под нож лишний десяток скота — вот тебе и повышенный доход. А в следующий год что будешь делать?

Здесь тоже нужен свой закон-ограничитель.

Хозрасчет должен взять во внимание и сложившуюся психологию крестьянина. Колхозник долгие годы получал за труд натурой, он под эту «базу» или, точнее, на этом фундаменте построил и свое личное хозяйство. А теперь вдруг все перевели на деньги. Хорошо это или плохо? И да, и нет.

К деньгам колхозник быстро привык. Но зато он быстро начинает отвыкать и от того, из чего «делаются» деньги для крестьянина. Плох урожай зерновых — мужик теперь не расстраивается: «Были бы деньги, а хлеб и в магазине купить можно».

То есть без выдачи «натуры» мы приучаем крестьянина рассуждать о хлебе насущном погородскому. А это опасно. Значит, надо обязательно предусмотреть это в хозрасчете.

К примеру, если урожайность низкая, семь-восемь центнеров с гектара в среднем за несколько лет, то надо выдвинуть такой лозунг: «Восемь центнеров в общественный амбар — остальное колхозникам». Пусть стремятся получить урожай выше.

Не сразу поверят в хозрасчет мужики. Но делать больше нечего, надо вводить его.

* * *

Хорошо иной раз лишний часок подумать, поразмыслить... Но мне не хватает времени на

это. Вот и записи свои пришлось надолго прервать.

Пролетела зима. На смену трескучим морозам выкатилось яркое весеннее солнышко. С пригорков побежали ручьи. У нас, правда, мало их, все больше равнины да низины. Но и на равнине снег не устоял.

Нужно готовиться к севу. От меня требуют запасных частей, кормов на распутицу, кондиционных семян, планы на посевную, списки звеньев...

В конце марта собрали совместное заседание парткома и правления колхоза. Слушали мой доклад:

— Товарищи! Хотя и поздно вато беремся, но надо переводить бригады на хозрасчет. Поездил я по колхозу, пригляделся... Без хозрасчета нам не двинуться вперед. Посмотрите, как мы используем хотя бы технику.

Бригадиры, агрономы, зоотехники, члены правления враз притихли, угомонились.

— У нас три тракторных бригады, а полеводческих — четырнадцать. Каждая бригада старается подольше задержать у себя трактор, лишь бы для себя побольше сделать. А на соседа — плевать. Постоянные ссоры из-за тракторов.

— Что верно, то верно. Есть такой грех, — откликнулись бригадиры.

— Надо всю технику передать в полеводческие бригады, чтобы бригадир командовал ею.

Правленцы и члены парткома сидели тихо, не возражали. Но кое-кто покачивал головою.

— Машин у нас немного. ДТ — всего девять, по одному на бригаду не достанется. И выходит, что надо не только переходить на хозрасчет, но и укрупнять бригады. Надо сделать из четырнадцати, скажем, шесть-семь бригад, придержи-

ваясь сложившихся границ старых колхозов. В каждой бригаде будет по три-четыре трактора — и гусеничные, и колесные. У нас семь комбайнов, девять автомашин. Это будет уже комплекс.

— Правильно, хозрасчет нужен, — поддерживает с места бригадир покровской бригады Дрогалов Василий Иванович. — Но вот объединения-разъединения в колхозах нам надоели. Как кость в горле!

— Василий Иванович, — доказываю я, — объединения-разъединения колхозов — одно дело, а объединение бригад — другое. Оно не связано дележкой угодий, имущества, скота и прочего. Это наше внутреннее дело. Надо только правильно понять цели и задачи.

— Да я не против, — одается Дрогалов.

— А по мне, все это пустое, — категорически заявляет бригадир центральной тракторной бригады Денисов Михаил Ефремович. — Это тебя, председатель, полеводы настрекали.

— А вы что, Михаил Ефремович, против того, чтобы полеводческим бригадам дать технику в руки?

— Против. Потому что распорядиться ею они не смогут.

— А мы вот возьмем да поставим вас во главе укрупненной бригады и назовем ее комплексной.

— Не пойду я ни за что. Я больше по технике... А коровы, лошади, прочие там телята — не по душе. Мне и дома эта скотина не нравится.

Меня так и подмывает отчитать этого сугубо «технического» руководителя.

— Вот вам еще одно доказательство, что необходим хозрасчет. Нужно отдать технику в руки

тех, кому приходится думать и о пашне, и о сенокосе, и о животноводческих фермах. А то у нас пока еще два хозяина на земле: полеводческая бригада и тракторная, руководителям которой подчас не любви коровы и «прочие там телята».

Денисов больше не спорит.

— Ну, а как с лесами поступим?

Этот вопрос больше всего демидовских товарищей интересует. У них — лесная сторона.

Я поглядываю на пачевских. Эти — безлесные.

— Нет, леса не станем закреплять за бригадами, они будут общими. Но надо назначить хороших лесников, чтобы следить за порядком.

— Все равно плохо! — кричат лесовики.

Но большинство присутствующих соглашается с предложением не делить леса. Весь центр колхоза безлесный, а окраинные деревни имеют леса. Центр — это большинство, и оно побеждает.

* * *

До поздней ночи спорили по поводу хозрасчета. Когда заседание закрылось, члены парткома и правления, бригадиры, специалисты разъехались по домам.

Наутро Чистяков, секретарь парткома, говорит:

— Пашнецкая учительница удивляется, почему ее Гурьян второй раз с правления приезжает таким «умным».

— Ну и что ты ей ответил?

— Вероятно, нового председателя побаиваются, говорю.

— К новому председателю, Михаил Иванович, привыкнут, бояться перестанут. А вот дела

большие надвигаются — это верно. Хозрасчет не шуточки, все понимают. Мне и самому боязно становится: справимся ли?

— Заварили кашу, надо доваривать, — подбадривает секретарь парткома.

— Это тоже верно.

Договорились о проведении бригадных собраний. Бухгалтерии дали задание подготовить сведения об урожайности за несколько лет, о реализации продуктов каждой фермой, о надоях, физической нагрузке на трудоспособного — сколько приходится земли, скота, лугов, какова приблизительно себестоимость продукции в той или иной бригаде, каково участие техники в производственных процессах, доля лошадей, какой имеется инвентарь.

Через несколько дней начала поступать информация. Потребовались длинные ночи, чтобы обмозговать пестрые, обрывочные сведения, произвести анализ.

* * *

Первое собрание по объединению бригад провели в Добреце. Многих колхозников я еще не знал, но Кирилл Шатулин, черный, с болезненным лицом, резкий мужик, мне запомнился. Запомнилась и его маленькая, подвижная жена Екатерина. Она, напротив, отличалась здоровым румянцем, улыбка не сходила с ее лукавого лица. В молодости Екатерина отбила Кирилла от первой жены, увела его к себе в дом от четырех ребят. Теперь у них своих с Кириллом трое.

На собрании Екатерина то и дело вставляла реплику за репликой, особенно когда говорил ее муж.

— А что это за хозрасчет? С чем его едят?

— Не врасчет, а расчет, помолчала бы луч-

ше,—делал попутные замечания Кирилл, поворачиваясь к тому ряду, где сидела жена.

Сам он находился возле президиума и говорил, глядя поверх голов сидевших за столом, как бы показывая этим, что идея хозрасчета не от них исходит, а наперво от него самого.

— Я двадцать лет мечтал вот о таком собрании. Работая еще в малом колхозе председателем, все ждал, когда же до этого додумаются...

Оратор упорно доказывал, что добрецких и четвериковских мужиков объединять долго не надо: они душой давно объединены. И земли у них рядом, и кузница одна, и ездят со всякой всячиной друг к другу.

— И это опять же надо учесть. Четвериковская и краснохолмская земли отменные, а народишку в этих деревнях маловато осталось. В Добреце людей побольше. Вот сложимся силами, и дела пойдут ладней,—заклучил Шатулин.

За ним поднялся светловолосый, немолодой Василий Михайлович Монахов. Мне о нем говорили так: «Если уломаешь на бригадира — будет греметь Добрец».

Но обещанный рачитель что-то не показался с виду. Вскочил, по-мальчишески замахал руками, не к месту улыбаясь, заговорил о своих «сомнениях»:

— А как будем делить покосы? И землю как будем обрабатывать?

Пришлось объяснить, что покосы, видимо, так и останутся, как они расположены вокруг деревень, а земли будем обрабатывать — как сочтут удобнее бригадиры. Если добрецкие поля быстрее «поспеют», туда раньше и пошлет бригадир тракторы или конные плуги.

Монахов ни с чем не стал спорить, покачал

головой и сел, сразу же начав вертеть самокрутку. Собрание между тем быстро решило: объединить две бригады — добрецкую и четвериковскую.

После голосования произошла следующая сценка. В задних рядах мужики четвериковские и добрецкие сидели с самого начала собрания вперемежку, а женщины демонстративно разделились. Теперь же многие из них шумно поднимались со своих мест и шли к своим подругам. Первыми двинулись четвериковские доярки; горластые, они больше всех кричали на собрании.

— Ну вот и породнились, — подшучивали над ними мужики.

— Зря кричали-то на нас.

По кой леший...

Перед собранием в Старом Селе я заглянул на Шапкинскую ферму. Шапкино — когда-то большое село, состоявшее наполовину из хозяйств староверов, а теперь сильно поредевшее. Недостаток людей сказывался всюду, и прежде всего на ферме. Доярками здесь ходят три молодые женщины и две старушки. За телятами ухаживает старый дед.

Я давно задумывался над судьбой таких деревень: что делать с ними?

Вот и захотелось мне перед бригадным собранием еще раз навестить опустевшую деревню, заглянуть на ее ферму.

Во дворе доярок не оказалось. В тесной и подслеповой комнате молокоприемной встретил двух стариков. Черноволосый Федор Степанович — учетчик фермы. Другой старик, безволосый, морщил нос и постоянно тер слезящиеся

глаза. Звали деда Митрием или иногда ласково Митей. Дед Митя задал мне «прямой вопрос без околичностей»:

— Ну что, москвич, кукурузой будешь заниматься, аль как?

Я не знал, что ответить. Дед, верно, прослышал, что район «спустил» нам большущий план по кукурузе, бобам и сахарной свекле, а потому решил встать на защиту клеверов.

— Вильнямса, сказывают, дюже ругают, — попытался он пронять меня своими «научными» знаниями, когда увидел, что на первый его вопрос не последовало ясного ответа.

— Да нет, не дюже, — успокоил я его. — Вы, дедушка, как — больше про науку любите гутарить или политику предпочитаете? — стараюсь задать вопрос в тон старику.

— А про науку, пожалуй, больше люблю.

— Это почему же?

— Про нее, мил человек, что хочешь, то и говори, никто не обидится.

Дед лукаво посмотрел мне в лицо и, довольный, расхохотался. Весь вид его как бы говорил: «Что, попробовал деда?»

Федор Степанович крепко затянулся сигаркой и предупредительно закашлялся, — дескать, пустое затеваешь, Митрий: охота тебе задевать приезжего человека, незнакомого.

Но Митрий не хотел упустить случая, чтобы не позондировать москвича.

— Вот ты, говоришь, Вильнямса не дюже ругают. А я чую, что дюже, даже очень дюже.

— А ты что, дедушка, против кукурузы?

— Ой, против, скажу напрямки — против!

Дед натужно покашлял, взглянул в сторону молчаливого соседа и продолжал, уже ни к кому не адресуясь, словно рассуждая сам с собой:

— Совсем незнакомая культура.

Я сослался на исторический пример: когда в Россию был завезен картофель, мужики тоже против восставали.

Митрий нисколько не смутился.

— Тоже от темноты происходило. Сейчас другое дело...

Мне предстояло в клубе выдержать бой за кукурузу. Это было третье собрание, и я твердо знал, что колхозники первым делом спросят про кукурузу. На двух прошедших пришлось с жаром доказывать, что если постараться, позаботиться, то кукуруза вырастет и у нас.

Идя на третье собрание, после «научной» беседы с дедом Митрием, я почувствовал себя не совсем уверенным.

Невольно подумалось и другое: в Старом Селе надо быть осмотрительней. Здесь что ни дом, то родственники Андрея, они поддержат зама, если тот поведет другую линию.

Но Андрей не повел здесь никакой линии. После моего доклада слово взял старый коммунист Михаил Емельянович Веселов.

— Про хозрасчет ты нам, председатель, очень хорошо растолковал. Давно бы надо так. Да вот боюсь, трудновато будет проводить эту политику в жизнь. Народу у нас маловато...

Я ответил, что народ привлечь в колхоз — наша задача. Будем жить крепче — сами придут.

— Сказочка про белого бычка! — бросил кто-то из задних рядов.

Я пристально взгляделся. Белесый, невысокого роста мужик что-то говорил сидящим рядом с ним женщинам. Те только отмахивались.

Андрей успел шепнуть:

— Пошли его к черту... Это мой братан двоюродный, заводила первый сорт.

Но братан уже держал речь. Как я ни вслушивался, понять толком ничего не мог. Василий Иванович Кудрявцев — так звали брата Андрея — что называется, молот сплеча. Понятно было только одно — все начальство вредное, и слушать его речи не резон.

— А ты и не слушай их, Василий Иванович, по кой леший... — сказал кто-то ему в тон.

Он неожиданно обрадовался и сел довольный, раза три повторив понравившуюся фразу: «По кой леший...»

Собрание сбилось с курса. Все вдруг зашумели, громко начали спорить, упрекать кого-то.

Вдруг раздался громовой голос Андрея. Он заговорил о том, что теперь техники много, работать и жить стало легче; приводил примеры из прошлой жизни, когда зарабатывали «тощие» трудодни, хлеба хватало до половины зимы, коров по весне вытаскивали на дровнях, не было сбруи, чтобы запрячь коня, не на чем было ездить.

Речь его не отличалась стройностью, но колхозники слушали оратора внимательно, качали головами в такт словам, поддакивали.

Андрей кончил, как обычно, тем, что колхознику важно знать все, чтобы его не обманывал бригадир в наряде, регулярно вел учет и раздавал в конце месяца трудовые книжки.

Колхозники зааплодировали. «Как все-таки мало нужно сельскому труженику», — с грустью подумалось мне.

Я, кажется, начал вникать в смысл происходящего. Андрей, видимо, хорошо чувствовал наболевшие вопросы. И речь его оказалась не менее нужной, чем моя.

Настроение у людей поднялось. Можно было продолжать собрание.

Первая весна

Давно отсеялись. Первый председательский экзамен сдан. Не на отлично, конечно, но тройку с большим плюсом за усердие я себе могу поставить.

Май выдался дождливый, холодный. Весь месяц не слезали с коней. Андрей родился в седле, а я за три года перерыва в председательской работе отвык от лошади. Пришлось снова привыкать. Трудно было.

Кукуруза задала нам заботки. Сначала пробовали сеять ее квадратно-гнездовым способом. Механики, бригадиры, а пуще всего Алеша-агроном бегали с «мерной проволокой». Но проволока эта часто рвалась. Привозили новые катушки, чинили, связывали. И наконец бросили всю эту кутерьму.

Пустили в ход обыкновенные зерновые сеялки. Получались уже не квадраты, а разреженные рядовые посевы.

Представители района ходили по пятам, долго не соглашались на отмену квадратов. Но видели, что проволока рвалась, знали, что сроки уходят, предчувствовали встряску и в сердцах соглашались: «А, была не была, сейте!»

К концу сева в колхозе стало как-то тихо — ни представителей, ни шумных совещаний в конторе, ни одиночных стычек в поле из-за клеверов. Кое-кто из района начал догадываться о хитростях Алеши-агронома. Он сперва в точности исполнял указание о распашке клеверов, но с половины сева, когда захолодало, круто поставил вопрос передо мной.

-- Лучшие земли я «королеве» отдал. Пусть страдают лен, пшеница. Но клевера распахивать больше не дам!

Пришлось уступить ему.

...Езжу, осматриваю посевы и в первую очередь кукурузные плантации. Всходы дружные, но — холод... Растеньица быстро начинают желтеть. Беда! Вспомнился дед Митрий.

Стало стыдно за свои жаркие, «убедительные» речи. Да, север — это тебе не юг...

* * *

Вернулся из района не в своей тарелке. Жена не разговаривает, надулась на все и вся: и дожди ей мешают, и дома меня совсем не видно, бросил ее, как дуру, в деревне прозябать, и деревня эта Пача — не деревня, а дыра какая-то, да еще непомерно грязная.

Сгоряча обругал Люсю, наговорил всякого насчет «городской барыньки», «неженки» и прочее. В завершение всего вскочил на лошадь и укатил по деревням.

В полях на ночь глядя делать нечего. Поехал проверять сторожевую охрану на фермах.

Начал с Пачи. Сторожа на месте не оказалось. А где он живет, я не знал. «Эхма, дай-ка доеду до Соколова».

Проверил — и там на ферме никого нет. В темноте ничего не видно, только коровы натужно вздыхают да воздух во дворе тяжелый, спертый.

Натыкаюсь на пустые бидоны. Больно ударился ногой. Взобрался на Чинару и направился в следующее село. Но и там никого.

Еду в Горку. Здесь сторожа я знаю в лицо, знаю, где он живет. Но почему-то заранее предчувствую, что сго на месте не окажется. Так оно и есть. На ферме свет, ворота открыты, а Ивана Хамушки нигде не видно.

«Спит, наверно, чертов шутник». Иду будить. Дверь долго не открывают. Затем кто-то затопал по сениям, вот опять шаги стихли. Наконец брякает щеколда — на пороге простоволосая бабка.

— Где твой Иван шляется?

— Шляется? На печи лежит. Шлялся он с вечера...

Растолкал Хамушку, а тот спросонья ничего не понимает, бормочет невнятное.

— Ты спишь?

— Немножко есть, а что?

— Сторожить должен, вот что.

Следующее село Покровское. И здесь свет заливает весь скотный двор.

Ай да Марья! Помню, говорливая такая Марья-сторожиха. Заговорит — патока потечет. Но сейчас с ней не побалакаешь — нет ее.

Иду к дому бригадира. Дрогалов живет в центре села, напротив магазина. Дом высокий, нескладный, покосившийся. Стучу. Слышу торопкие шаги. Дверь открывает жена.

— А Василий Иванович дома?

— Дома. Черти где-то его таскали.

Дрогалов спит на диване.

Пожалел, что разбудил. Выкатил зенки — спросонья ничего не понимает и только болезненно щурится на свет.

— Сторожа... Почему сторожа на месте нет?!

Василий Иванович наконец сообразил, что никакого пожара не произошло, еще раз вприщурку глянул на свет и тут же повалился на диван.

Когда лошадь мчала меня дальше, почему-то вспомнилось только одно: голова бригадира не попала на подушку, а гулко ударилась о потерянный валик дивана.

«А черт с ним, может быть, скорее прочухается».

Вспомнил о разговоре в производственном управлении. На душе стало еще муторней.

«Кукурузу засилосовать!..» А спросил, кто будет возмещать убытки, которые колхоз понес, получил ответ: «По району много таких убытков, всех не оплатишь». Мысленно продолжаю спорить...

* * *

Наступила осень. Кудрявцев сорвался... Сорвался после того, как с него сняли взыскание. Все лето он был «на коне», и ему поверили, что ничего подобного с ним больше не произойдет. А он взял да и загулял. У меня с ним произошел крупный разговор.

— Андрей, почему себя так ведешь? Тебя люди простили, в тебя люди поверили. А ты?!

— Кто в меня поверил? Не ты ли?..

Он не договорил, запнулся. Потом виновато замигал, стал просить:

— Отпусти лучше, я учиться буду.

Во мне закипела злость:

— Знаешь что, Андрей, ты валял дурака неделями, а мы прилаживались к тебе: как бы не разбередить твое уязвленное самолюбие. Теперь довольно. Копаться в себе времени нет, надо работать.

— Понимаю, я виноват.

— Все ясно. Давай до конца договоримся. Мне тоже надоела эта неопределенность. С одной стороны, ты за хозяйство вроде болеешь, с другой — на крутых поворотах как будто стремишься выскочить из телеги первым. Что за тактика, скажи, Андрей, честно?

— Просто мне здесь делать нечего.

— Ах вот как! Или первым, или никаким — так, что ли?

Андрей изменился в лице:

— Пробовал я всяко. Извини, но мне лучше уехать.

Когда после уборки урожая Андрей уехал на учебу, на одногодичные курсы председателей, стало мне в колхозе неуютнее. В делах колхозных Андрей знал толк.

Иван Антонович Неробов

Незлобивый, тихий, уравновешенный наш сельский «мэр» Иван Антонович. Невысокого роста, крепкий, словно дубок. И характером — душа человек.

Подсчитать, уж более десятка лет работает он председателем сельского Совета. Люди ругают его больше, чем кого-либо, но каждый раз выбирают депутатом. А когда у самих депутатов спрашивают: «Кого председателем?» — дружный хор голосов непременно выплескивает: «Неробова!»

Андрей Кудрявцев любил подшучивать над Иваном Антоновичем. Когда-то Неробов председательствовал в «Красном Севере», а Кудрявцев в то время — в малой «Заре». Год тогда выдался дождливый, осень — короткой. И разостланный лен во многих колхозах ушел под снег. Кудрявцев оказался одним из немногих, кого эта участь миновала. Зато он потом уж к месту и не к месту трунил над соседом:

— Ну, как ленок прошел, высоким номером?

Такие беды со всякими председателями случаются. Но кто проработал много лет, у того за плечами и взлеты, и падения. А у Неробова — первый блин и комом.

Мой «первый блин» в «Заре» тоже выходил комом. Правда, были хорошие виды на лен, и это как-то поднимало дух у колхозников. Еще больше приободрились люди на сенокосе, когда удалось заготовить достаточное количество сена и силоса. Но подошла уборочная страда. Навалились дожди, непрерывные, словно в наказание за погубленные клевера. Техника стала. Лен теребили вручную или приделывали к льнотеребилкам «лыжи», из чего выходила одна маета.

Зерновые комбайны успели еще кое-как использовать на уборке озимых, а перед яровыми они окончательно стали на прикол.

Мы организовали «штаб» по спасению урожая. Каждому определили бригады, обязали жить там безвыездно, точнее — все дни находиться в поле вместе с людьми. И только раз в пятидневку решено было собираться в правлении колхоза, докладывать о ходе уборки.

Неробову досталась Пача — бывший колхоз «Красный Север». Андрей и здесь нашел место для шуток:

— У Ивана есть опыт, как со льном расправляться.

Но на него зашикали:

— Посмотрим, как ты нынче в Демидове и Берендюхе размахнешься.

Мне достались покровская и старосельская бригады, агроному Никитину — соболинская, Чистякову — Едома и Добрец. Главной задачей нашей было не подменять бригадиров, а «зачищать» после их нарядов возможные людские резервы: уговаривать выйти в поле техничек из школ и клубов, работников учреждений, а также агитировать в помощники приезжих гостей и деревенских старушек и стариков, которые годами не работали в колхозе.

Иногда это выглядело подвижнически.

В Бирючеве живет столетний дед Стогов. Деда не надо агитировать, он день-деньской копошится на ферме: стойла для телят починит, вертушку где приколотит. А однажды самосвальные сани для вывозки навоза изготовил—получил премию от колхоза. И сейчас дед готов был на все. Но Дрогалов в поле его не пускал:

— Куда ты, дед? По дороге развалишься...

Мне пришла в голову мысль превратить деда в агитатора. Посоветовал ему нацепить на грудь свои медали (у Стогова и Георгий имелся) и пойти поагитировать младших старичков на уборку картофеля. Дед успешно выполнил это задание.

...Когда яровые были скошены, картофель выкопан, лен убран со стлищ, в полях еще на тысяче гектаров стояли скирды необмолоченного хлеба.

— Выкрутимся как-нибудь,—решил я.

Но крутиться пришлось всю зиму. В декабре снегу еще было мало. Комбайнеры свободно подходили к скирдам, и обмолот шел своим чередом. А в январе завьюжило. До каждой скирды комбайн тащили волоком, буксировали гусеничным трактором. Колхозники вручную расчищали площадки от снега, а за ночь их снова заваливало. Бульдозеров в колхозе не было.

В декабре без особого труда обмолотили урожай с восьмисот гектаров, с остальных двухсот с небольшим «долбили» всю зиму. А семь скирд вовсе пропало: пока до них добрались, мыши их так «обмолотили», что осталась лишь мелкая, словно истриженная, солома.

Решили свезти остатки на ферму и скормить коровам. Но бригадир вовремя не свез. В райо-

не дознались об этих семи кучках, прибыл прокурор, начал вести следствие.

Иван Антонович Неробов неожиданно проявил твердость характера:

— Судить? И меня судите! Это я посоветовал.

Обошлось без суда.

Иван Антонович — человек чуткий. Внешне он может показаться даже черствым, равнодушным. Свои лучшие качества он до поры до времени носит как «вещь в себе». Виною тому — чрезмерная медлительность, природная неторопливость. Я часто задумывался: а может быть, на селе и нужен именно такой председатель местной власти? На деревне же каких только ухарей нет... Подойти к иному с жесткой меркой — в тюрьму только и годится. Разберешься — такой же грешный, как и все, только чудачеством наделен побольше.

Иная и по делу, и без дела любит ходить с жалобами в сельсовет. Но Неробова не проведешь: он всех знает.

Первое время Иван Антонович был для меня, нового человека, незаменимым советчиком, особенно после отъезда Андрея на учебу.

Поедешь в дальние бригады, ну как там без него станешь разговаривать с мужиками, когда многих не знаешь? Деревенского мужика надо хорошо знать, тогда легче поймешь друг друга.

Позже мне часто приходилось наблюдать, как приезжий человек из района или области неестественно подлаживается к крестьянину. Или хвалит ни с того ни с сего, или понапрасну обидит дельного работника. И все оттого, что не знает людей, пробует «раскусить» мужика с ходу. Но с ходу его нельзя раскусить. Крестьянин ведь тоже не знает, что за фрукт перед

ним: добрый ты человек или хитрить приехал. Вот и происходит взаимное прощупывание, ведется как бы «разведка боем». И «маскировочный» арсенал крестьянина, как правило, оказывается богаче.

* * *

А весной 1963-го уезжал на учебу Михаил Иванович Чистяков, наш партийный секретарь. Это было в разгар второго сева.

Ехали мы с Чистяковым по полям, пробирались к концу дня поближе к дому. Погода стояла неважная: то светит ласковое весеннее солнышко, то вдруг найдут облака, небо нахмурится и заморосит частый, надоедливый дождик.

В такое время отчетливо представляешь себе выражение на лицах наших механизаторов в поле: «Вот тебе и на. Побывало начальство, напланировало вспахать до вечера столько-то, а в ночь столько. Попробуй выполни. А где теперь оно, руководство наше? Может, дома, под крышей обретается».

Но мы не торопились под крыши. Возле Антипинского кладбища, за поворотом, рывкнул «газик» — нас догнала райкомовская машина.

— Здорово живете, хозяева!

— Приветствуем районное начальство.

Из машины вышел Шляпкин. Среднего роста, начинающий полнеть, секретарь райкома был довольно подвижный. Иногда просто удивительно было, как он управлялся одной рукой: ловко доставал папиросы, зажигал спичку, садился на коня.

Слабость секретаря — кони, особенно беговые, чистопородные. В нашем колхозе немного сохранилось таких от племенной конефермы.

— Ну-ка, дай на Чинаре прокачусь.

Я спрыгиваю с лошади и подаю повод. В мгновение ока Шляпкин в седле.

Чинара у меня с придурью. Всякого нового седока она в первую очередь пытается сбросить, для чего непременно делает затяжную «свечку»; затем бросается в сторону, вздыбливая задом, и уж потом вихрем мчится по полю, не разбирая дороги.

Я переживаю за Шляпкина, видя, как Чинара носит его по хлипким местам, крутит на топком лугу, бросает в мелкую заросль ивового кустарника. Но Чистяков, одобрительно улыбаясь, успокаивает:

— Этот «цыган» видывал лошадей. У него в Едоме любимой была Чонгарка, мать твоей Чинары, так что породу он эту знает.

Отдуваясь и нарочито крякая от удовольствия, секретарь подъезжает к нам. Грудина, шея у Чинары в пене. Шляпкин спешивается.

— Добрая у тебя лошадь, Кузовлев.

Чинара еще топчется на месте, бьет копытом, вздрагивая всем телом...

— Ну, а теперь сядем, побеседуем.

Александр Иванович передает повод и присаживается у канавы, на мокрой траве.

— Ты не будешь возражать, если мы заберем Чистякова из колхоза?

— Это куда же?

— Закудыкал,— нахмурился Шляпкин.— Ты вот высшее получил, а другим, думаешь, и среднего не положено? В совпартшколу отправляем.

Увидел растерянный взгляд Чистякова. Михаил Иванович почему-то отвернулся и закурил. А в моей душе шевельнулось недоброе: «Что ж, уходите, разбегайтесь, один ворочать буду».

Спускались сумерки. На кладбище в кустах прокричал чибис. Мы докуривали по четвертой папироске из секретарской пачки «Беломора».

— Сев как идет? — спросил Александр Иванович, вероятно, для того, чтобы переменить тему разговора.

Докладываю сводку, свои расчеты закончить через пятидневку зерновые и лен.

— А кукурузу так и не сеешь?

— Сами ведь знаете.

Александр Иванович хорошо о том знал, потому что план утверждался на бюро, и мы еще зимой наотрез отказались включить в план кукурузу.

— Ну-ну... — неопределенно хмыкает Шляпкин. — Смотри, парень, не сносить тебе головы.

— Не дорого моя голова и стоит.

Меня вдруг неожиданно разобрал смех. Заулыбался и Чистяков.

— Вы над чем это смеетесь? — оглядывая нас по очереди, спросил секретарь райкома.

— Да так, вспомнилось, как на отчетном собрании начальник Сельхозуправления Стрешнев «не давал» нам чистых паров, а вместо них совал кукурузу.

Шляпкин попросил рассказать.

— А чего тут рассказывать, — вмешался Чистяков. — Стрешнев грозится: «Не дам», — а Кузовлев говорит: «Не в вашем кабинете они, чистые-то пары, и без разрешения возьмем у себя в поле». Нашли где спорить, на собрании. Колхозники, ясно, поддержали председателя, все ладони отхлопали. Стрешнев ни с чем тогда и уехал.

— Весельчаки! — подвел итог рассказу Александр Иванович. — Взгреть бы вас надо, да уж ладно. Считай, пронесло.

Алеша Никитин

Чистяков уехал в совпартшколу. Временно обязанности парторга возложили на Алешу Никитина — агронома в колхозе. Алеша у нас — работяга. Все это знают. Тянет он свой «воз» исправно. И посевы в аккурат разместит, и расчеты на удобрения составит, и семена вовремя проверит, и апробации всякие сделает. Подгонять Алешу не надо...

В горячую пору Алешу в конторе никак не удержать. Он с утра до позднего вечера не слезает с Серка, ездит по полям. В дождь ли, в слякоть... И, кажется, легко переносил все тяготы жизни агронома.

Иногда сутками не уходил с поля: отлаживал сеялки, уговаривал трактористов, чтобы они и там и сям попробовали пахать, когда плуг увязал, а поле не пускало пахаря. Сам садился вместо прицеппщика или брался за рычаги трактора вместо молодого, неопытного механизатора. Неумело сердился на какого-нибудь раззяву, разорвавшего сцепку борон из-за того, что поленился вовремя подтянуть гайки.

Сухопарый, он особенно худел по весне или во время уборочной лихорадки: чернел лицом, скулы выдавались еще острее.

Колхозники в такие дни смеялись над агрономом:

— У нашего Алешки один нос остался.

А жалостливая теща его, медлительная в разговоре старуха, постоянно досадовала:

— Мурной какой-то у нас Олешка... Кормлю его, кормлю, да не в коня корм-от.

Тихий с виду, Алеша делался твердым, непреклонным, если сталкивался с несправедливостью.

Но вот сразу агронома и парторга из него не получилось. Двойной нагрузки не выдержал. Может, и выдержал бы, да больно писанина заела. То протокол перепиши, да еще в двух экземплярах (один — себе, другой — райкому), то с жалобами разберись, строчи на них ответы повсей форме, то доклад составь, то проект постановления сочини. Надо сидеть в кабинете да с бумагами возиться, а эта работа не по нем. Особенно терялся Алеша при разборе запутанных персональных дел. Поругать по свежему следу, с пылу с жару — это еще он мог. Но после, когда время стирало остроту события, наказывать человека было не в его натуре. Тут Алеша проявлял мягкость характера и жалость к людям.

Хорошо помнится такой случай. Ветеринар Едомского участка Лебедев разругался с женой и от горькой обиды ушел в «глубокое подполье», то бишь забрался на чердак и не слезал ни в какую. Было это в жаркую сенокосную пору, когда самый никудышный мужичонка на деревне и тот понимал, какой это непоправимый урон — отлынивать от работы.

Ветеринара Лебедева люди хорошо знали. Это был опытный специалист. Когда-то он служил зоотехником, ставил опыты в племенной работе, имел успехи. Потом перешел на ветеринарный участок, правлению не стал подчиняться. И отбил, что называется, от рук.

Ругали Лебедева на собраниях... Да толку-то что? Уж на что возьмется жена «пилить» своего суженого — кажется, живого места не оставит...

Не до работы ему. Посудили мы, порядили и надумали обсудить Лебедева на парткоме.

Когда Лебедев пришел — все пожалели о случившемся. Выглядел он жалким. Некоторые заколебались: «Стоит ли обсуждать?» Но, посо-

ветовавшись, решили: «Стоит! Пусть другим наукой послужит».

А Алеша Никитин говорит:

— Ребята, давайте отступимся от него. И без того мужику тошно.

Все, кто присутствовал в конторе, дружно рассмеялись. Лебедев тут же воспользовался этим обстоятельством.

— Смотрите, товарищи,— запел он подобострастно,— обсудить, оно, конечно, можно. Только у меня такая баба! Во всем районе не сыщешь такой!

Мы посмотрели на Алешу: он вовсе растерялся. И не успели отдышаться, собраться с мыслями, объявил, что на этом повестка исчерпана. Члены парткома остались в недоумении... А в довершение всего Лебедев потребовал, чтобы его доставили туда, откуда взяли.

Раздался взрыв хохота.

* * *

Тихие, скучные вечера деревенские... Выпадет денек, что вернешься домой пораньше,— и не знаешь, куда себя деть. Правда, председателю редко приходится коротать вечера дома. Все на людях, на собраниях да в длинных разъездах по раскисшим дорогам.

В Паче — центре колхоза — та деревенская церквушка, которая долгие годы сходила за клуб, пришла в негодность. Приехал из района пожарник и распорядился клуб закрыть.

Пришлось срочно собирать правление колхоза.

— Товарищи! Клуб нам нужен, а у сельского Совета на строительство нет денег. Давайте построим клуб на колхозные средства. Построим хороший Дом культуры.

Молчание.

— Ну что молчите, мужики? Разве вашим ребятишкам не надо смотреть кино, устраивать спектакли, заниматься в кружках?

— Да оно надо. А ничего не выйдет,— подает голос председатель ревизионной комиссии Никита Данилович Цветков, человек расчетливый, бережливый, придиричивый к работе колхозной бухгалтерии.

— Так что же?

— Оно, конечно, клуб иметь неплохо, — как бы вторя Цветкову, начинает рассуждать вслух старая колхозница Антонина Алексеевна. — Клуб — дело хорошее, только в клуб ходить стало некому. Молодежь — вся к городу тянется.

— Вот поэтому и надо создавать молодым условия на селе.

— Ха,— отозвался Никита Данилович,— клубом их не удержишь.

— Начнем с клуба, а там еще что-нибудь придумаем.

Мужики неохотно голосуют за клуб.

* * *

Строить Дом культуры вышли все пачевские. Им помогали жители окрестных деревень. Правление колхоза заключило договор с межколхозной строительной организацией. Проект взяли в исполкоме райсовета. Было предложено много вариантов, но Пача выбрала лучший.

— Дороговато,— ворчал Никита Данилович, рассматривая не сам проект, а рисунок на обложке альбома.— Все равно молодежь этим не удержать.

Но когда устраивались воскресники, чтобы собрать и подвести бутовый камень или расчис-

тить строительную площадку, председатель ревизионной комиссии всегда присоединялся к молодым.

Закладка фундамента вылилась в праздник. Школьники пришли на площадку строем, с пионерским знаменем, принесли бутылку с «записью» и положили в правый угол траншеи. Бетонщики тут же замуровали ее.

Молодежь, мужики и бабы подтаскивали камень, песок, подвозили воду. Старики, старухи стояли поодаль, картинно подбоченясь, судачили:

— И-их, жизнь пошла! Будто церковь закладываем.

Бутового камня навозили с реки столько, что тут же было решено излишки употребить на мостовую.

Дорога в Паче была когда-то сухая, с хорошим травяным покровом. Теперь же машины и тракторы разбили ее так, что весной и осенью она превращалась в глинистое месиво.

Отыскались три старичка, мастера дорожно-го дела. Когда-то они строили такие «каменухи».

— Сможете, деды?

— Не боги горшки обжигают. Сможем.

И тут закипела работа.

Ожила Пача, зашевелилась! Строители Межколхозстроя начали уже класть стены, довели до второго этажа, но затем их перебросили на строительство районной выставки. На нашем объекте временно водворилась тишина...

* * *

Строить — значит жить. Жить не только сегодняшним днем, а завтрашним. Ничто так не удручает, как строительное затишье на селе.

Если в какой-то деревне за год не построено ни одного сарайчика, ни одной баньки, не перекрыта дранкой или чем-либо ни одна крыша на жилом доме, значит, худы ее дела: умирает деревня...

И наоборот, какое радостное оживление начинается, когда в деревне строятся два-три новых дома, а за околицей возводится большой скотный двор или сушилка, когда под окнами старых, приземистых домов сложены штабеля свежих бревен, а рядом, в переулке, белеют рассыпанные смолистые щепки или краснеет гряда кирпича для будущей печки.

Но чтобы создать эту радость на селе, правление колхоза и сельский Совет должны проявить заботу. Ничто само собой не приходит!

Установите своим местным законом, в какое время плотницкие бригады должны строить жилые дома колхозникам, на что отпускать лес за деньги, а на какие цели бесплатно, какую ссуду может взять колхозник в кассе и как ее потом погашать, какой трудовой минимум определить мужику на тот год, когда он надумает строиться, — и вы почувствуете, как строительные дела на селе заметно оживут.

И председатель не должен ждать, когда дом у хозяина совсем повалится. Зайди, подскажи:

— Чего же ты, Иван, оплошал? Неужто хуже других? Или денег не хватает?

Он тебе, может быть, и ответит:

— Да где им, деньжатам, быть. Вишь, орава на печи.

А ты не отступайся:

— Орава — это твой резерв. Надо строиться, колхоз поможет.

Начал он возить камни под углы — опять подоспей. Остановись, побеседуй:

— Не то делаешь, Иван. На камни теперь никто дома не ставит. Приходи в контору, цемент выпишу.

Случится пожар... Спешу к убитому горем колхознику:

— Не тужи, брат, посмотри, какая сила вокруг. Не оставим в беде.

Срочно созывай правление, приглашай погорельца и на миру решай, как ему помочь.

Мир — сила! И мужик-погорелец при такой помощи особенно хорошо усваивает, что колхоз — это действительно сила!

Вопросы колхозного строительства имеют и свои теневые стороны, свои противоречия. Вот переведены бригады на хозрасчет. Живут при нем уже не первый год. Бригадир хорошо представляет: стройка — это, конечно, перспектива на будущее. Но сегодня она отвлекает силы от полевых работ, животноводства. Ведь плотники льна не вырастят, сена не накосят. Вот он и думает: «А не повременить ли со стройкой-то?»

И другая сторона проблемы. Строилась, к примеру, бригада, значит, и затрат больше произвела. В конечном счете все затраты сводятся в одну строку. Чем больше этих затрат, тем меньше средств остается для распределения на оплату труда. Гарантированная оплата труда, конечно, хорошо, а доплата к гарантии еще лучше.

В методику хозрасчета мы ввели такое правило: все бригады отчисляют в неделимый фонд двадцать процентов от дохода. Не израсходовал свою долю — остатки не тронь, пусть их другая бригада осваивает.

Но вот бригада начала строиться или занялась механизацией фермы, и средств потребова-

лось в два раза больше. В этом случае правление колхоза «додаст» ей средства из особого фонда. Так что «перерасход» по капитальным вложениям не отражается на фонде зарплаты колхозников.

Экономика должна быть чуткой ко всяким жизненным ветрам: полезным помогать, вредным ставить заслон.

За последние годы стала модной и такая тенденция: «Не важен план поголовья, важна продуктивность». Спору нет. Лучше от ста коров получить триста тонн молока, чем держать для этого сто пятьдесят.

Но иногда под этим предлогом недалёковидные бригадиры (да и председатели), просто ищут лазейку: сперва перевыполнить план продажи мяса (искусственно поднять доход), а потом найти оправдание, почему сто коров не заменили сто пятьдесят.

Наша «метода» закрывает эту лазейку.

Председателю колхоза надо быть и агрономом, и зоотехником, и прорабом. А экономистом и организатором он должен быть в первую голову!

Да, нелегок труд председателя. И случается в их судьбах разное.

Расскажу о двух бывших своих коллегах.

Степан Басов

Басов живет в Демидове, староверской лесной сторонке. Деревня не малая, более ста домов. Старики здесь бородатые, характером тяжелые, крутые, богу молятся усердно, но и чертыхаются изрядно.

Степан Григорьевич был первым коммунистом на селе. Затем ушел на фронт, отвоевал, вернулся старшиной, возглавил колхоз.

Шестнадцать лет кряду председательствовал он, всякого наглядялся.

Но колхоз «Волна», хотя и состоял сплошь из упрямых бородачей, гремел в районе: «Волна» первая отсеялась, «Волна» больше всех заготовила кормов, «Волна» закупила племенных коров, «Волна» мясо по трудовням выдает — вот какая молва ходила в сводках и не в сводках о «Волне».

Где-то по соседству мужики бедствовали, разорялись, получали жито по трудовням, а демидовские бородачи осенью засыпали добрый хлеб в амбары.

Степан Басов с мужиками своими исправно управлялся.

С виду Басов угрюм, молчалив, лицо изъедено мелкой оспой, по местному выражению — шадровит. Но когда его осеняет счастливая мысль, кожа на лице разглаживается, розовеет. Говорят, Степан в юности был очень застенчивым парнем, девчат побаивался, на гульбищах забияк сторонился.

Степан Григорьевич долгие годы был преуспевающим хозяином.

Шли годы.

В «Волне» управляется Степан Басов, в соседней «Победе» сидит Дрогалов Василий Иванович, а в «Заре» появился Андрей Кудрявцев. Это-то и сыграло роковую роль для Степана, как мыслит он. Кудрявцев по натуре был «агрессивным» соседом. Поначалу он быстро пошел в гору, стал строиться, часто со своими мужиками ездил в лесные делянки через Демидово. И всякий раз трунил над соседями:

— Побьем, обгоним! Вот увидите...

А однажды нагрянул на собрание в «Волну».

В тот год в Демидове случился недород, мужики шумели при отчете председателя. А тут еще Кудрявцев подлил в огонь масла:

— Что я вам говорил, бородачи? Побили мы вас!

Степан Басов, не найдя поддержки у своих односельчан, вынул печать из кармана, хлопнул ею о стол:

— Ша, кончен мой доклад! А теперь до свидания.

И началось в «Волне» безвластие. Степан из дому не выходит. Мужики митингуют, но председателя никак выбрать не могут. Пробовали к Степану стукнуться — не впускает.

Из района стали наезжать представители — ничего не помогает. Наконец сам секретарь прибыл. К Басову не пошел, хотя и хаживал в дружках, а сперва мужиков собрал:

— Ну как, деды, не надоела вам жизнь за-порожская?

— Надоела, милой, надоела.

— Так кого вам в председатели-то хочется?

Бородачи все уже решили между собой, но сказывать не спешат.

— Ды-к, если Степан Григорьевич выйдет на народ, быть ему за старшего.

Секретарь повел народ к Степановой избе.

— Чего, Басов, задурил? Получай печать, да гляди в оба. Сосед твой молод, задирист, но с головой. Смотри, как дело поворачивает. Догонять надо.

Не удержался Степан Басов, принял печать. С новой силой навалился на гужи колхозные. А тут объединение...

Три колхоза «уложили» в один. Теперь объ-

единенный колхоз стал называться «Зарей», а Андрей Кудрявцев в ней стал председателем.

Закатилось солнце Басова! Стал он нехотя бригадирить в бывшей «Волге». А затем и совсем скис. Таким я и застал его во второе свое появление на Вологодчине.

Эх, Степан, Степан! Как тебя жизнь покорила...

Василий Дрогалов

Детство Василия Дрогалова прошло в бедности. Юношей был пытлив, резв, но судьба сперва обделила его здоровьем, потом помытарил на дорогах войны, затем надолго отказала в семейном счастье.

...После войны Василий Иванович стал председателем. Колхоз «Победа», где он хозяйствовал, только имя носил боевое. А побед никаких не было.

Дрогалов заступил на пост в самые голодные послевоенные годы. И не криком начал свою деятельность в колхозе, а добрым расположением к землепашцу, с заботы о его малых детях, о нем самом.

Однако подвела Дрогалова злополучная чарочка. Выбыл он из председателей. Стал после объединения в колхозе бригадирить.

И все же Дрогалова не переставали уважать люди. Бывало, пропадет — вся бригада простаивает. Колхозники не знают, что им делать. А зайдет разговор об этом на правлении — одно слышишь:

— Жалко мужика. И что это с ним сделалось?

Но жалость в конце концов сменялась возмущением. Правление колхоза снимало тогда Дрогалова с работы. Но ненадолго. Кого бы ни ставили бригадиром — порядка у покровцев не было.

Колхозники снова требовали Дрогалова. Правленцы не соглашались, а потом уступали. Василий Иванович люто набрасывался на работу. И так успевал подогнать дела, что покровцы быстро наверстывали упущенное, снова выбивались в передовые. А Дрогалов опять ударялся в загул.

Наконец терпение лопнуло. Отправились мы с новым секретарем парткома Сергеем Егоровичем Алексеевым собирать бригадное собрание и окончательно снимать Дрогалова с бригадиров. Но он на собрание не пришел, пропал куда-то. На другой раз — та же картина. Пропал, сгинул бригадир. Кинулись на розыски. Целый день мотался «газик». Вдруг натыкаемся — сидит за старой кузницей. На нем и лица нет.

На следующий день состоялось собрание. Дрогалов пришел первым. Информации не требовалось, люди все знали. Прения начались стихийно. Выговорились все. Наконец встал Дрогалов.

— Не знаю, нынче собрание колхозников или открытое партийное. Вроде коммунисты все присутствуют. Я исключен — знаете. Но все равно... Даю слово: пить больше не буду. Все... только поддержите.

Когда возвращались домой, разговорились с парторгом.

— Ну что, ты и теперь не доверяешь ему?

— Честно говоря, не очень.

— Не торопись, Сергей. Ты мало еще пожил у нас.

Забегая вперед, хочется рассказать, чем все это кончилось. Дрогалов сдержал слово. Прошел год, минул другой, а у него с зельем полный разлад. Односельчане пытались разыграть иногда бригадира. Встретят у магазина, зазывают: — Василий Иванович, сообразим...

Дрогалов не увильнет, не обозлится. Сам бутылку распечатает, чарки наполнит, из своей выплеснет через плечо и, улыбнувшись, отойдет в сторону:

— Сказано вам, завязал!

Василий Иванович даже сколотил в колхозе что-то вроде общества трезвенников.

Дрогалову мы с Сергеем Егоровичем потом общественную нагрузку придумали. Выдвинули его председателем товарищеского суда.

* * *

Заседание правления колхоза на этот раз было необычным. Обсуждались четыре неуспевающих ученика Шайминской восьмилетней школы. Ученики эти, что называется, «атлеты». Беда с ними на уроках, и дома они ничем полезным не занимаются. Вместе с родителями их вызвали на заседание правления.

Молодую учительницу, классного руководителя, мы попросили рассказать о своих «героях». Пожилые колхозники, члены правления, недоумевали: «Стоило ли нас тащить издалека для таких пустячных дел». Учительница уловила это настроение.

— Уважаемые товарищи колхозники, — начала она свой доклад, — мы ценим ваше дорогое время. Но воспитание детей — это общее наше дело. Без вашего участия нам не справиться.

Старики подобрили.

— Валяй, говори, дочка, слушаем.

— Вот Мельников. Он не хочет учиться, а мог бы. Дома его никто не контролирует, мать винит нас, учителей, в неумении повлиять на сына, а сама и слова ему не скажет...

— Да разве он послушает нас с отцом? — не сдерживается мать Мельникова.

Муж ее, Иван Федорович, солидно добавляет:

— Мы что, разве мешаем учиться...

На них зашкали:

— Помолчите.

Учительница рассказала о проступках Васи Гараси и Анатолия Кирьянова.

Семья Кирьяновых — пачевское бедствие. Детей много, ребята все здоровые, а работать ленивые. Одна мать ломит в колхозе за всех. Муж ее, щуплый, щедушный человек, вечно плачется, что с ребятами сладу нет.

— Так что ж, Анатолий, учиться-то не хочешь?

— Хи... учиться.

Решаем определить его молотобойцем в кузницу и заставить учиться в вечерней. Парень — переросток, нечего в школе попусту околачиваться. Будет успевать — начнем и по работе продвигать, жалованья прибавим. А пока пятьдесят рублей в месяц.

Анатолий радешенек.

Остальным «атлетам» члены правления дали строгий наказ за ум взяться, учиться как следует, прикрепили к ним шефов.

Предстояло еще обсудить несколько производственных вопросов. Но «ребячье дело» разбредило души мужиков, и разговор о школе продолжался.

— Что же это такое получается? — не успокаивался Никита Данилович. — Ребятам и то, и другое дали... Им теперь и оправу покупают — раньше женихов так не одевали. А нет, не идет на ум учение. Да и в колхозе не хотят работать после учебы.

— А почему так, мужики? Давайте вместе подумаем, — задал я вопрос.

— Кто же его знает почему? — озадаченно говорит Андрей Антонович Антонов, трудолюбивый мужик из соболинской бригады. — Живем теперь хорошо. У меня вот со старухой домище — на взвод целый хватит. Все в доме есть: одежда у ребят, питание — чего хочешь! Нет, подавай им город. Как медом приманивает.

Его дочь Римма, лучшая доярка в колхозе, чей портрет не снимали все эти годы с доски Почета, недавно неожиданно для всех бросила ферму и уехала в город.

— Культуры у нас не хватает, — говорит заученно секретарь комсомола Соня Вихарева.

Сама она тоже была, как говорится, «на мази»: вернулся ее парень из армии, скоро свадьба. А там — город, это уж так повелось...

— Нет, товарищи, молодежный вопрос — более глубокий! Конечно, права Соня, культуру надо поднимать. Но и с ростом культуры на селе молодежь будет уходить в город. На первых порах еще хлеще побежит... — говорю я.

Павел Антонович Беляев — бригадир из Берендюхи — испуганно вытаращил глаза:

— Это как же понимать, Михалыч? Выходит, на вред себе всякие там клубы строим да телевизоры в красные уголки покупаем?

Все дружно рассмеялись над Беляевым, вспомнив, как он на прошлом правлении усердно выпрашивал телевизор для своей бригады.

— Отдавай обратно, Беляев, свой телевизор. У тебя ребят мало, последние разбегутся.

Но шутки шутками, а дело-то серьезное. Мы должны сделать все для того, чтобы жизнь в деревне стала для молодых привлекательной. А для этого надо строить не только клубы, детские сады и ясли, но и коммунальные дома со всеми удобствами. Необходимо приводить в порядок дороги, разбивать сады и парки в селах. А то ведь крапивой, лопухами заросли некоторые деревни. Обо всем этом я и сказал членам правления.

— Это верно,— поддакивали мужики.

— И все же и это, скажу я вам, не остановит молодежь. Деревня отстала от города, и нам надо догонять жизнь семимильными шагами. В первую очередь следует механизировать основные процессы в сельскохозяйственном производстве, особенно на фермах, чтобы труд для молодежи стал интересным, под стать труду городских рабочих. Иначе молодежь никаким клубом не заманишь на село. Более того, надо упорядочить рабочее время. Разве согласится девушка работать на ферме, если ей придется торчать там целый день? Присмотритесь, с ней и парни не дружат, потому что ей некогда бывать в клубе, некогда целоваться...

Все рассмеялись.

— А школы какие у нас? Старые, деревянные. Спортзалов нет, мастерские никчемные. Разве все это — не наша с вами забота?..

— Нет, тут уж извини,— не выдержал пенсионер Александр Иванович Тихомиров.— В городе и театры, и листораны — все государство строит. А мы — школу своим ребятам подавай. На свои деньги.

— Эх куда загнул, дядя Саша. Если уж заговорил о деньгах, то возьми в толк и такое. Нам сейчас государство платит, скажем за мясо так: за килограмм живого веса вдвое дороже, чем само продает. Верно?

— Верно.

— Это от рабочего класса идет дотация нам, крестьянам, чтобы мы на ноги скорее поднялись. А ты, Александр Иванович, «листораны»...

Тихомиров доволен, что ему столько времени уделили. Вид его говорит: «Все, мол, мне теперь ясно».

Из-за печи подал голос Степан Григорьевич Басов. До того он сидел молча.

— И я хочу сказать...— Лицо у Степана порозовело.— О молодежи тут насказано. Все это мы в толк взяли. Не скоро удержишь, значит, ее. А я предлагаю совсем не удерживать. Пусть уходит!

На него зацыкали.

— В уме ли ты, Степан? Одумайся...

— А я давно одумался. Подневольник — не богомольник, это я так понимаю. Не отпускаем добром ребят, родители их заранее выпихивают. Вот и моя Поля давно уж детей в интернат спровадила. Думаете для чего? Чтобы после школы пошли в техническое училище или на завод, но в колхоз не вернулись. Был у нас с ней уже об этом спор, все я выяснил.

Степан всегда удивлял своей откровенностью. И нынче его слушали внимательно.

— Ну и что ты предлагаешь?

Признаться, задал Степан задачу. Быстро не сообразишь.

— Пусть на первых порах будет так: отработает молодежь год — и вся, подчистую, уйдет из колхоза. Допустим. Все равно другая смена

на год-два останется. Получится что-то вроде переходящего резерва. Идея!

Басов окрылен всеобщей поддержкой.

— Главное,— продолжает он развивать свою мысль,— колхоза перестанут бояться... А в колхозе тем временем надо бы курсы какие-то организовать. Все больше молодежи задержится.

Никита Данилович Цветков все это время, пока говорил Басов, не спускал с него глаз. Под конец заметил:

— Ума в тебе, Степан,— палата. Вот если бы еще так работал.

— А что, я не работаю, не стараюсь?.. — Степан разгорячился.— Жизнь какая-то чудная пошла. Нам жить дают, а мы от земли шарахаемся. Это я о молодежи. Да не только молодежь... Ты вспомни сам-то, Никита, как раньше трудились, как колхозы после войны поднимали?

— Помню, все помню, Степан Григорьевич,— Никита Данилович зачем-то встал, полез в свой карман и вытащил блокнот.— Хорошо поешь, Степанушка... Но пока ты за печкой сидел, и я молчал. А вылез — вспомнил. Недавно я проверял твои покосы. Не меряешь ты их. Как же пишешь людям, сколько они вырабатывают?

Степан хотел что-то сказать, растерянно поглядывая на Цветкова.

— Я подсчитал: выходит у тебя на каждого косца по шестьдесят три сотки в день. Допустимо ли это? А дни уборки?!

Припертый к стене Басов не знал, как оправдаться.

— Вот так будешь «руководить» — и впрямь все молодые убегут,— закончил Никита Данилович.

Люди развеселились. От «философского» настроения не осталось и следа. Кончилась «поэ-

зия», перешли к прозе. Но правлению предстояло еще вернуться к решению молодежных проблем.

Сергей Егорович

Способных партторгов на селе не часто встретишь. Попадется кто поталантливей — в райком заберут или еще куда выдвинут. Бездельника тоже быстро заметят, коммунисты сами от него избавятся.

У нас с уходом Чистякова много партторгов перебивало. Не приживались. Предпоследним был Сиротин Николай Павлович. Душа-человек — в самый бы раз на такой работе! Да вот беда: жена с ним в наш колхоз не поехала, осталась в Шексне. Помыкался Сиротин, да и подался обратно. Не разводиться же на старости лет. Да и прихварывать стал — некому доглядеть.

Не знаю, как кому, а мне всегда тяжело расставание. Только сработаешься, душа к душе приладится — и на тебе, привыкай к другому. Всякое подумаешь при этом: может, чем не угодил, может, командовал в колхозе слишком круто, ущемил чем партторга в его власти или заботу какую не проявил...

Между тем колхоз наш в районе стал заметным. Поднялась урожайность зерновых, увеличилось производство мяса, молока и других продуктов. По молоку, правда, мы еще не очень блистали, но ленком неплохо все эти годы занимались, доход за миллион перевалил. Колхоз отстраивался...

В 1965 году стали разукрупнять большие районы.

Села наши испокон веку к Череповецкому району относились и до революции в этом же уезде числились. А тут вдруг, в связи с разукрупнением некоторых районов, постановили «Зарю» отнести к вновь создаваемому Шекснинскому району.

Возмутились мы, письмо в обком партии написали. Секретарь Череповецкого райкома Шляпкин тоже не захотел отдавать соседям свою родину, обрадовался, когда мы письмо написали. Приехал совет держать. Из области сразу звонок. Говорит секретарь обкома:

— Чего, Шляпкин, народ там баламутишь, к письмам подбиваешь?

— Да нет, Анатолий Семенович, Кузовлев сам написал. И парторг с председателем сельсовета его мнение разделяют.

— Пусть там журналист молоко доить учится, а не письма сочинять.

Эхма!..

Началось объединение.

Делегатов наших на Череповецкую конференцию не берут, а в Шексну сами не едем. Обиделись всерьез.

В последний день установилась телефонная связь с новым районом.

— Почему никого нет на конференции?

— А приглашения ждем. Мандаты у нас в Череповец выписаны, в Шексну никто не приглашал.

Срочно пригласили.

Приготовил я убедительную речь в защиту наших прочных связей с Череповцом: «Не отрывайте, мол, «Зарю» от Череповца-батюшки, нашего светоча и маяка!»

Председатель оргкомитета Портнов ответил:

— Если для вас Череповец был батюшкой,

мы сделаем все, чтобы Шексна стала матушкой.

«Как бы она не оказалась мачехой», — подумалось невольно.

Делегаты конференции дружно похлопали в ладоши и проголосовали за присоединение. Наши четырнадцать голосов веса не имели, с ними не посчитались.

А вскоре после того и Сиротин ушел в «Шексну», в свой родной колхоз. Старый там председатель Тимофей Александрович Иванов, глуховат на одно ухо, да крепок на руку. Гремит «Шексна» на всю область, ходит в передовых. Тимофей Александрович еще на учредительной конференции подтрунивал над нами:

— Аль «Заря» кого боится, что в район к нам не идет? Может, соревноваться тут не с кем?..

«Ну погоди же, старый! Соревноваться мы будем. Вот наберемся сил — схватимся, не побоймся».

Тимофея Александровича поддержал и Андрей Кудрявцев. Он закончил учебу и работал теперь председателем в колхозе имени Кирова.

— Вызываем и мы «Зарю» на соревнование!

Испробовать все силы Кудрявцева я уже не боялся, знал его слабые и сильные стороны. На «ура» может народ поднимать, на это он мастер, но для глубокой, вдумчивой работы ему не хватало «усидчивости», склад характера был не тот...

Нас подзадоривали:

— Ну-ка, три кита, схлестнитесь!..

Сергея Егоровича Алексеева прислали к нам после посевной, в разгар сенокоса. Парень молодой, только что окончил совпартшколу. И родом не из дальних — из колхоза «Угла», что по соседству с «Шексной».

Красивы места угольские! Склоны да перевалы, и лесочек на каждом взгорке. Родники бьют. Угольские мужики пропускают их по деревянным лоточкам прямо с горки да во дворы. Не надо никакого водопровода, вода и зимой не замерзает.

Боялись, загорюет у нас на низинных землях Сергей Егорович. А он ничего, привык: живет да наши места нахваливает. Мы ему и дом соорудили, чтобы семью перевез. Приехала его молодка Нина, детей начала рожать. Значит, корни пускают Алексеевы.

Сергей Егорович с виду тихий, застенчивый, но не робкий, как может показаться на первый взгляд. Мне он таким сначала и показался.

Помню, ездим по колхозу и день, и два... Новый парторг задаст несущественный вопрос, и опять долго едем молча.

«Эка,— берет досада,— какого тихоню прислали».

А он — приглядывается к колхозу, что-то в уме прикидывает.

Кончили объезд. Алексеев говорит:

— Что-то с силосным звеном ничего не получается у нас. Не будешь против, если я за него возьмусь?

Про себя я подумал: «Ну и влетит мне за такое использование комиссара», — а вслух произношу:

— Валяй.

Сергей Егорович, в прошлом механизатор, забрал на базе свободный самосвал и укатил в звено.

Легко отпустить сразу, не подумавши. А потом начнут одолевать тревожные мысли — беда!

«А вдруг завалится? Сумеет ли подойти к ребятам?» Ведь про наших людей недаром гово-

рят: «Пачевские — мужики хваческие». И поехать, поглядеть — тоже неловко: «Вот, — подумает, — не доверяет, приехал опекать».

Решил дня три не ездить в звено. И правильно сделал. Сергей Егорович сумел сам войти в дела, незаметно, но надежно расположить к себе ребят.

— Стоящий мужик, — сообщил мне «по секрету» тракторист Сергей Милославов. — Принимаем во свои.

Правда, словам Милославова я тогда не очень-то придал значение. Этот молодой механизатор, хотя парень он был и в годах, всего второе лето работал на тракторе. В прошлом году поставили на льномолотилку — подвел всю бригаду. То у него трактор барахлил, то с колотушкой не клеилось... Одним словом, здорово ругались колхозники. И у меня о Милославове создалось определенное мнение: никчемный механизатор.

Заново открыл Милославова Сергей Егорович.

— Слушай, — заявил парторг вполне категорично, — ты напрасно такого мнения о нем. Милославов — замечательный парень. Ему можно любое звено доверить. Посмотри, какой он остряк... Одним словом, парень с головой.

И парторг оказался прав. Не прошло и года, как талант в Сергее Милославове действительно объявился. Милославов брался теперь за любое дело и добивался неизменного успеха. К его словам стали прислушиваться даже старые механизаторы, а вчерашние выпускники считали за счастье попасть на практику к Сергею Милославоу.

На следующий год мы решили создать не одно, а три силосных звена. Правда, техники не

хватало, бригадиры, механики на нашу затею поглядывали косо.

— Вот заберете всю технику в звенья, а нам что останется?

Приходилось теперь силосным звеньям, кроме основной, давать дополнительную нагрузку — окучивать картофель, проводить химическую прополку льна. Все это, конечно, мешало звеньям по-настоящему развернуться на силосе, вносило нервность в работу. Некоторые механизаторы теряли веру в успех дела, опасались, что полетят заработки.

Посоветовался с Сергеем Егоровичем.

— Не хочу, парторг, ломать твою идею на счет звеньев, но ведь на самом деле положение в бригадах тревожное. Как бы бригадиры не запороли нам нынче лен и пропашные культуры.

Увидел, что удручен Алексеев. Жалко ему звенья.

— Ну ладно. Не будем трогать. Давай временно снимем дорожный отряд Вихарева, все самосвалы бросим на силос, а из звеньев возьмем часть колесных тракторов.

— Идет, — обрадовался парторг. — Но только... дороги у нас тоже плохие.

— Ничего, ничего. Много маялись, еще год потерпим. А силос, лен нужны каждый год, без них и дороги нам будут ни к чему.

Но и после этого звенья оставались орешком, который предстояло раскусить. Я чаще стал наведываться к Алексею Ивановичу Зародову, механику центрального участка. Этот человек — барометр. С выводами не торопится, долго взвешивает обстоятельства. Смотришь иногда на него и негодуешь: «Вот ведь тугодум! И чего третмнет, когда дело ясное?» Но Зародов никогда

не спешит. Он тысячу раз отмерит, проверит, пока не убедится, что «дело верное».

Как-то раз рано утром проезжаю мимо базы. Никого из трактористов еще нет, а Зародов — тут, копается с роторной косилкой.

— Труд на пользу.

Алексей Иванович поднял голову и скупно улыбнулся. Видно, не слишком доволен, что его застали за этим делом.

— Для звена стараешься, Алексей Иванович?

— Приходится. — Он раздумывает еще несколько минут, не прекращая своего занятия, а потом решается заговорить: — Дела у них не шибко хорошие. Бригадир отвел самое неподходящее поле, машины часто ломаются.

— Так, так... Ну, а ты-то как думаешь?

— Это о звеньях, что ли?

— Да.

— Сергея бы Егоровича к ним. А то ребята чего-то хандрят.

— Нет, Зародов, Сергея Егоровича сам проси, я ему не начальник.

— Не поняли вы меня. Я хотел, чтобы только съездил к ребятам, вдохновил. Ему они поверят...

— А! К родоначальнику обратиться?

— Вот, вот.

Я понял, что звенья теперь пойдут, приживутся у нас. Уже если Зародов забеспокоился — дело верное. Поднимать дух у ребят мы отправились в тот день втроем...

...Звенья в нашем колхозе оправдали себя. В конце года подсчитали: себестоимость тонны «ручного» силоса была семнадцать рублей сорок копеек, а в звеньях он обошелся в три рубля тридцать копеек.

Дом культуры строился долго, работы на объекте то разворачивались, то затихали. Наконец маляры завершили покраску стен, полов, а прораб предъявил объект к сдаче.

Завертелся, засверкал огнями наш Дом культуры.

А тут другая забота подкараулила.

На территории сельсовета две школы-восемилетки. Одна из них, Покровская, совсем пришла в негодность. Две школы объединили в одну. Это не выход. Надо строить новую.

В районе долго думали, как поступить. Требовались деньги, и немалые, а в роно их нет.

Колхоз предложил: «Давайте на паях строить».

Выбрали проект на триста двадцать мест.

Когда заложили фундамент школы и вывели стены, старики зацокали языками.

— Да что же это руководители наши смотрят? Школа-то хуже клуба будет.

Новую школу расположили рядом с Домом культуры, обозначив тем самую новую улицу.

Задумались мы с парторгом.

— А не надстроить ли второй этаж, пока не поздно.

Поехали за советом к секретарю райкома Портнову. Тот с ходу одобрил:

— Валяйте, ребята, поддерживаю!

Но легко сказать «валяйте»... Началась перепланировка, потребовался другой проект. Съездили в Череповец, нашли проектировщиков. Пока проект изготавляли, представитель Госархстройконтроля закрыл наш объект, предписав издержки отнести на виновников.

— Эх, брат Серега, влипли мы с тобою в историю.

Случилось это перед моим отпуском. Поехал я, а Алексееву сказал:

— Ты, парторг, все брось, а с документацией пробивай, доводи до конца.

Сергей Егорович без меня, что называется, развернулся. Он добился нескольких «консилиумов», толковые проектировщики исследовали фундамент, заложили шурфы, Госархстройконтроль под их напором отступил.

Но в районе уже кое-кто был не рад этой затее.

— Завели волынку в Паче...

Проект утверждать в области не стали. Говорят, дайте заключение Госстроя. Послали гонцов в Москву. Госстрой отсылает их в Министерство просвещения РСФСР. Наконец проект утвердили.

Но тем временем подрядчик «сбежал». Произошла заминка и с финансами. Школа-то теперь будет стоить не сто сорок, а четыреста тридцать тысяч. Роно своей доли дать не может. Пришлось нам собирать колхозное собрание.

— Мужики! Денег на школу требуется четыреста тридцать тысяч. Как мыслите, одолеем или скажем, что не под силу?

— А как само руководство колхоза думает?

— Думается, осилим. Заработки у колхозников не пострадают.

— Ну, тогда согласны. Строить надо.

— Эх, ядрена-матрена! — прерывает председатель ревизионной комиссии... — Ну и добр народ у нас стал, ничего-то ему не жалко. Да ведь это более четырех миллионов на старые...

Но мужики понимают по-своему.

— Да! Времена... что еще дальше будет?

Жизнь на селе — сложнейшая штука. И обидно бывает, когда о наших хлопотах рассуждают упрощенно! «А, чего там... деревня! Не атомные реакторы осваивают... Землю, скот».

Земля!.. Профессия земледельца уходит в глубь веков. Иногда приходит на ум такой вопрос: а почему нет истории земледелия? Нет, история земледельцев, конечно, есть, а вот исторической агрономии нет.

Современная биологическая наука и агрохимия дают сейчас сельскому специалисту возможность все глубже проникать в тайны земли и растений. Он хорошо знает, где, в какой дозе надо внести азот, фосфор, калий, когда подать в почву микроэлементы, чем можно поддержать, а чем убить то или иное растение. Но научная вооруженность как бы отодвигает на второй план хозяйственную интуицию, наблюдательность хлебопашца.

Побеседуешь иной раз с дедами, — как они любовно, с глубоким знанием особенностей местных почв говорят о земле, как тонко чувствуют душу земли! А ведь теоретической учености у них никакой не было. Почему же крестьянин хорошо знает свою землю? Потому что наблюдения, опыт хлебопашца бережно передавались из поколения в поколение.

А сейчас специалист приходит на село с хорошим запасом теоретических знаний, но на практике ему приходится начинать все сначала. Редкий агроном, работавший прежде, оставит своему преемнику историю полей.

Трудовой опыт, что фольклор, — с ним надо поступать осторожно. Отчего люди так неразумно обращаются с ним? Изобретая новый метод,

почему-то спешат позабыть старый. Может быть, в этом есть какой-то особый смысл? Думаю, что нет. Просто обычная людская небрежность, с которой вот уже много лет мы относимся к земле.

Но полно философствовать! Деревня менее всего нуждается в этих «почему». Хватит, она их слышала, устала слушать. Не словами, а делом своим надо доказывать верность земле, родному краю. Полюбилась деревня, приглянулась, пришлось по сердцу — засучивай рукава и работай.

Программа такая

— Так вот, товарищи! Программа будет такая...

При слове «программа» колхозники, бригадир и специалисты нестораживаются, не бросают удивленных взглядов на говорящего. Повестка дня выработывалась долго, многое обговаривалось заранее.

— В отношении молодежи давайте внесем такую поправку в наш устав:

«Сельхозартель «Заря» гарантирует колхозной молодежи право после окончания учебы в школе выбрать себе любую профессию как сельскохозяйственную, так и не сельскохозяйственную.

Одновременно правление колхоза обязуется ежегодно организовывать курсы механизаторов, подбирая для этого подростков, окончивших не менее 8 классов. Дни учебы на курсах оплачиваются по установленному заранее тарифу.

Наиболее способных юношей и девушек направлять в качестве колхозных стипендиатов в техникумы и институты, установив им стипендию на 50 процентов выше государственной.

Широко использовать и метод индивидуального ученичества. Установить, что если опытный тракторист, комбайнер, кузнец, доярка обучит в течение шести месяцев юношу или девушку, в том числе своего сына или дочь, а последние сдадут экзамены квалификационной комиссии и получают права,—выплачивать обучающему от 40 до 60 рублей.

Если молодой колхозник, пройдя ученичество и получив профессию, все же не пожелает оставаться в колхозе, он должен отработать один-два года, после чего беспрепятственно получает необходимые документы и уезжает куда угодно». Как мыслите, товарищи, подойдет эта «программа» в нашей обстановке?

Члены правления соглашались: «Подойдет!» — но некоторые из них сомневаются: «А выйдет ли что путного?»

С полчасика шумели. Наконец все согласились: — Надо испробовать.

В перерыве я отыскал Сергея Егоровича, утащил его вниз, в кабинет агрономов.

Мне хотелось узнать его мнение, хотя обо всем, кажется, тысячу раз переговорили. Но сейчас, когда вопрос вынесен на обсуждение актива, когда видишь, как на него реагируют люди, обменяться впечатлениями нелишне.

— Валяй, жми, до конца. Не сразу переваривается, но чувствуется: люди начинают понимать, что к чему.

Перерыв кончился.

— А теперь давайте обсудим вторую часть нашей программы. Она более обширна по своему размаху и целям. Речь пойдет о строительстве, о сселении малых деревень и о том, как нам жить дальше. В колхозе тридцать три деревни. Это не «тридцать три богатыря, все как

на подбор». Одни — крупнее, другие — мельче, а некоторые совсем обезлюдели. От самой южной до крайней на севере более двадцати километров. Связь между деревнями слабая, большая часть года — бездорожье. Разве молодежь удержат в глухих, отдаленных деревнях, где нет ни клуба, ни библиотеки, ни магазина, ни детских яслей? Старикам, может быть, такое «природы раздолье» и по душе, а молодежи это мало подходит. Надо сселять мелкие деревни...

— Верно, верно, — раздаются голоса с мест.

— И это требуется не только для того, чтобы удержать молодежь в колхозе, а также с чисто производственных позиций. Старые, мелкие дворы не механизировать, нужно строить новые, типовые. Нынешние сушилки, кладовые, примитивные мастерские и кузницы не отвечают требованиям времени. Но мы их строим, перестраиваем опять же на старый лад. А надо коренным образом перестроить все наше хозяйство. О поселении мелких деревень речь ведется давно. Но воз и ныне там. Почему? Видно, не с того конца за дело беремся. Нет четкой программы, только споры идут: кто к кому должен переезжать. Каждый кулик свое болото хвалит...

Мы изучили эту проблему досконально, заранее обсудили с активом. Были консультации с районным архитектором, с другими специалистами. И вот что выходит. Наиболее перспективными оказались семь деревень. Еще четыре близко примыкают к ним и со временем сольются в одно целое. Вокруг этих деревень расположены наиболее крупные фермы. Так получилось, что в них находятся почти все школы, клубы, магазины, медицинские учреждения нашего колхоза.

Из тридцати трех деревень намечается оставить одиннадцать.

Чтобы лучше представить, каким будет наш колхоз через десять — пятнадцать лет, давайте посмотрим план-схему бригадного центра — Старого Села и центральной усадьбы — Пачи, — с пафосом говорю я.

Экономист Нина Бобкова прикалывает к стене два ватмана.

Первый лист — план Старого Села. Здесь нанесены дороги, мосты, ручьи, пруды. Зеленые квадратики — это существующие дома и хозяйственные постройки. Красным изображено то, что предстоит построить. Двадцать два дома мы поставим на старых пустырях, где когда-то жили люди. Кстати, не худо бы во всех деревнях подсчитать эти пустыри, узнать, скольких хозяйств лишилась та или иная деревня. Это ведь жизнь, история наша.

Далее идет новая линия домов. Назвали мы эту улицу условно Новосельской. Здесь пока помечено двадцать восемь домов, но в перспективе может быть и больше. В стороне от села, в восточной части, размещается животноводческий городок, куда потом переселятся фермы из деревень Шапкино, Горки, Калинин, Полежайки. Здесь будет коровник кирпичный на двести голов, два телятника, подсобные помещения. Территория будет обнесена забором, озеленена. Сюда прокладывается дорога. На северной стороне по ручью — пруд, зеленая зона, ниже — общественная баня.

Возле школы заложим фруктовый сад, здесь же неподалеку разместится детский городок. Все улицы озеленяются. Прокладывается водопровод, кружочками помечено восемь колонок. В северо-западной части размещаются хозяйствен-

ные постройки: зерноток, мастерская, навесы, кузница, мельница, здесь же будет второй водоем. Клуб в Старом Селе еще не старый, нужно только благоустроить территорию вокруг него, помещение магазина надо капитально отремонтировать и пристроить столовую. Дорожному отряду Вихарева предстоит первоначально спланировать территорию, сделать дороги, посыпать их гравием, раскорчевать пустыри.

Второй лист — наша центральная усадьба. Пача в скором времени должна слиться с Шаймой.

На старой улице Пачи уже нет пустырей, все застроены. Южный склон пересекает новая улица — Юбилейная, так пожелали ее назвать новоселы. Тут построены детский сад и шесть домов. Дальше на восток еще около двадцати домов, а на запад, сразу же за Домом культуры и строящейся школой, пойдут двухэтажные двенадцати-квартирные дома. Ниже по склону, за школой, построим спортгородок и стадион, а за ним будет зеленая зона, пруд. Далее, на железнодорожной станции, где сейчас деревянная платформа, скоро начнем строить вокзал. Документация есть, договор заключен.

На северном склоне — центральная ферма. К существующим трем дворам здесь будет поставлен кирпичный коровник на двести голов. Пилорама со старого места убирается, и будет построен восточнее от ферм новый лесоцех. А за ним разместится база механизации: мастерская, гараж, склад, бетонные площадки для прицепных машин. В следующем году начнем прокладывать по улицам водопровод. Документация тоже изготовлена, договор со строителями заключен. В районе новой школы, рядом со стадионом, построим двухэтажный универмаг. В пер-

вом этаже разместим комбинат бытового обслуживания, у которого будут свои филиалы в бригадных центрах. Как только закончим строительство мостовой в Паче, начнем благоустраивать центральную площадь, забетонируем ее, украсим. Продолжим работы по благоустройству парка Победы, расширим его границы, туда войдет и территория школьного сада. В парк перенесем памятник погибшим воинам-землякам.

В Паче и в некоторых ближайших деревнях скоро появится газ. Работа ведется, плиты, баллоны закуплены.

— Чтобы отстроить центральную усадьбу, потребуется не менее девятисот тысяч рублей. А вернее, и весь миллион. Это на первый случай. А потом, на втором этапе — двух миллионов мало.

— Ого! А не загнул ли ты, председатель?

— Нет, сейчас разогну...

Чтобы отстроить все семь бригадных центров, потребуется на первых порах свыше пяти с половиной миллионов рублей. В год, если разделить на десять лет, надо будет освоить пятьсот пятьдесят тысяч рублей. Но это не страшно. Доход наш теперь полтора миллиона с хвостиком. И стоять на месте мы не будем: года через два доведем его до двух миллионов. Уже сейчас колхоз может отпустить на строительство не менее двадцати пяти процентов годового дохода.

Не в деньгах главная трудность. Потребуется много рабочей силы, а про стройматериалы и подумать страшно. Но, как говорится, глазам всегда страшно, а руки потихоньку делают... Вопрос переселения колхозу надо взять в свои руки. Одни колхозники могут построиться сами, другим это не под силу, нужна помощь. Создадим переселенческую комиссию, которая будет

определять в каждом случае все затраты колхозников, связанные с переселением. Определим заранее, что от двадцати до сорока процентов этих затрат колхоз берет на себя. Транспортные перевозки идут целиком за счет колхоза. Остальные средства, если переселенец их не имеет, колхоз будет оформлять как ссуду, которую необходимо погасить в течение пяти — десяти лет.

И еще одно дело следует предусмотреть. У нас в Демидове построена колесная мастерская. Станков там всяких много, половину времени они не загружены. Предлагаю построить там еще столярную мастерскую, сделать пристройку и изготавливать рамы, двери, косяки. При перевозке старых домов все эти детали и конструкции вот как понадобятся.

Меня поддерживают:

--- Дело, пожалуй!

Одобренный поддержкой, выдвигаю последний вопрос:

— У нас построено больше десятка коммунальных домов. В дальнейшем такое строительство за счет колхоза будет расширяться. Давайте установим сразу — квартплату с жильцов в коммунальных домах не брать. Эти дома в первую очередь будем давать специалистам и молодоженам, то есть молодежи, остающейся в колхозе, возвратившейся из армии или приехавшей из города.

Вечерком на реке

Тихий теплый летний вечер. Деревня погружается в сон. Гаснут огни, спускаются сумерки. Только окна Дома культуры залиты электрическим светом. Из открытых дверей и окон разносится музыка, задорная, звонкая. Молодежь ган-

цует. Мы с парторгом отдыхаем на крыльце конторы, курим.

— Знаешь, пойдём ко мне,— говорит Сергей.— В буфете хранится недопитый «ошкamelок» коньяку, хватит по рюмочке.

— Неплохо бы. Но у меня другая мыслишка. Давай сперва съездим на реку, искупаемся. Пропотел, пока доклад делал.

Взревел мотор «газика». Свет фар выхватил кусок пыльной дороги, сгустив сразу тьму по обочинам. На переезде, впереди, пыхтел паровоз, подталкивая состав «вертушек».

— Вот видишь, и балласт прибыл, значит, железнодорожники надумали строить вокзал.

— Долго раскачивались.

Паровоз подтолкнул вагоны, освободив проезд. Мотор фыркнул, машина покатила дальше. Проскочили Четвериково, Добрец. В Едоме свернули влево, к реке. Здесь на берегу, где остановилась машина, стояла когда-то паровая мельница. Теперь, по плану благоустройства Волго-Балта, ее разобрали и перевезли. Рядом остались торчать столбы ветряка.

— Знаешь, Сергей, историю с этим ветряком? Надумали как-то едомцы электричество провести в дома (электрификации тогда здесь не было). Ну вот, а Алеха Левашов тут как тут. Мужик он дошлый, вечно что-нибудь изобретает, да только ни одной затеи до конца не доводит.

Алеха говорит на собрании:

«Мужики! Колхоз наш миллионер... Пора бы насчет электричества кумекать».

«А как?» — интересуются мужики.

Алеха, поломавшись для виду, выкладывает: «Ветряк бы соорудить. Даровая сила...»

И хотя Алеха заломил шальную цену, собра-

ние постановило: «Строить ветряк». Было это перед самым сенокосом. Колхозники подались на луга, а Алеха, сколотив бригаду, остался в деревне — строить ветряк. Но строили с прохладцей. Всюду бабы, мужики косами брякают, а Алехина бригада у реки прохлаждается. Тополами потюкают — за удочки примутся. Вот подходит срок, а ветряк и наполовину не готов. Алеха чертежи переделывает: все ему кажется, что вышка мала. До того ее доподнимал, что плотники бросили топоры, разбежались. А Алеха — нет, не отступается. Он вторую бригаду сколотил, да прибавку к зарплате не забыл выпросить.

Проходит и второй срок. Тогда председатель сам назначил последнюю «добавку», строго предупредив:

— Ша. Не кончишь — пеняй на себя.

Наконец сооружение готово. Собрался в воскресный день народ на берегу смотреть чудозобретение. Алеха бегаёт вокруг ветряка, тянет волынку. Ему хочется побольше эффекта произвести. Но вместо эффекта курьез получился. Маховое колесо, заскрипев, крутанулось раз другой, деревянная махина покачнулась, затрещала, а налетевший ветер докончил дело. Рухнул ветряк...

Народ врассыпную! Тут тебе и смех и грех... Люди смеются над изобретателями. Председатель вовсю жостерит Алеху. А тот, отойдя в сторону, дико озирается.

— Ты к чему это? — спросил Сергей Егорович.

— А к тому... не получилось бы у нас с тобой такого же разгрома. Затея смелая, рискованная. Вот тебе не страшно, например? Переселение...

— Вон ты о чем.

Сергей весело посмотрел на меня в упор, и на душе немного отлегло.

— Ну ладно. Поговорим об этом после. Давай купаться.

Вечерняя вода теплая, словно парное молоко. С реки в залив потягивает туманом. На противоположном берегу, где-то в зарослях камыша, крикает неугомонная утка.

— Ишь, надрывается,— кричит из воды Сергей.

Он взмахивает сильными руками и плывет дальше, на середину залива.

— Знает, что мы без ружья.

Подул внезапный ветерок. Туман понемногу стал рассеиваться. Вдали засверкали огоньки бакенов. Где-то нутужно и раз, и два прогудел пароход. А может быть, баржа-самоходка наткнулась на мель и теперь жалуется на свое одиночество в ночной тиши.

Почему-то подумалось: «У каждого своя стихия».

Мы вылезли из воды и начали одеваться. Кто-то верховой медленно пробирался вдоль берега, мурлыча под нос песню. На селе звонко заливались собаки.

Штурм

Осень шестьдесят восьмого года выдалась короткой. Рано подули холодные ветры, наскоро, но хлестко отдождило, а потом повалил снег...

Думали, попугает нас осенняя непогода — мол, поторапливайтесь, хозяева,— и успокоится. А она не думала затихать: свалилась бедой на наши головы — за две недели сократила сезон

уборки, который у нас, на Севере, и без того короток.

Такая же точно погода стояла, помнится, и в шестьдесят втором, хлеба пришлось убирать вручную. Но тогда в колхозе «Заря» было больше рабочих рук, теперь их поубавилось. Правда, техники стало много. Но что с ней поделаешь в такую слякоть? Стоит, сердешная, тоску на людей нагоняет. Хоть снова за косы берись.

А дел — непочатый край: с пятисот гектаров надо поднять лен, убрать картофель, кормовую брюкву, не скошены яровые в Мурашках. Ячмень и овес на осушенных землях вымахали в рост человека, но ранние холода задержали их созревание.

Что делать?

Незадолго до ненастья побывал у нас первый секретарь обкома партии Анатолий Семенович Дрыгин.

— Хорошие хлеба, — порадовался он. — Но смотри, хозяин, сроки уходят. Убирать надо, не жди погоды.

Действительно, тянуть дальше было некуда. Пришлось не ждать полного созревания яровых, косить их на силос. Срочно отрядили звено Сергея Милославова. Механизаторы поставили колесные тракторы на полугусеничный ход, приспособили роторные косилки, начали силосование.

Сергей привез из дальней бригады два спланных зерновых комбайна.

— Зачем они тебе?

— Оборудуем, будем косить недозревшие хлеба. Пустим за комбайнами копновозы — легче будет забирать массу в бурты.

— Задумка дельная. Давай, Милославов, пробуй.

Сергей Егорович Алексеев, партторг наш, собрал партийно-хозяйственный актив. Приняли короткое постановление: «Коммунисты все, как один,— в поле!»

Бригадирам, механикам, агрономам мы дали наказ весь день находиться в поле, среди людей, а около комбайнов — бывать и ночью. Контору колхоза, сельский Совет, другие наши учреждения закрыли — всех служащих отправили на уборку картофеля.

Звено Милославова убрало на силос более пятидесяти гектаров ячменя и овса. Но дальше дело не пошло. Поля раскисли, техника окончательно стала. Звеньевой почернел, зарос щетиной, охрип от ругани, но, как ни бился, пришлось отступить.

Ну что же, и за пятьдесят гектаров спасибо...

Теперь надо было спасать лен. Из-под снежной хляби женщины выскребали тресту, мужчины вытряхивали снег из бабок, крутили вязанки.

Сыро. Сгниет лен... Отступились.

А тут ударил морозец. Поднялась нудная поземка. Легким блестящим покрывалом подернулись поля и луга. Скрылся под снегом ленок.

Вот тебе и миллион восемьсот, которые планировали получить в этом году.

Как все-таки несправедлива судьба! Радовались хорошим видам на урожай. Накупили техники. Все рассчитали, приготовились убрать богатый хлебушко. И вот...

Но вдруг с пятого ноября подкатила оттепель. Всю ночь лил дождь, а шестого — день чудесный...

— По коням, ребята!

Начались горячие дни. В городе четыре выходных подряд радио льет бравурную музыку, а

наш колхозный радиоузел чуть ли не каждый час повторяет решение штаба: «Всем в поле, на лен!»

Пошла в бой «Заря».

Колхозники, учителя, школьники, пенсионеры — все встали в строй. И городские, приехавшие было погостить на праздники, тоже включились в дело. Тронула, взяла их за душу забота крестьянская.

За четыре дня спасли весь лен. А потом взяли косы и навалились всем миром на яровые. Со снежком, с веселым звоном свалили косами на мерзлую землю недозревший овес. Сойдет на корм скоту.

Так завершили мы хозяйственный год. Миллиона восьмисот он нам, конечно, не дал, но полтора миллиона рублей получили.

И получили, конечно же, благодаря энтузиазму людей!

* * *

— Ты вот что, Сергей, собрал бы партком. Специалистов позови. Подведем итоги «штурма». Обсудим, что сделать, чтоб погода впредь не заставляла нас врасплох.

— А я думал, ты самобразишь, председатель. Ведь это скорее по твоей линии.

— По моей? Нет, брат, это не одного правления касается. Всем подумать надо.

У нас с секретарем парткома часто так бывает. Хорошо, что до обид не доходит. Если он первый подаст какую-то идею, меня это немножко кольнет, но я стараюсь не подать виду. А когда за мной инициатива, вижу, как хмурится мой Сергей Егорович, но тоже крепится, фасон держит.

— Вот посмотри, что у меня получается в расчетах.

Парторг видит — у председателя не блажь, а мысль дельная заимелась, и тут уж характер в сторону.

Вот и сейчас он пододвигается ближе, внимательно слушает.

— Понимаешь, в колхозе у нас десять комбайнов. При нужде и больше пошлем в поле. В хорошую погоду каждый из них может дать по пятнадцать бункеров. Может?

— Ну, положим, и по восемнадцать дадут. Сам был комбайнером, знаю.

— Ладно, клади по пятнадцать. В одном бункере тонна зерна. За смену по сто пятьдесят тонн выходит. А если иногда убирать хлеб ночью? Чуешь, что получается?

— Чую, председатель. Ну и что?

— А то, что все наши сушилки за сутки пропустить могут тонн сорок, максимум пятьдесят. Соображаешь, куда дело клонится?

— Чего тут не сообразить. Разрыв получается между мощностью зерноуборочной техники и возможностями нашего сушильного хозяйства. Примерно в три раза. А ну-ка... Что же выходит? — оживляется Сергей Егорович. — В погожие дни комбайны стоят, а в плохую погоду рвем их. Всю жизнь учимся, а поумнеть никак не можем.

Алексеев со стула пересаживается на диван, устраивается поудобнее и решает, видимо, поддеть меня:

— Летом, помню, ты, председатель, ловко расписывал будущее колхоза. Какие планы, какие перспективы! Мечты, фантазии, а вот экономических расчетов что-то не слышно было.

— Всякому овощу свое время. Тогда речь шла о перспективных планах, а теперь пора браться за конкретные дела. Надо иметь точные расчеты и на сушилки, и на склады... И главное, с техникой чтобы все было увязано, ее мощностность не должна пропадать даром.

— Мысль интересная,—вновь переменялся в настроении Сергей Егорович. Немного помолчал, собираясь с мыслями.— Вот сейчас мы говорим о сушилках, складах, а завтра о фермах речь пойдет. Тоже ведь на глазок, без расчета делаем. Потом, быть может, менять все придется. Надо обо всем хозяйстве думать, скоординировать наши планы, чтобы нигде прорыв не грозил. Фермы, бригады, машины, склады, зерносушилки — все должно быть увязано между собой.

— А может,—предлагаю я,—нам с тобой, парторг, в район поехать, поговорить в производственном управлении, с инженерами посоветоваться. А потом и в другие хозяйства заглянуть. Интересно, что соседи об этом думают.

* * *

В Шекспи приехали поздно вечером. Но в окнах нового трехэтажного здания, недавно выстроенного для райкома и райисполкома, всюду горел свет. Впрочем, «поздно вечером» — понятие относительное. Зимой дни короткие, сумерки наступают рано, и к нашему приезду работа в районном штабе шла еще полным ходом.

Производственное управление сельского хозяйства размещается на втором этаже. Почти всегда здесь людно, особенно в дни совещаний или когда специалисты, руководители хозяйств приезжают с отчетами, «выбирают» фонды по технике, удобрениям.

Но сегодня в коридоре тишина. Слышно только из открытых дверей хлопанье счетных костяшек да рокот арифмометра.

Начальник управления занимает просторный кабинет. Всюду развешаны диаграммы, а возле стола — два кресла для посетителей.

— Можно к вам, Иван Федорович?

За столом, заваленным бумагами, книгами, сидит пожилой человек, сухощавый, почти лысый, с живым выразительным лицом.

— Здорово, здорово, орлы! Заходите.

«Орлы» — любимое обращение нашего районного «старшины». Но оно предназначается не для всех. Надо заслужить делами такое «звание».

— Так вы по какому делу?

Мы переглядываемся с Сергеем Егоровичем. Тот кивает: мол, начинай ты.

— Мысли кое-какие одолевают...

Федоров звонко хохочет.

Человек он простой, бывалый, любит и шутку, особенно у рыбацкого костра, умеет и сердитую речь загнуть, если обстановка того требует. Сейчас он хохочет, уставившись в потолок, прикрыв двумя пальцами вздрагивающие веки, словно придерживая их.

— Мысли и меня иногда одолевают, особенно по ночам.— Иван Федорович бросает на нас быстрый взгляд. Смеху как не бывало.

— И по какому поводу мысли ваши?

Мы, председатели, хорошо знаем нашего «старшину» — его надо сперва развеселить, потом уж можно у него что угодно попросить.

— Насчет сушилок потолковать приехали и всего прочего.

Федоров собрался было опять расхохотаться, но только покрутил головой — передумал.

— Что запланировано, то получите. Сверх плана не ждите, не дам.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет не вошел, а вбежал секретарь райкома партии Портнов. Невысокого роста, подвижный, с шелюрой густых седеющих волос. Он подал нам руку, Федорову кивнул: виделись.

— О чем разговор, если не секрет?

Федоров встал из-за стола, начал прохаживаться по кабинету. Передвигался он как-то особенно: не прямо, а какими-то зигзагами, то и дело поворачиваясь и поглядывая на нас сбоку.

— Вот орлам сушилки понадобились.— Он сделал еще несколько шагов и уселся за стол.

— Намаялись нынче с уборкой, — вставил Сергей Егорович.

Портнов, поняв, чего мы добиваемся, задумчиво произнес:

— Да, осень показала, что сушилок нам еще много надо.

— Дело не в том, что много,— сказал я,— надо вообще иметь точный расчет по каждому хозяйству. А то у одних густо, у других пусто.

Портнов резко повернулся в мою сторону:

— Ты же член бюро райкома, сам знаешь, как идет распределение техники.

— Знаю. Делят, конечно, по справедливости. Всем хозяйствам свою долю выделяют.

— Ну и что, ты с этим не согласен?

— Да, не согласен. Потому что принцип погектарной нагрузки на технику устарел, он не дает полного представления о положении дел в том или ином хозяйстве. У одного колхоза земля легкая для обработки, у другого — трудная. А машины всем поровну даются.

Портнов и Федоров переглянулись.

— Возьмем комбайны. Тут погектарный прин-

ций вовсе ни к чему. В одном хозяйстве берут по двадцать центнеров с гектара, а в другом всего лишь по десять. А техники и тем, и другим дано одинаково.

Секретарь райкома заметно оживился:

— Так, мысль интересная. Продолжай.

Мне ничего не оставалось, как выкладывать начистоту.

— Мысль эта не у одного меня зародилась. Многие председатели недовольны. Надо бы всем собраться, потолковать, поспорить. Скажем, о тех же самых принципах распределения техники. Ведь все в жизни меняется. То, что нынче хорошо, правильно, завтра, глядишь, устарело. Когда-то чуть не открытием казался принцип учета произведенной продукции на ста гектарах. Сравнивали, укоряли друг друга. А теперь устарело все это. Потому что неодинаковые у нас гектары, вот в чем дело, оказывается.

Федоров опять заходил по кабинету.

Он заговорщически переглядывался все это время с секретарем райкома. Наконец не удержался:

— Смотри, какие философы в «Заре» объявились! Это они все к тому ведут, чтобы лишние сушилки выклянчить.

Алексеева прорвало:

— Никто не клянчит, мы у себя, может быть, и так обойдемся. Но мысль, по-моему, высказывается верная.

— Верная, говоришь? — это уже Портнов включился в разговор. — Ну-ка, давай, продолжай.

— А что, — не смутился Сергей Егорович. — Я так смотрю. Одним колхозам надо давать побольше почвообрабатывающих машин, навозоразбрасывателей. Другим — кусты раскорчевы-

вать, камни убирать, чтобы они порядок на своей земле навели. А третьим — уборочных машин побольше: землю свою они уже привели в порядок и теперь получают высокие урожаи...

— А у вас что, самые высокие?

— Не самые высокие. Но за последние три года колхоз удвоил сбор зерна. Комбайнов тоже стало больше. Управляемся. А вот сушильное хозяйство у нас явно устарело, отстаёт.

Федоров опять звонко рассмеялся:

— А ведь уговорят, орлы. Ей-ей, докажут, что им в первую очередь подавай сушилки.

Я подоспел на помощь Алексееву:

— Не только сушилки, а и транспортеры для механизации складов, зерноочистительные машины, погрузчики.

— Ну добро, добро, — сдался Федоров. — Сразу из кармана я вам ничего не дам. Мы тут думаем.

Когда уходили из кабинета, уже за дверью вновь послышалось федоровское любимое:

— Ну и орлы! Вот дают!

* * *

Техника, техника... У всех теперь только и разговоров, что о ней. Техники на селе стало много, но используем мы ее еще плохо. Сроки службы машин сокращаются.

Падает и выработка на трактор. Почему? Не стало второй смены. Даже на весеннем севе ночная работа теперь редкость.

Времена меняются. Раньше председатель и ночью не спал. Вместе с агрономом, механиком следил, как работают машины. Простой трактор одну смену — ЧП.

Выйдешь, бывало, ночью за село, взберешься на бугорок и стоишь как зачарованный. Гул,

рев вокруг тебя! И свет фар отовсюду. Это работают механизаторы ночной смены. По гулу учились определять, кто где пашет или какой трактор стоит: «Не слышно голоса».

Теперь ночной пахоты почти нет. Много тому причин. И с кадрами туго, и не в моде вообще становится вторая смена на тракторе. Но главная причина, по-моему,— низкое качество ночной работы. Ночью и вспашка, и культивация все-таки не те. Вот агрономы и не поощряют ночную работу. Они знают, что техники теперь достаточно, можно и за световые часы управиться.

Однако второй сменой бросаться еще рано. Необходимо позаботиться о равномерной кругло-суточной загрузке машин на весь год. Но для этого нужен целый комплекс, вполне продуманный набор прицепных и навесных орудий. Кстати, тема эта далеко не изучена в сельском хозяйстве и ждет своих исследователей. Не знаю, думают ли над этим научные институты, но тема эта, кажется, благодатная и актуальная.

Несколько слов скажу о кадрах. Думаю, что существующая система подготовки сельских специалистов кое в чем устарела. Профессионально-технические училища все еще продолжают готовить главным образом трактористов, комбайнеров, шоферов. Но кадры этих «старых» профессий с успехом можно подготовить теперь и у себя дома. База для этого есть. Полезнее будет, если училища начнут давать селу мастеров-наладчиков, токарей, тазоэлектросварщиков, сантехников, электриков, мастеров машинного доения, слесарей по ремонту, газификаторов. Люди таких профессий сейчас очень нужны колхозам и совхозам, а учить их негде.

Об уходе молодежи из села пишется теперь много. Указываются разные причины. Одной из

них является узость в выборе профессии. Правда, нынче в моде стали «философы», которые считают, что отлив сельского населения — явление не только отрицательное, но и положительное. Это, дескать, заставляет местных руководителей больше внедрять технику.

Верно, заставляет.

Но сельским руководителям впору задуматься и над другим — что делать со стариками. В процентном отношении их становится в деревне все больше и больше. К чести сельских пенсионеров, все они очень трудолюбивы. Но это, говоря языком философов, — единство противоположностей, явление не только положительное, но и отрицательное. То, что они трудятся, — хорошо. Однако их труд накладывает известный отпечаток на характер сельскохозяйственного производства. Технический прогресс, вероятно, проигрывает от этого.

Машины, новые станции, запасные части, строительные материалы, удобрения — все это необходимо деревне сегодня. Но больше всего необходимы ей люди. Напрасно иные мудрецы стараются изо всех сил доказать, что в нынешний век бурного развития науки и техники машины, а не люди решают судьбу сельскохозяйственного производства. Говорят, что в Америке занято в сельском хозяйстве семь или восемь процентов населения и никаких шефов городских там не знают.

У нас, в деревне, рабочих рук тоже немного, хотя и живет более тридцати процентов населения страны. По большей части это старики и старухи. Не гнать же их на все четыре стороны.

Наши старики и старухи всю свою жизнь отдали сельскому хозяйству, они кормили страну в тяжелые военные годы, беззаветно трудились на

земле и после победы, не искали где-то на стороне легкого хлеба. Сейчас государство дает им пенсии, колхозы, как только окрепли, стали помогать престарелым, не оставляют их без внимания.

Иной обыватель бездумно восхищается высокой культурой и урожайностью американских полей. Ему бы втолковать надо, что в культуре земледелия и русский крестьянин знает толк. А что касается урожайности, то тут еще посмотреть надо, у кого она выше. Посади того же Гарста на вологодскую хлябь — враз прояснится картина.

Наш колхоз по шестнадцать центнеров и более стал собирать зерна. Соседняя «Шексна» — за двадцать перевалила, а колхоз имени Кирова к той же цифре подтягивается. Правда, земли у кировцев и шекснинцев получше, побогаче наших, и удобрения рядом. Дороги у них хорошие, легче завозить все — не то что нашему колхозу по болотной бездорожьи.

Зато «Заря» во льне толк знает: сеет ежегодно на пятистах пятидесяти гектарах и по урожайности никому в районе первенства не уступает.

А дороги? Дайте срок, и «Заря» проложит свои дороги. Механизированный отряд Вихарева год от года пополняется, набирает силы, ремонтирует старые, строит новые дороги.

Колхозы «Шексна», имени Кирова и наша «Заря» соревнуются между собой. Обмениваются часто делегациями, ревниво следят друг за другом. Вот съедутся председатели, бригадиры, специалисты и спорят до хрипоты, выясняют, кто лучше поработал. А между тем приглядываются к хозяйству соседей, перенимают их опыт. Одним словом, здорово получается!

Наш секретарь райкома партии Клавдий Евдокимович Портнов во всех этих делах большой дока. Знает, чем зажечь мужиков, как подзадорить соревнующихся.

Он и формулу придумал: «Заря», «Шексна» и колхоз имени Кирова — маятники районные. Куда они качнутся — туда и район потянут».

Вроде с шутки все началось, а смотри, как дело обернулось. И по молоку, и по мясу, и по зерну три эти колхоза вырвались вперед, стали давать до тридцати процентов всей сельскохозяйственной продукции района.

Марк Иванович

Пачевскую кузницу кто-то в шутку прозвал сельским ОТК. С некоторых пор у нас стало правилом — без кузнеца трактор в поле не выпускать.

Побывает трактор в капитальном ремонте, это из районной мастерской прямиком гонят к Марку Ивановичу: «Осмотри, Иваныч, хорошо ли подлечили».

Иной механизатор заторопится, уедет в поле, минуя ОТК. А потом пожалеет об этом. Поработает денек, другой, смотрит — забарахлил трактор. Но и тогда сельский кузнец не выскажет обиды, а только назидательно заметит:

— Хотел мимо ОТК проскочить? Меня, брат, сторонкой не объедешь.

Марк Иванович на всю округу кузнец известный. Работает он в Паче не один десяток лет. В молодости хаживал на заработки, от колхоза одно время совсем было отбился и теперь числился наемным рабочим. Правда, договор с правлением колхоза кузнец заключает только для того, чтобы иметь лучшие виды на пенсию.

Во всем остальном Марк Иванович считает себя полноправным колхозником.

Я часто навевывался в кузницу. Здесь с механизаторами можно встретиться, поговорить. А иной раз собственная нужда гонит: то рессора у легковой машины лопнет, то еще какую-либо штуквину отковать надо. Кузнец любит, когда само начальство к нему идет. Покурит, побеседует. А то и кувалду в руки сунет:

— Ну-ка, вдарь разок-другой. Сможешь?

Работой кузнеца можно залюбоваться. Сам он неширок в плечах, с виду ничем не удался — ни ростом, ни осанкой, а поди ты, как ловко орудует у наковальни. За что ни возьмется — спорится дело. Марк Иванович и медник, и сварщик, и по токарному делу мастер. А освободится от кузницы — топором орудует дома, что тебе заправский плотник.

Сам себе хоромину возвел, не стал строителей нанимать. И такой дом получился — соседям на зависть. На следующий год решил обшить сруб тесом: придумал специальный станок для обработки досок, резцы, калевки всякие понаделал. И щепу драть тоже все едут к нему. Стоит у него станок за кузницей, под навесом. Марк Иванович сам отладит скобу, включит механический привод, опробует приспособление. А потом только скажет:

— Мусор за собой не забудьте убрать.

Вот и весь наказ. Платы за услуги он не возьмет с колхозника никакой.

Механик Зародов иногда поругивает кузнеца:

— Смотри, Марк! Председатель ценит твои золотые руки, но за «левака» и прогнать может.

Тот только отмахнется:

— Погонит — себе ж навредит. Кто ему рессоры чинить будет?

Зародов делается еще грознее:

— Найдутся люди.

Иногда Марка Ивановича вызывают на правление «снимать стружку». Правда, ругают не только за собственные провинности, чаще ему за жену достается. Все знают: насколько деловит кузнец, настолько же бездельница его жена Нина. В деревне все ее зовут Марушкой. Целыми днями сидит она на крыльце, песенки попевает...

Не задалась у Марка Ивановича семейная жизнь. Одно удовольствие — работа. Здесь Марк Иванович, что называется, расцветает душой, забывает свои горести. Когда он в кузнице, не звон от наковальни идет — музыка получается.

Но однажды ночью загорелась кузница. Марк Иванович учуял беду первым. Выскочил из дому в исподнем и бросился на пожар. Тушил огонь с каким-то иступлением, опалился сам, а пуще почернел лицом с горя: сгорела дотла кузница.

Срочно собрали членов правления.

— Беда, — говорю, — мужики. Марк-то наш, глядите, осиротел. Надо бы поскорее кузницу ему справить.

Нашлись скорые подрядчики. Все механизаторы пришли строить Марково заведение. Ровно за неделю была готова новая кузница, да такая, что сам Марк Иванович не мог скрыть восторга.

— Э-хе! В такой хоромине можно будет задать жару!

Петрович

Редееет на селе старая гвардия механизаторов... Подумаешь об этом — грустно становится.

Понимаешь, что колхозы как бы расстаются со своим детством — нелегким, тревожным, героическим. Ведь старая гвардия зачинала колхозы...

Уходит старое время, но остаются добрые песни о нем — боевые, задорные, а то и лирические, с грустинкой:

Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...

Попробуй собери бывалых механизаторов — Хлебникова, Зародова, Белякова, братьев Тихомировых, Лебедева, Беляева, напхни им слова этой песни — увидишь, как увлажнятся их глаза и подобреют суровые, обветренные лица.

Иван Петрович Тихомиров, или попросту Петрович, — один из этой когорты. Работает он механиком Покровского куста. Куст немалый: объединяет четыре комплексные бригады, одной пашни у них более двух тысяч гектаров, а сколько лугов, пастбищ, лесных и болотистых уголков, о которых тоже забота нынешним механизаторам.

Под рукой у Петровича теперь десятка два гусеничных и колесных тракторов новейших марок, самоходные комбайны, автомашины (по две-три в каждой бригаде), около сотни всяких прицепных машин. Четырнадцать деревень надо объехать, чтобы побывать у всех механизаторов, посмотреть, чем они заняты, не нуждается ли кто из трактористов, комбайнеров, шоферов в его помощи.

Бригадиры комплексных бригад, которым вручена теперь вся техника, то и дело, порой даже с мелочью, обращаются к механику:

— Петрович, взгляди, что с плугом у Беляева. Не пашня, а прядки сплошные.

Механик тут же спешит в поле.

— Петрович,— жалуется в сердцах другой бригадир,— когда выберешь время заглянуть на сушилку? Замаялись ребята с сортировкой. Растрясло всю.

Тихомиров и тут не отказывается. Ладит он сортировку в Демидове, а из села Покровского уже летит верховой:

— Иван Петрович, у Генки трактор встал. Натяжник полетел.

А где его теперь достанешь, этот самый натяжной винт? Пора горячая, в запасе нет, придется ехать в район. И Петрович садится на мотоцикл, мчится в мастерские Сельхозтехники.

Дорога до райцентра хорошая — недавно проложили бетонку. Тарахтит старый ИЖ, трясет люльку, в которой у Петровича всегда что-то наложено: гремит и брякает.

Навстречу мчатся лихие «газики», пылят тяжелые МАЗы, обдавая мотоциклиста шквальной струей газа и дыма, шипят раскатистые «Волги». Петрович морщится от всякой этой напасти, щурится, тугой встречный ветер выгоняет из глаз непрошеную слезу.

...В тридцатые годы, еще мальчишкой, увидев первый трактор, убежал он в МТС, поступил там на курсы. А потом мотался по колхозам, всю округу исколесил на одном из стареньких пыхтунов — ХТЗ. Добрые были кони! Десятилетиями тракторы эти латали, лечили. Даже когда их сняли с производства, они все не сдавались — еще долго трудились на колхозных полях. Памятник бы поставить этому беззаветному коню первых пятилеток...

По деревням Тихомиров иногда разъезжает тоже на мотоцикле. Но чаще всего для этого служит ему рыжий меринок. Безотказный, выносливый, лишь бы овсеца было вдоволь.

— Петрович, чего мерин у тебя скис? — любит пошутить главный агроном Алеша Никитин.

— Овсеца просит. Не знаешь, что ли?

— Нету овсеца. Клевера теперь поспели. Отведу участочек — навязывай.

Петрович не сдается:

— Некогда навязывать, Алеша. Весь день в бегах.

И это верно. Тихомиров день-деньской крутится около тракторов в поле, то к одному, то к другому скачет.

Механика всегда отличишь издали. Он крикост, сутуловат, крепок в кости.

В часы дружеских бесед или пирушки в кругу старых друзей-механизаторов стоит только кому-либо заговорить о былом, напомнить лишние страдные денечки, Иван Петрович, вмиг подобревший, затянет трубным простуженным голосом:

Мы с чудесным концом
Все поля обойдем,
Соберем, и посеем, и вспашем.

Вдруг вскочит как ужаленный, засуетится — и к своему рыжему меринку.

— Вопашем? Вспашешь тут с вами!

Друзья смеются, отговаривают Петровича. Но механика уж ничем не остановить. Рыжий несет его опять в поле, волочит напрямки через луга, продирается сквозь кустарник на знакомый гул трактора.

Завидит Петрович стоящий без движения трактор, поворачивает меринка.

— Чего, форсунку, что ль, запрессовало?

«Форсунку запрессовало» — это любимая приписка механика. Все ее знают, знают и что положено отвечать на такой вопрос.

— Нет, заменжевало.

Какой смысл имеют эти «запрессовало», «заменжевало» — никто не пытался отгадывать. Мало ли всяких баек у механизаторов. Но так уж все привыкли начинать разговор с механиком, именно с этих слов и тогда, когда тракторист чувствует в чем-либо свою вину, и когда, наоборот, видит, что Петрович и сам нынче с «винцой». Вся разница заключается в том, что в первом случае тракторист отвечает на «пароль», чуть понурившись, виновато опустив голову, а во втором — с некоторой бойкостью, с легкой подковыркой, но с полным пониманием сложившейся ситуации.

И в том и в другом случаях механик скинет куртку, засучит рукава и будет исследовать мотор до тех пор, пока тот не затарахтит радостно, заливисто.

— Поехали! — раздается команда.

Тракторист, глядишь, уже сидит за рычагами. А Иван Петрович, густо нахмутив брови, отыскивает глазами своего меринка: «Куда шастнул?»

Рыжий — ученый малый. Загудел трактор — он знает, что работа окончена, и бежит с опушки леса напрямиком к хозяину.

Однажды Иван Петрович здорово провинился. Это было в конце весеннего сева. После хлестких и затяжных дождей установилось вдруг ведро. Все бригады заторопились — надо скорее кончать сев.

В такое время механизаторов не приходится подгонять. Они знают, что сроки уходят: прозеваешь — пеняй на себя!

И вдруг из Покровского куста пришла весть: Петрович загулял. Мы с парторгом сразу на «козла» и понеслись наводить порядок.

В Горке, где живет механик, толком ничего

не узнали. Услышали только, что мерин вместе с седлом отпущен на волю, а Петрович со вчерашнего вечера перекапитовался на мотоцикл.

«Ну, стало быть, далеко не уедет». Мы знали, что мотоцикл у Петровича вечно барахлит, отладить его Ивану недосуг. Но проскочили по всем деревням, спрашивали — никто не видел механика.

Осталось Демидово. Не успели въехать в деревню — вдруг, словно из подворотни, выскочил мотоцикл с коляской. Управлял им Иван Петрович. И вдоль улицы такие кренделя выделывал — цирк, да и только!

На другой день собралось правление, чтобы обсудить случай с механиком. Сейчас, когда прошло время, признаюсь, что мы тогда поступили с ним слишком круто, явно погорячились. У Ивана Петровича, что называется, большая совесть. И загулял он в посевную, пожалуй, первый раз в жизни. Что-то случилось с ним необычное. Ведь он сам не терпел гуляк-механизаторов.

В посевную кампанию и колхозное начальство тоже как-то по-своему «дуреет», может, от неимоверного напряжения, слишком обостренного чувства ответственности за судьбу будущего урожая. Сев — святая святых! Все дни, все часы и минуты на учете, и в эту пору не то чтоб бездельничать, подумать об этом считалось преступлением.

А тут загулял механик. И не кто-нибудь, а Петрович, на котором полколхоза держится...

Обсуждали поступок рьяно. Было сказано Петровичу много резких и оттого не всегда справедливых слов. Высказывались правленцы наперебой, не давая механику опомниться и что-либо вымолвить в свое оправдание.

Мне стало жаль его. Смотрю на Сергея Егоровича — тот как-то тоже присмирел, словно испытывает неловкость за происходящее.

Тихомиров сидел понурясь. Не сразу сообразил, что окончилась проработка — можно ехать домой. Замешкался в дверях, постоял, как-то неопределенно потоптался.

— Эх, заменжевало...

Выдавил слово и уехал.

Я почувствовал неладное. Утром вскочил пораньше и поспешил к дому парторга.

— Поедем, разыщем Петровича.

— А что он, дома не был?

— Откуда я знаю...

Дома Петровича действительно не оказалось, не пришел с вечера. На пороге нас встретила его жена.

— Да что вы, окаянные, с батькой-то сделали? Где он?

— Подожди, Лидия, не шуми. Разыщем твоего Ивана.

Ивана Петровича увидели на опушке леса. Бродит на полянке, в нашу сторону не смотрит. Голова низко склонилась, плечи обмякли, руки, словно чужие, повисли и странно болтаются...

Мы посигналили. Петрович встрепенулся, но головы не поднял, а только медленно побрел с поляны в глубь леса.

Посигналили еще раз, более настойчиво. Петрович остановился, но, когда мы подошли к нему, посмотрел на нас тускло, на приветствие не ответил.

— Обида взяла, Иван Петрович?

Он еще пуще съежился.

— Не то. Обижаюсь на самого себя... Уж так заменжевало!.. Виноват, сам во всем виноват.

Нельзя было не поверить в его искренность: Иван Петрович весь тут как на ладони. Мы еще больше почувствовали, что поступили с ним круто.

— Ну и ты нас прости. Сгоряча наговорили лишнего. Сам понимаешь, время какое.

Петровича словно током одернуло.

— Пред! Серега! Черти полосатые. Да я же... Сутки вот тут брожу. Всю жизнь свою перевернул. Худо у меня получилось. Эх!

Мы затолкали вконец растроганного механика на заднее сиденье и поехали в Горку.

Культурный аврал

В кабинете второго секретаря райкома партии нам, председателям, приходилось бывать не часто. Второй ведает вопросами идеологии. И хотя нас, руководителей-хозяйственников, призывают быть воспитателями коллективов, здесь беседуют на эту тему скорее с учителями, врачами, библиотекарями, клубными работниками и, конечно, с парторганами.

Нас приглашали изредка. Но Яркин, новый секретарь, не стал придерживаться этой традиции. Как-то, встретясь на лестнице, он позвал меня к себе:

— Хочу мыслью одной поделиться.

Анатолий Михайлович Яркин недавно появился в нашем районе. Признаться, сначала он мне не очень глянулся. «Учитель, что он понимает в наших делах?» — подумалось при первой встрече.

Но это предубеждение быстро улетучилось. Все заметили: за что бы ни брался Яркин, все у него получалось ладно, как бы само собой. Нравилась всем и его манера говорить. Речь не-

броская, строгая, логичная — никаких длиннот.

«Вот бы все так», — одобрительно отзывались председатели о речах Яркина.

Клавдий Евдокимович, наш первый секретарь, говорил попроще, зато увлеченно, зажигающе. Но увлеченность часто и мешала ему. Заговорится, иногда позабудет, с чего начал, станет повторяться. Все любили первого секретаря за его простецкую манеру, но в таких случаях переживали за него. Слушаешь, прячешь глаза, чтобы ненароком не выдать себя, не обидеть разочарованным взглядом.

— Вот какая мысль, — сказал Анатолий Михайлович, усаживаясь за стол. — Хорошо бы выступить вашему колхозу с почином. — Он выжидательно посмотрел на меня в упор, видимо определяя, какое действие произвели его слова, потом предложил: — Насчет творческого смотра в районе.

— А это что еще за штука?

— Ну, творческий смотр, надеюсь, дело ясное. Важно тут не просто выступить с отчетным концертом сельской самодеятельности, надо всю жизнь колхоза показать, полное его творчество...

— В каком духе?

— Понимаешь, нужно показать и труд людей, и свой рост, и перспективу. Необходимо организовать выставку, доклад хороший подготовить. Без концерта тоже не обойтись, но надо сделать его интересным, ярким.

Пришлось сказать, что идея в основном ясна, но вокруг нее еще придется «потоптаться», подумать обо всем.

— Вот, вот, — одобрил Яркин, — «потопчитесь», подумайте. Но надо внести предложение на очередном пленуме райкома, чтобы все знали, готовились к смотру. Сможешь?

— Что же, можно внести.

...Первыми на смотр приехали в райцентр участники самодеятельности колхоза имени Кирова. Но соседей наших постигла неудача. День был морозный, стужа такая, что в Доме культуры и стены покрылись снегом. Зрителей было мало. Приуныли кировцы.

За ними наш черед.

«Нет, так дело не пойдет!» — решили мы с парторгом. И договорились объявить в колхозе «культурный аврал». Обсудили вопрос на правлении, распланировали все и стали готовиться. Художники занялись оформлением. В клубе взялись по-настоящему за художественную самодеятельность. Сельский Совет расшевелил учителей, библиотечарей. Правленцы и бригады тоже не сидели сложа руки: прежде чем ехать напоказ людям, надо у себя дома навести порядок. Закипела работа. Но культурное «кипение» на селе известно какое. Быстро остывает.

Заминка произошла с хором. Молодежь и та из него разбежалась. Собрались тогда руководители всех наших учреждений и мигом постановили: «Самим надо пример показать». Меня назначили руководителем общеколхозного хора.

Эх, была не была!

Петь пришли и председатель сельсовета Иван Антонович Неробов, и главный инженер колхоза Николай Скорюков вместе с женой, и директор школы, и наш профсоюзный вожак механизатор Виктор Васильевич Вихарев. Но парторг вдруг петь категорически отказался.

— Нет голоса, — говорит. — А так бы с охотой.

Поугovarивали мы его, поугovarивали и махнули рукой: «Ладно, пускай парторг не поет».

Комсомол тоже развернулся: Наташа Чуркина, секретарь комитета, взялась за драматический кружок. Геля Кашенкова, художественный руководитель Дома культуры, создала из комсомольцев ансамбль «Ровесник», Люба Тузова — танцевальный кружок. Местный поэт Володя Беляев стал вдруг ходить около клуба задумчивый — всех сторонится, от ребят откалывается. Стихи сочиняет.

Сочинили также частушки на местные темы. Получился забавный номер «Вологодские ребята». Его потом не раз на «бис» повторяли.

А Геля Кашенкова — талантливая она у нас девушка — песню свою сочинила.

И вот настал день. Едет «Заря» на смотр. Будут в поселке зрители или не будут? На всякий случай мы и своих прихватили. Около ста человек отправили вперед на машинах. А участники художественной самодеятельности понеслись на тройках в расписных санках с бубенцами-колокольцами.

Ленты алые полощутся над гривами лошадей, а песни звонкие и задорные далеко опережают санный поезд. Замыкают шествие колхозные легковые машины. Но в них нынче не начальство едет. Нет! Везут в них музыкальные инструменты, костюмы, да артисты сидят, которым голоса надо беречь.

В райцентр ввалились вихрем — с песнями, с гиканьем. Некоторые озорники и посвистывать наострились. Кони, распластав хвосты, неслись вскачь.

— Расступись, честной народ!

Улыбаются встречные прохожие, приветливо машут вслед. Иван Федорович только что вышел из управления. Посмотрел на лошадиную кавалькаду, молодо улыбнулся:

— Дает «Заря» звону! Вот орлы!

Ему, старому кавалеристу и заядлому лошадинику, такое лихое гарцевание явно пришлось по сердцу.

Напрасны были и наши опасения насчет зрителей. «Шексна» на этот раз поджидала колхозных гостей. Народ густо валил в районный Дом культуры. И если бы печи оказались нетоплены, все равно люди дыханием согрели бы помещение.

Выставка в фойе всем понравилась. А в зале тем временем колхозный актив держал отчет. После короткого доклада выступили почетные колхозники, специалисты, наша молодая гвардия. Диаграммы, плакаты хорошо дополняли рассказы, в которых мы особенно делали упор на то, как у нас решается молодежная проблема, стареет или молодеет наш колхоз.

Вот что говорилось в одном из плакатов:

Молодежи от 16 до 25 лет в колхозе:

1966 год — 166 человек,

1967 год — 236 человек,

1968 год — 250 человек.

Средний возраст работающих в колхозе — 38 лет.

Мы гордились этими достижениями, хотя знали, что это еще только начало.

Вот уже много лет мы соревнуемся с колхозом «Шексна». Он, правда, нас пока обгоняет по производству зерна, молока, картофеля. Урожайность у них выше. Но наши «Вологодские ребята» задиристо пропели со сцены частушку, обращенную к шекснинскому главному агроному:

Не хвались зерном, Бухонин,
Чикоем, брякоем,
Все равно «Шексну» обгоним,
Ох, больше не калякаем.

Зал аплодировал. А «Вологодские ребята» подобрались уже к молочным делам.

Ох, шекснинские доярки,
Говори, не говори,
Молоко у вас грязное,
Ох, поучитесь у «Зари».

Тимофей Александрович, председатель «Шексны», сидит тут же в зале. Он весь побагровел, сжал кулаки, готов вскрикнуть от натуги, но сдерживается.

А ребята поддают жару. Они и технику у соседей «осмотрели», какво ей на зимнем хранении, и в клуб «заглянули».

Клуб мы тоже посмотрели,
Постояли у двери...
Ох, ребята, в самом деле
Вам далеко до «Зари»!

Тимофей Александрович огляделся, пуше зарзал на стуле, но, видя доброжелательность критики, начал оттаивать, улыбаться: дескать, добро, соседи, подождите, мы вас тоже найдем чем уколоть.

В концерте занято много людей. За кулисами веселая суетня, скорые приготовления. И всем этим управляет директор нашего Дома культуры Римма Николаевна Козырева.

Смотр художественной самодеятельности выливается в настоящий праздник. Жюри тут же подводят итоги, делает свои замечания. Однако окончательные итоги будут известны, когда пройдут творческие отчеты всех колхозов. Но и теперь наши артисты и все колхозники испытывают подъем.

Старики, старухи

Забавный у меня сын Мишутка. Заскочишь на короткое время в дом — надо поесть что-нибудь поскорее, а он тебе тысячу «почему» подбрасывает. Поперхнешься не раз, прежде чем выдашь ответы.

Но сегодня Мишка не «почемукает». Он забился в угол и издали наблюдает, как папа уплетает за обе щеки.

Потом выползает из своего укрытия, подходит к столу:

— Пап, а бабушка Матлена умиляет.

До меня не сразу доходят его слова. Из кухни появляется жена:

— Ты слышал, что сын сказал?

Спохватываюсь.

— А... Что? Кто это еще умирает?

— Бабушка Матлена.

Я смотрю на жену, та кивает: «Верно говорит». Но ведь Матрена, соседка, что живет от нас через два дома, месяца три как уехала в город к сыну.

— Приехала, оказывается, — сообщает жена. — И никто не видел. Мальчишки бегали, забрели в дом, а она лежит, чуть живая...

— Это как же?

Но расспрашивать некогда. Шапку в охапку — и бегу к старой хибарке. Домик Матрены стоит на отшибе, покосился — таких домов теперь мало в Паче. Давно отпуржило, дороги всюду наезжены, а тут никакой тропы не видно.

Только свежие чьи-то следы ведут к крылечку.

Бабка Матрена стара, давно на пенсии. Она и раньше редко выходила из дому. Колхоз подвезет ей, бывало, дрова, кто-нибудь распилит-

расколет, старухе остается убрать в поленницу и дожидаться лютого зимовья. Но нынешней осенью Матрена вдруг объявила, что уезжает к сыну. Дров ей не подвезли.

Вхожу в дом, осматриваюсь в сумерках. Лежит бабка в нетопленной избе, укрывшись одеялом да еще каким-то тряпьем. На столике подле кровати — краюха черствого хлеба и котелок, в котором застыла вода.

— Ах, батюшки. Как же это ты, Матрена?

Из-под одеяла слышится слабый голос:

— Ай, кто там?

Бабка бессильными руками чуть стянула одеяло с лица, освободила глаза и губы, горестно вздохнула:

— Помирать собралась, да смерти что-то нет.

— А город как же, сын?

Старуха зажмурилась, собираясь заплакать. Но слезы, видать, высохли, не плачется.

— Горе мое — сын. Сноха прогнала, а он не заступился.

Меня разбирает зло на такого сына: знаю его, ездит каждую осень картошку убирать. Тихоня какой-то, не как другие. Молча приедет, молча выкопает картошку, молча увезет ее в город.

— В суд на них... Ты же имущество распродала, свезла. Требуй по закону.

— И-и... Бог с ним, с имуществом. На сына в суд не подам.

Слушать эту исповедь горько. Колхоз уже имел дело с такими вот брошенными старушками.

Пошел в контору, распорядился выписать бабке Матрене денег за счет культфонда. Послал кассира купить что-нибудь из продуктов,

а бригадиру наказал привезти с фермы сухих дров.

Деревенские люди отзывчивые на беду. Услышали: «Матрена замерзает», — кто с охапкой поленьев, кто с пирогами бежит, кто самовар налаживает. Ожила бабка Матрена.

Вечером мы с парторгом чуть не поругались по этому случаю.

— А не построить ли нам дом для престарелых? — говорю парторгу. — Скажем, ясли в Добреце подождут, надо срочно сообразить какой-нибудь пансионат.

— Ну, это уж крайности, — возразил парторг. — И то, и другое надо строить.

Мне хочется шуметь, спорить. Но с кем?

— Нет, к черту все эти клубы и ясли! К черту молодежь! Стариков пожалеть надо.

— А молодежь тут при чем?

— При всем при этом...

— Не пойму, — говорит Сергей Егорович.

— А и понимать нечего. Разъехались, старики бросили...

— Не всех же бросили. Некоторые старики сами не едут.

— Сами?! А в прошлом году, помнишь, две добрецкие старушки приходили в контору, плакали: «Возьмите обратно в колхоз».

Парторга проняло.

— Так что же ты хочешь? — в сердцах спросил он.

— Пересмотреть наши строительные планы. С молодежи немного поурезать, а старикам — добавить. А то у нас — школы, клубы, ясли... Все молодежь заманиваем!

Сергей Егорович теперь доведен до полной «кондиции». Он резко бросает:

— Перестань злиться. Разжалобила тебя

Матрена — дуешься на весь свет. При чем тут молодежь? И планы нечего пересматривать.

Но потом уже в «мирной» беседе мы оба соглашаемся, что о стариках надо подумать. Их на селе много таких — без дочерей, без сыновей. Укатали их дети в города, некоторые и носа не кажут. Как-то пришло в правление письмо: одна такая «дочка» спрашивает, как поживает ее мамка? Проявила заботу! «Помогите, если чего».

Колхоз и так помогает, просить не надо — и дрова подвезти, и огород вспахать. Но стариков стало столько, что в иной деревне на одну молодую семью приходится по три семьи стариков. Вот и думай, председатель: то ли землю пахать, то ли за стариками ухаживать. А тут еще с весны навезут сынки и дочки своих детишек из городов. И превращается деревня во всесоюзные ясли. Мало того что рабочую силу отрывают от колхозного производства, — от ребячьей шалости бед не оберешься. Как наедут городские пацаны — жди пожаров. Деревенские, те меньше с огнем шалят, они знают его страшную силу.

Ах, старики, старики...

* * *

Раньше в малых колхозах председатель не задумывался, на чем ему ездить. Встанет поутру, оседлает сивку-бурку, гикнет, огреет плетью — и поехал руководить.

Теперь — другое дело. Колхозы большие, нужно обскákat не один десяток деревень. Тут никакая лошадь не выдержит. Да и седок тоже. К вечеру так укатаешься, что скрип по всем суставам пойдет. Как стали жить лучше, начали обзаводиться председатели машинами. Но поя-

вились они не у всех сразу. Завидуешь, бывало, счастливицам, кои разъезжают в «газиках», «Москвичах», а то и на «Волгах», словно министры, пылят по дорогам.

Мне с машиной долго не везло. В Дмитриевском колхозе председательствовал пешим. Не одну пару сапог истаскал, пока колхозники не «сообразили» личный транспорт. Пригнали как-то мужики из дальней деревни молодую необъезженную кобылку.

— Вот тебе, председатель, лошадь. Зови ее Искрой.

Долго я с ней бился. А может, она со мной маялась, потому что ездить в седле я тогда не умел. Но потом свыкся и с седлом, и с лошадыю. До слез было жаль расставаться с умным, послушным животным.

В «Заре», когда принимал колхоз от Андрея Кудрявцева, получил в наследство старенький «газик», доведенный, как говорится, до ручки. Никто к нему не прикасался, кроме, пожалуй, ребятишек, которым не терпелось что-либо побавить от этой рухляди.

И опять долго приходится руководить с седла. Но теперь я по полям и весям разъезжал на Чинаре. Эта лошадь служила мне много лет. За день она выдюживала по сотне верст. И всякий раз, сообразуясь с настроением хозяина, то мчалась галопом, то переходила на крупную рысь, но никогда не ходила шагом. Огневая была лошадь.

Наконец я решаюсь перейти с коня на технику. Вызываю механика, двух шоферов и прошу их отремонтировать колхозный драндулет.

— Попробуем, — соглашаются ребята. Но и после ремонта «козел» упорно отказывался

меня возить. Бывало, выедешь поутру в дальнюю бригаду на машине, а возвращаешься к вечеру пешком. И не только в поломках дело. Дороги у нас хлипкие, чуть брызнет дождик — глядишь, забуксовало. Управлял машиной молодой веснушчатый шофер Миша. Он, пожалуй, меньше сидел за баранкой, а больше лопатой орудовал. За лето и осень мы, кажется, успевали перекопать с ним все наши дороги. Весной же вообще не отваживались пускаться в далекий путь на той машине.

Шофер мой обладал удивительным спокойствием и... безразличием к технике.

— Миша, — говорю ему, — надо бы смазать машину.

— А чего «козла» мазать? Он и так чумазый...

И, как бы в подтверждение своих слов, проводил ладонью по лбу, поправляя свалевшийся чуб. На лице или где-нибудь за ухом у него при этом появлялась новая полоска грязи.

Иногда Миша на полном ходу лихо тормозил, выскакивал из кабины и, садясь на корточках, со стороны оглядывал свое детище.

— Ты чего? — спрашивал я, когда он снова забирался на шоферское сиденье. Он отвечал не сразу:

— Вспомнил. Вчера мотор снимал. Думаю, привернул ли?

— Ну и ну, — откровенно сочувствовал я. — Этак и мотор можно потерять.

Но чаще всего я все-таки беспокоился насчет смазки. Зная, что легким замечанием парня не пронять, я старался сперва рассердиться.

— Мишка, черт! Как же ты едешь? Ведь машину и впрямь не смазывал!

Но и тогда олимпийское спокойствие моего

шофера не нарушалось. Он молча залезал в кабину, нажимал на стартер и трогал в путь-дорогу. А потом, отъехав несколько километров, назидательно разъяснял начальству:

— Положено ее через четыреста часов смазывать. — И, убедившись, что начальство спорить не намерено, добавлял: — Порядок мы блюдем.

Я понимаю, что Миша заливаает, но нарушать философский настрой парня в дороге не решался. Это приводило к тому, что руль вдруг начинал не слушаться его, а машина почему-то находила самые неподходящие лужи и застревала накрепко. Побившись час-другой, весь выпачканный и злой, я уходил пешком, а шофера отсылал за трактором. Машину пригоняли домой с помятыми крыльями или вовсе без буфера. И тогда Миша неделями загорал на лужайке возле кузницы, чинил, не торопясь, свою машину.

Однажды все это кончилось. Миша решил продемонстрировать все доблести «козла», доказать председателю, что машина у него в порядке — хоть на Луну! Он лихо катил нас с агрономом по дорогам, удачно перескочив через луг и поле. Вконец осмелев, решился с ходу форсировать небольшой ручей. «Козел», влетев на середину песчаной отмели, вдруг дико заурчал, расплескивая воду колесами. А потом стал как-то неестественно дергаться, словно в конвульсиях. Пришлось снова посылать за трактором.

Утром механик «обрадовал»: развалился задний мост. Машина прочно стала на прикол. А вскоре и Миша ушел в армию... Нового шофера я нашел не сразу. Им стал Юрий Добряков — родом из деревни Кичино.

Давно уже замечено, что кичинские ребята — прирожденные механизаторы. Не знаю, как в других хозяйствах, а в нашем колхозе, когда мы отбираем парней на курсы механизаторов, всегда учитываем эту особенность. Так уж повелось, что Кичино, Пача, Горка и некоторые другие деревни всегда давали колхозу хорошие кадры для работы с техникой. Напротив, Соколово, Покровское, Соколье никогда не поставляли дельных механизаторов. На что уж дотошный народ в селе Едома — и огурчики-то в любой год вырастят, и сады у них лучше всех цветут, и само село чище, опрятнее других, — а вот механизаторов толковых из едомских ребят не получалось.

Юрий Добряков — механизатор широкого профиля. Он и тракторист, и шофер, и комбайнер. Нужда появится, Юрий встанет к любому станку. А то, глядишь, заделается кузнецом, сварщиком. Знает он столярное, слесарное дело. Одним словом, по природе этот смекалистый парень, у которого любая работа спорится. Вот только росточком его бог обидел. Но о таких в селе говорят с уважением: «Мал золотник, да дорог».

Авторитет среди колхозных механизаторов у Добрякова завидный. Еще бы! Он издали слышит, чем болен мотор. В технические споры не очень-то вступает, но скажет словцо — как отольет. Делай, как он скажет, — всегда хорошо будет. К мнению Добрякова прислушивается даже сам механик Зародов. А ведь Алексей Иванович профессором среди старых технарей значится.

Зародов мне как-то сказал:

— Возьми шофером Добрякова, не подведет.

Но Юрий ко мне не пошел, коротко ответив на приглашение:

— В бригаде дел полно.

Сначала мне показалось, что Добряков бравирует, набивает себе цену, а потом увидел, что он на самом деле необходим в бригаде. В полевую Юрий на своей машине и семена подвезет, и горючее подбросит, а то ремонтом займется, если у новичка трактор забарахлит. И делал он это без наряда, по своей доброй воле — просто не мог утерпеть, если видел, что машина простаивает.

А начинается сенокос или подоспеет силосование — он и тут что-нибудь изобретет. Юрий первый начал внедрять механическую уборку трав, стаскивал и укладывал силосную массу в бурты.

Но особенно преобразуется он на уборке хлебов. Грузовик свой передавал напарнику, а сам садился на комбайн. На комбайне Юрий, что называется, давал класс! За все годы работы в сельском хозяйстве мне не приходилось такое видеть.

Долго я присматривался к Добрякову, пытался понять, как он косит хлеба, что у него любые неровности поля остаются словно выбритые. Казалось, что жатка у его комбайна эластичная и может добраться до любой полевой вмятины. Только приглядевшись внимательно, я понял, как это у него получается.

Добряков обычно не держится за штурвал — руль у него прижат локтями, а кисти рук свободно управляют гидравликой. Руками он то опускает хедер, то выносит или подтягивает мотовило. Регулируя скорость движения, добивается того, что срезанная масса всегда равномерно поступает на шнек, барабан гудит

уверенно, не надрываясь, не «проглатывая» слишком больших порций. Машина не испытывает перегрузок, а это очень важно, когда хлеба плотные, высокие. Если скошенная масса поступает в барабан неровно, мотор напрягается до предела, а тело комбайна, словно живое, начинает нервно содрогаться. С комбайном Добрякова ничего подобного не происходит. Можно часами слушать свободный, ровный рокот его мотора.

Однажды, возвращаясь с районного совещания, мы с партторгом завернули на поле, где работал Добряков. Невольно залюбовались красивым зрелищем. Где-то за лесом догорал закат, на поле спускались сумерки. Комбайнер включил фары и, не снижая темпа, вел свой корабль по длинному загону. Мы решили дожидаться, когда комбайн обойдет круг. Юрий подъехал, остановился, но похвал в свой адрес не стал выслушивать. Наоборот, недовольно проворчал:

— Чего меня караулите? Я с поля не убегу.

Он смотрит со своего капитанского мостика в сторону деревни, спрятавшейся за темным горизонтом, и сердито машет рукой:

— Лучше проверяйте работу сушилок. Спят ведь по ночам.

Мы с партторгом молча переглядываемся, садимся в «газик» — и айда по всем сушилкам.

Добряков оказался прав: кое-где сушильщики спали, а если не спали, то работали вяло. Производительность ночной смены была в два раза ниже дневной. Пришлось принимать срочные меры.

Вскоре после ухода Миши в армию колхоз получил новую легковушку. Но надо было и старую восстанавливать: специалистов в колхозе

прибавилось — только подавай транспорт. Прибыл с учебы Михаил Иванович Чистяков. Его избрали заместителем председателя. Чтобы ухаживать за двумя машинами, нужен был опытный шофер.

Добрякова снова вызвали в правление. На этот раз он согласился, но при условии: на время уборки хлебов отпускать его на комбайн. Условие всем подходило — дали такое обещание. Теперь десять месяцев в году председатель стал разъезжать с шофером, остальное время крутили баранку по очереди с партторгом. Михаил Иванович тоже имел права шофера, но за баранку не садился. Боялся деревенских столбов. Их к нему словно магнитом тянуло.

Шофер председательского «газика» — не просто водитель машины. Это его вечный путчик, советчик и даже референт по многим вопросам. Счастье руководителя хозяйства, если у него есть такой шофер.

Бывая вместе с председателем на бригадных собраниях, полевых «летучках» и просто при всякой беседе с колхозниками, шофер постепенно вникает во все заботы и, конечно, осваивает руководящий опыт. Он видит твои успехи и поражения. Знает, что о тебе думают люди.

Совет шофера председателю никогда не лишний. С его мнением надо всегда считаться и добрым расположением к себе дорожить. Часто председатель видит одно, а шофер замечает другое. Доказывает, например, бригадир, что техники у него не хватает, людей маловато, поэтому, дескать, и не справляется бригада с делами. Но шофер в удобный момент упрекнет слишком доверчивого председателя:

— Подзагулял бригадир-то. Вот, поди, и разболтались люди. И техника простояла. А ты поверил...

— А ты откуда знаешь?

— Знаю, — таинственно скажет шофер, и мне понятно, что дальше спрашивать не следует: шофер в какой-то мере должен оставаться нейтральным. Но толчок дан — думай, председатель!

Иной раз Добряков как бы невзначай уронит словцо-другое:

— Трактористы в Демидове ругаются...

— Это отчего же?

— Инженера нашего давно не видели.

Проверишь — и впрямь инженер забыл дальнюю бригаду. Даешь ему нагоняй и спешную командировку...

Шофер иногда здорово выручает председателя. Начнешь, например, ругать тракториста за плохую пахоту, а тот тебе на одно слово десять: и плуг у него плохой, и трактором-то его обидели. Все дружки новые получили, а он на старом...

Пока мы препираемся с трактористом, Добряков молча похаживает вокруг трактора, осматривает плуг, к чему-то примеряется. Наконец скажет:

— Прицеп-то у тебя, паря, того, в сторону тянет. Ну-ка, давай планку на две дырки передвинем.

Тракторист передвинет — пошел плуг как по маслу.

А в другой раз шофер отдаст руль председателю, сам останется на ферме или сушилке:

— Надо ребятам помочь.

И проживет там день-два, а то и больше. Пока работу не закончит, домой не вернется.

Механизаторы уже привыкли к Добрякову, обращаются к нему, как к дежурному механику.

Писатель В. Тендряков вывел в «Кончине» образ председательского шофера Алеши Шаблова, который, слепо любя властного хозяина, сделался врагом его семьи. Шофер, если он ценит и уважает своего начальника, не может быть врагом, — наоборот, скорее сделается другом его семьи.

Заранее предвижу улыбку дотошного читателя: «Как же, возит жену по базарам». Не знаю, возможно, где-то и случается такое. Но у нас базары не в моде, а по магазинам в селе не ездят: не заведено, значит.

Другом шофер становится по другой причине. Вместе с председателем он вечно мыкается по дорогам. Застрянет в ненастную погоду машина где-нибудь в грязной дыре — кто в большой беде? Шофер за рулем, а председатель чаще всего с лопатой у колес. Иногда и поменяются ролями, но суть дела остается прежней. Оба грязные, оба уставшие, одинаково клянут и дожди, и раскисшие дороги, забывая при этом, что дома их поджидают одинаково рассерженные жены. А почему рассерженные? Да потому, что это ведь маета — каждый раз ожидать распроклятого мужика, до полуночи не спать и все поглядывать на окна: не брызнет ли свет фар! Быть женой председателя или женой шофера — тоже не легкая должность.

Вот эта общность судьбы и заставляет председателя по-особому относиться к семье шофера, а шофера — к семье председателя. Невозможно им быть врагами. Но это, как говорится, к слову.

Деловитость Добрякова всегда вызывает уважение, добрую зависть. Он ни минуты не просидит без дела: вечно что-то мастерит, ладит, прихорашивает. Дом у него добротный, опущен тесом, затейливо выкрашен. Юрий сам изготовил и установил резные парадные столбики на крыльце, выпилил фигурные карнизы, пристроил веранду к дому. Рядом сад, в саду пчелы, тоже всем на диво. И что за пчелы такие — в любое лето вдосталь меду натакают.

Однажды с Добряковым беда приключилась. Убирал в ночную смену ячмень и решил что-то при свете фар подрегулировать у комбайна. Малая неосторожность — и рукавицей попал под ремень главного шкива. Но Добряков не растерялся, смекнул, как выкрутиться из беды. Надавил плечом на ремень, подтолкнул куртку свою в шкив, рассчитывая тем самым заглушить мотор. И не ошибся.

— Почему же не крикнул помощнику, чтобы тот сбросил ручку газа?

— Все равно бы не успеть. Помощник когда-то подбежит... И еще вопрос — заглушит или прибавит с перепугу газу. Парень молодой, растеряться может.

Руку сильно покорежило, но до плеча шкив не добрался, хотя изрядно пожевал куртку. Думали, прощай теперь комбайнерство и шоферить больше не придется. Но за руль Добряков сел спустя несколько месяцев, а на следующий год с успехом управлял и комбайном. Рука хорошо слушается. Только на ладони остались глубокие шрамы.

Добряков — человек внимательный, чуткий и отзывчивый на всякие хозяйственные заботы. Он быстро улавливал думы и планы председа-

теля, прислушивался к спорам механиков, часто беседовал с инженером, агрономом, зоотехником. Зная их дела, заботы, трудности, предложил однажды механизировать старые льносушилки. В колхозе их было три, и они, казалось, уже отжили свой век и годились лишь на металлолом. Но Добряков стоял на своем:

— Можно сделать. Надо только подумать хорошенько.

Однажды он попросил отпустить его с машины.

— На недельку только.

Пришлось отпустить. Дней через десять механики сами потащили меня на сушилку.

— Посмотрите, что Добряков выдумал.

Добряков проложил узкоколейку, изготовил автовесы, а по рельсам пустил тележку с опрокидывающимся кузовом — тоже собственного изготовления. Тележка снабжена электромотором и гидравлической установкой.

Теперь зерно не надо всякий раз затаривать. Специальный зернопогрузчик подает его в кузов, тележка движется к автовесам, а потом направляется к засекам и сама там разгружается. На току стало меньше людей, а работа пошла лучше, веселее. Агроном и бригадир первыми кинулись поздравлять своего «спасителя». А Юрий, еще раз осмотрев свое изобретение и убедившись в его надежности, молча направился к председательской машине. Повернув ключ зажигания, как обычно спросил:

— Куда поедем?

Прощай, «Заря»!

У всякого дела есть конец. Пора и мне заканчивать свои «Записки». Всего, что было, все

равно не упомнишь, не расскажешь. Да и не успею. Скоро меня вызовут в райком, а потом в обком и скажут: пора собираться в другую дорогу.

Правда, я еще долго буду упираться, доказывать, просить: «Дайте, мол, еще годик-другой поработать в «Заре», а там как хотите...»

Но сейчас, когда дописываю эти строки, я уже знаю, что однажды мне придется выложить на стол колхозную печать и сказать Чистякову, заместителю:

— Бери, Михаил Иванович.

Боевой зам, конечно, постарается ободрить:

— Ничего! Может, и на этот раз отбрыкаешься.

Но я-то понимаю, что уже не отбрыкаться. В райкоме еще можно было спорить, а в обкоме не отговоришься.

И вот — вновь колхозное собрание. Его открывает Михаил Иванович Чистяков. Колхозной печатью он не долго владел: пришлось передать другому председателю.

Бюро райкома постановило рекомендовать в «Зарю» молодого специалиста Владимира Бухонина.

Я сижу в президиуме, глаза туманятся, и люди «Зари» проплывают перед взором, как в кино. До боли жаль расставаться с хозяйством, с людьми, вместе с которыми успел пуд соли съесть. Частица сердца останется в этом колхозе. Все, что сделано и не сделано, что построено и только задумано, — все это прикипело, въелось, стало дорогим и близким. А главное — люди!.. Вон они сидят в зале: нахохлились все — и друзья и «недрузи» — одинаково теперь дороги! Глядят, жалеют и вроде бы упрекают: «Что же это ты, Михалыч, а?»

Бригадир Дрогалов, сидя в третьем ряду, покрутил вдруг кулаком в воздухе, ударив ладонью по спинке стула, полез на трибуну.

— Ты скажи нам, председатель, сам уходишь или тебя от нас забирают?

Что я отвечу?

Павел Антонович Беляев, бригадир с Берендюхи, суетливо ерзает на стуле, что-то пытается сказать, но только поглаживает лысину на голове. Она у него сейчас здорово блестит. «Эк, кипяток, думаю, ведь опять заявление накатает». У него характер — порох: чуть что не по нем — немедленно требует отставки! А мужик дельный, хозяйственный, правда, немного прижимистый.

На территории бригады есть небольшое озерцо, караси в нем водятся. Так боже упаси летом выловить карася! Зимой, когда карасям станет душно подо льдом, он соберет на берегу всю бригаду, в прорубях начерпает рыбы и всю разделит по едокам. Молодь тронуть не разрешает. Потом заставит проруби соломой, чтобы продух был, — и терпи рыбаки до следующей зимы.

Я перевожу взгляд с Беляева на Петровича. Тот сидит плотно и хмурится. Рядом Зародов Алексей Иванович — задумчивый, вечно чем-то озабоченный. Кажется, он и сейчас слышит частушку про свою базу.

У Зародова на базе
Плачет техника от грязи.

А вон стоит у двери, подпирает притолоку плечом Федор Павлушонков — колхозный наездник и конюх. Он мой сосед. Не было еще дня, чтобы он не встретил председателя утром

или вечером. Забота его — накормить коня. То овса, то сена получше попросит. А когда его любимица Чинара сломала себе ногу и ее пришлось прирезать, Федор плакал, как ребенок. И сейчас у него дома, на стене, висит крупная фотография Чинары. Глаза у Федора увлажнились, губы шевелятся, он будто спрашивает: «Овсеца-то будет коням ай нет?»

«Люди! Люди! Как мне жить без вас? Без ваших бед и радостей». И чтобы как-то скрыть непрошеную слезу, напускаю на себя сердитость. Говорю:

— Ну чего нахмурились? Ведь недалеко ухожу. «Шексна» совсем рядом, вместе работать будем.

В первом ряду вижу агронома Бухонина, того самого агронома из «Шексны», про которого частушку когда-то пели: «Не хвались зерном Бухонин...» А он не хвалился, но выращивать умел. Три года работал «главным» в соседнем колхозе и в культуре земледелия преуспел. Идут в гору урожан шекснинские.

Теперь Бухонин будет председателем в «Заре». Понимаю, что надо поддержать его, дать напутствие, что ли...

— Думаю, что молодой председатель дальше пойдет, быстрее!..

Но чувствую, что люди слушают плохо, их эти слова не трогают вроде. Наверно, что-то не так говорю.

Пронеслись, отзвенели годы! И не малые. «Записки председателя» начали складываться давно, чуть ли не с первых лет работы в деревне. Хотя нет, первые годы выпали, о них лишь

мельком упоминается в начале «Записок». Выпали, конечно, не случайно. Долго я стыдился тех лет. Тогда мы, неумелые председатели, не раз выкидывали «коленца». Я, может быть, больше всех выкидывал.

Помню веселое напутствие москвичей:

— Не робей, Дима, чего там. Не боги горшки обжигают!

— Не боги, — хмуро соглашаюсь я.

Кто-то из членов бюро Московского обкома партии, видимо заметив мою хмурость, спрашивает:

— Ты раньше-то бывал на селе? Знаешь хоть сколько-нибудь сельское хозяйство?

Откуда мне его знать? Из деревни отец забрал нас еще маленькими, а повзрослели — вся жизнь была связана с городом: школа, ремесленное училище, завод. Потом армия, работа в горкоме ВЛКСМ. А комсомол всегда учит не робеть. Вот я и не робею. Отвечаю бойко члену бюро:

— Знать не знаю. Но в решении ЦК КПСС сказано, что нас обеспечат библиотечками. Пока доберусь до места, подзубрю немножко.

Ах, зелень несусветная! Подзубрить хотел за дорогу сельское хозяйство! А его всю жизнь изучай — учению конца не будет...

«Зелень» давала знать о себе и после. Избрали меня председателем в самом захудалом колхозе. Тринадцать их было здесь до меня, я стал четырнадцатым. Еще когда распределяли нас в райкоме, нечаянно услышал из-за приоткрывшейся двери:

— Посылают на село всяких мальчишек.

— Он тридцатитысячник, — отвечал спокойный голос.

— Ну, тогда давайте его в «Красное знамя»

направим. Тринадцать там было... Не беда, если и четырнадцатого заменим.

Я выбежал из райкома, спрятался в скверике и в кровь искусал губы. А потом почувствовал, что «Красное знамя» — мой родной колхоз. Почему-то он уже стал мне дорог.

На другой день после избрания поехал с инструктором в Петриново, к секретарю райкома. Иван Васильевич Шестиперов (это ему принадлежал спокойный голос) по-отцовски встретил меня, тепло поздравил.

А потом как бы невзначай спросил:

— Печать принял?

— Какую печать?

«Зелень» пулей вылетела из кабинета и двадцать верст с гаком дозревала пехом. Аж земля под ногами горела. Ввалился в деревню, спрашиваю:

— Где старый председатель?

А тот в соседней деревне со своими приятелями прощается.

Пока добрался туда, мой «спидометр» еще накрутил пять километров. Наконец разыскал компанию.

— Отдай печать!

Предшественник на меня колоче поглядывает из-за стола:

— Ничего не выйдет. Ставь полмитрия.

Он еще и юмор не позабыл.

Собутыльники хором поддакивают:

— Ставь! Ставь, московец!

Пришлось ставить, сделав еще дополнительных три километра, потому что в той деревне лавки не оказалось.

Наконец «хозяйство» принял. Идем со старым председателем на скотный двор. Тот, не дойдя шагов десять, вдруг уперся:

— Не пойду.

— Почему?

Скоро выяснилось почему.

Во дворе плавали какие-то бревна, вдоль стен лежали изломанные кормушки. Протопали вдвоем по колено в жиже.

— Густо.

Отдаю первое распоряжение:

— Двор заколотить, коров не впускать!

«Старый» косо поглядел на меня, дико фыркнул и, махнув рукой, ушел куда-то. Побрел и я потихоньку из этой деревни.

А ночью начали вдруг одолевать кошмары. Снится: коровы разбрелись по лесной полянке, сиротливо жуют траву, а из леса налетают волки, рвут одну, другую...

Вскакиваю. И... стремглав наматываю все те же пять верст. Пока бежал лесной дорогой, кошмары стали казаться явью. «Все, — думаю, — пропала моя голова. Нахозяйничал».

И какова же была радость, когда, выкатившись на поляну, увидел костер, старика с ружьем у костра и лежащих неподалеку сытых коров, жующих жвачку. Аж ноги подкосились от счастья.

До утра просидел с дедом, который рассказывал мне про всякие лесные были-небылицы, про старую свою охоту. Только к утру он задал вопрос по существу:

— Ну, как хозяйствовать будешь, московец? Долго я ведь не прокараулю.

— Что-нибудь придумаем, дедушка, — пообещал я старику. Но «придумывать» новые скотные дворы пришлось долго...

Для чего все это написано? Вовсе не для того, чтобы напустить в «Записки» деревенского

«колориту». Мне не раз доводилось видеть, как иной специалист приходил в деревню, но, не найдя точки опоры, уходил, как говорится, несолоно хлебавши.

У меня была соленая наука. Если она кому-то сгодится, поможет найти точку опоры, я буду счастлив. Для этого и писал свои «Записки».

Пача — Шексна
1962—1907

И вот ты уже не за один колхоз, а за весь район в ответе...

На первых порах думал — не выдержу, брошу все и подамся куда-нибудь. Никак из меня не хочет «уходить» председатель. Поедешь в колхоз, и пока пробираешься поселком, мимо мастерских, цехов районных предприятий, складов, новостроек, — еще ничего, душа терпит. А выберешься на окраину райцентра, начнутся перелески, луга со свежим, душистым сеном в стогах, увидишь людей в поле — и защемит сердце, затоскует душа.

Еще хуже бывает, когда попадешь в «Зарю». Прикипел сердцем к этому колхозу, за долгие годы, что прожиты в нем, стал он не просто родным, а чем-то поболее: совестью, что ли, твоею стал...

Вон промелькнуло болотце — думает ли теперь кто осушать его? Поле рядом, торфа наскрести бульдозером — знай вози. Сам-то все хотел-хотел, да так и не дошли руки...

Или вот дорога, что бежит от Кичина до Антипина. За мостом — крутой поворот. Сколько раз давал себе зарок: «Выпрямить, поднять полотно, навозить гравия». Но так и не

КОЛОС СЕВЕРА

(Из записок
секретаря
райкома)

**Такие,
брат, дела!**

успел починить. И вот теперь, подъезжая к ложбине, еще издали вижу, что в ней застряло несколько машин: режут моторы, дым, чад... Наш «газик» еле пробирается объездом, мнет только что вспаханное паровое поле. А меня опять досада разбирает: не успел, не доделал. Ведь как доказывал тогда в обкоме: дайте еще годик-другой поработать в колхозе, за мной там должок кое-какой остался. И школа в Паче не достроена. И двор в Соболине только под стропила выведен. И «Мурашки» до конца не освоены... А какие там земли! Какая ширь открылась после раскорчевки их и осушения на этих самых «Мурашках».

Эх, дороги!.. Надо Бухонину, новому председателю, наказать, пусть пошлет сюда дорожный отряд починить выбоину.

Доротряд... Колхозных дорожных отрядов еще мало в районе. В «Заре» да еще в некоторых хозяйствах. А остальные надеются на межколхозный Дорсельстрой. Создали недавно такую организацию. А она с первых дней заломила баснословную плату за свои работы: тридцать-сорок тысяч рублей за километр дорожного полотна. Разденут колхозы и совхозы. «Надо проверить, что у них за расценки такие», — намечаю для себя.

У Антипинского кладбища, сразу за поворотом, — мост. Здесь протекает речка Пишковка. Воды ее тихие, и вся она сонная, словно пруд. Берега не берега — сплошь осока густая. Темная гладь реки усыпана кувшинками, лилиями. А луга вокруг — будто изумрудом усеяны. На песчаной проплешине маячит стайка голопузых загорелых ребятишек. Они лезут в речку, барахтаются в торфяной воде, на кувшинки, лилии не глядят. Городские девчонки приедут — не нади-

вуются: визжат, хохочут, если удастся какой-нибудь из них зайти в воду и прямо возле бережка сорвать лилию...

Нет, не ведают деревенские сорванцы, какими богатством владеют, какая благодать вокруг них. Они больше насчет окуньков, сорожки и подлещиков соображают (забредает сюда рыба бешка из Шексны), мастерят свои немудреные снасти, забрасывают, но терпения рыбацкого у них нет, быстро сматывают лески и бегут на новые места. «Эх, несмышлениши! Разве рыбу так ловят? Распугаешь только...»

Машина гулко вкатывается на мост.

Ба, опять перил нет. Кто же это их? Здесь трактористов я всех знаю наперечет. Но сразу не сообразишь, кто напакостил. Хотя нет, почему кажется, знаком. На дороге — свежая борозда прочерченная тракторным плугом. И по насти как будто стругом прошлись.

Не иначе как Владимир Заметаев. Шальной парень, с норовом. Но теперь вроде бы остепенился. Женится на учительнице, хозяйство свое стал заводить...

— Эх, дурной! Плуг не мог поднять, — сдержавшись, говорю вслух.

Шофер смотрит и не понимает, кто это «дурной».

— Да есть тут такой, Заметаев. А еще Миль Галичев был. Тоже, бывало, работает — люб дорого поглядеть, а поедет — плуг забуд поднять...

Проскочили кладбище. Возле самой дороги холмик зеленый. Тополь над ним вымахал и раскудрявился, шумит листвой. А давно ли там хоронили Метелкина, председателя ревизионной комиссии. Статный был старик, осанистый, заметный: борода пышная, огненно-рыжая, а гл...

черные, с веселой лукавинкой, так и сверлят. К сейчас помню его глаза...

Избрали меня в том году председателем колхоза. Месяц проходит, два, чувствую: народ меня сторонится за семь верст, все к старому идет.

И вот иду однажды по улице, а навстречу — Метелкин. Остановил, осмотрел с ног до головы, говорит:

— Здорово ты, председатель, с лошадыю упряешься. Городской, а поди-ко... Видано на такую лошадь, как Чинара, вскочил. Маю, сбросит. Нет, смотрю, влип в седло, оржался.

Я не сразу смекнул, к чему он мне это.

— Берись за дела покрепче. Люди у нас хорошие. Не жди, когда к тебе придут, сам иди.

Сказал и ушел...

Машина легко берет небольшой подъем и, сбавляя скорости, катит мимо скотных дворов, расположенных вдоль дороги. На дворах в это время — никого: стадо в поле, а доярки козеленую подкормку.

Проскочив переулочек, резко тормозим: выбрались на центральную улицу, где дорога перекрывается, загорожена высоким земляным валом. Проехав, на главной усадьбе, колхоз сооружает опровод. Шофер осторожно ведет машину по канаве, пересекает канаву по шатким мостикам и останавливается возле конторы. У крыльца толпится народ. Тут же и председатель — Кошкин.

— Здоровы были, мужики. Чего так улицу воротили?

— Уж и разворотили! — смеется Бухонин.

— Сам, поди, планировал?

— Где сам! «Бурводстрой». Да разве знал,

что так перекопают? Знал бы — не стал с ними и связываться.

От шутки Бухонин переходит к делу:

— Уборку ржи заканчиваем. Может, поедем в поле?

— В поле так в поле.

За время, что я секретарствую, это вошло у меня в привычку: едва приеду — в поле.

Снова «газик» колесит по разбитым полевым дорогам, осторожно пробирается лугами, шуршит по стерне скошенных хлебов.

В «Заре» шесть комплексных бригад, тридцать три деревни, территория — семнадцать с половиной тысяч гектаров. Из них пашни — четыре тысячи семьсот. Есть где разгуляться технике. На уборку зерновых выходит более десятка комбайнов. Работают они и групповым, и одиночным методом, где как поле позволяет. За каждым звеном закреплены грузовики — отвозят зерно.

У старосельского поля мы останавливаемся. Большое, ровное, оно сейчас являет собой внушительное зрелище. Три комбайна плавно движутся друг за другом, грудью наступают на высокие хлеба. С каждым их проходом по кругу ржаной загон становится все уже и уже. Снуют по полю верткие копновозы, стаскивают свежую золотистую солому в скирды на обочину дороги.

К нам подходят бригадир с агрономом. Они прибыли на это поле поздравить механизаторов с окончанием уборки озимых. Такова здешняя традиция. А там день-другой — на техход, и даешь яровые! Комбайны далеко от нас, ушли на последний разворот, и в ожидании их мы разговариваем.

— Ну как, Галя? — спрашиваю я агронома. — Не плачешь теперь?

— Ой, что вы... Не до этого, — улыбается она.

Галя — студентка четвертого курса агрофака. Весной с нею произошел небольшой курьез.

Поехали мы с Бухониным проверять посадку картофеля. «Заря» раньше не славилась урожаем пропашных культур, и мне было интересно знать, что предпримет новый председатель, какую агротехнику введет.

Поле, где велась посадка картофеля, было ровное, хорошо разделанное, заправленное навозом. Нога тонула в рыхлой почве. За трактором бегала девчушка в зеленой косынке.

— Это кто у вас?

— Студентка на практике.

Мы с Владимиром Дмитриевичем ходили по полю, разгребали борозды, проверяли густоту посадки.

Девушка в зеленой косынке подбежала к нам.

— Часто или редко? — поинтересовалась она.

— Тебя как звать-то? — спросил я.

— Галя.

— Ну вот что, Галя: надо не ворон в поле считать, а следить за агротехникой. Видишь, как высаживает машина? Где густо, а где пусто.

Студентка отвернулась, на глазах — слезы.

— Да что ты, Галя. От всякого замечания плакать, — стал утешать ее Бухонин.

Мы остановили трактор, начали выяснять, в чем дело. Семна в бункере сажалки оказались неотобранные, клубни изрезаны вдоль. Предсе-

датель дал указание заменить посевной материал.

— Удобрение вносите?

— Да. — все еще всхлипывая, сказала Галя. — Вносим по восемьдесят килограммов гранулированного суперфосфата.

— Маркёр у вас, кажется, не отрегулирован...

Проверили. Сантиметров на шесть укоротили штырь.

— Вот так. Галя. А реветь студентке четвертого курса стыдно.

— Да это у меня как-то так получилось...

Теперь девушка не кажется робкой. Она загорела, возмужала, выглядит бойкой и даже задиристой. Растет молодежь!

На краю поля, чихнув, останавливается мотоцикл. Прибыл секретарь парткома колхоза Чистяков. Размашистым шагом он направляется к нам. В руках у него красный флажок.

— Чего, Михаил Иванович, в конторе отсиживаешься? Секретарь райкома в поле, а он все заседает.

— Да вот, итоги подводил.

— Итоги подводи по вечерам. А днем будь в гуще событий, с людьми.

— Поспеваем и в «гущу», — смеется Чистяков. — Пойдемте, поздравим комбайнеров, — показывает он красный флажок и сверток.

Но поздравлять ребят мне не пришлось. Из деревни прискакал верховой, требует к телефону.

Но вызов не срочный. Инструктор обкома интересуется ходом уборочных работ в районе, советует завтра никуда не уезжать.

— Что случилось?

— Нужно поговорить о перспективном плане организационно-партийной работы. Внести кое-какие изменения.

— Так для этого заворотделом есть, он сейчас на месте.

— Нет, с вами лично нужно переговорить.

И потом, помолчав, инструктор намекает, что и мне бы следовало находиться сейчас у себя в кабинете.

— А что случилось?

— Ничего не случилось. Но в обкоме с утра все спуют и бегают.

По прошлому опыту знаю, почему там «спуют и бегают». Кто-то дает «раскрутку». Надо спешить в райком.

Машина вертко бежит по дороге, выбирает места поровнее. Юра Алексеев, мой шофер, жмет на все педали. Водитель он классный и дороги районные знает как свои пять пальцев. Не было случая, чтобы машина где-то надолго застревала. К помощи со стороны Юра никогда не прибегает. В ход пускаются лопата, цепи, трос, всякие приспособления, но за трактором шофер не пойдет. Будет выбираться из трясины своими подручными средствами. И выберется. В этом я уже не раз убеждался.

Выскочили на бетонку. Мотор загудел ровно и монотонно тугая воздушная волна упруго ударила в лобовое стекло и натянутый тент, захлопали дверцы, словно по ним выстрелили дробью.

Под свистящий шелест колес по бетону хорошо думается...

«Да, трудно председателю колхоза в уборочную страду. За всем надо уследить. И комбайны чтоб не стояли, и зерно отвозилось без пере-

боя, и на складах чтобы без задержек принималось, и государству шло потоком...»

А секретарю райкома разве легче в эту пору?

И за «низами» надо следить: за всеми «технологическими процессами», знать, кто чем занимается, развязывать «узлы», мобилизовать силы. И за районным аппаратом надо смотреть — чтобы все «механизмы» срабатывали. И «наверх» при этом тоже надо поглядывать — чтобы впросак не попасть.

Попробуй разберись в потоке телефонограмм, решений, срочных распоряжений, указаний.

— Почему хлеб плохо идет на базу хлебопродуктов? — звонок.

Хватаешься за сводку.

— Картофель давайте. Жмите на картофель! — другой звонок.

Хватаешься за другую сводку.

Или:

— Шефы едут. Примите шефов.

Звонишь в колхозы, совхозы — просишь встретить. Поторапливаешь телефонистку, а она вконец зашилась, вызывает то больницу, то склад Сельхозтехники. Бросишь телефон, бежишь в гараж.

— Давай, Юрий, заводи машину.

А то вдруг и указание, и разнос — разом:

— Вы что там сидите, — за уборкой хлебов животноводства не видите? Молоко полетело!

«Молоко полетело» — значит, показатель по молоку снизился. Собираешь руководителей хозяйств, секретарей парткомов, специалистов, делаешь соответствующее «вливание». А когда взялся за животноводство, да еще накануне перевода скота на стойловое содержание видишь,

что и дворы в некоторых хозяйствах не отремонтированы, и строители со сдачей новых объектов задерживаются, и с механизацией нелады...

Дальше — больше, и ставятся перед тобой новые проблемы и вопросы. И с подготовкой школ к новому учебному году не все в порядке, и больницы на зиму без дров как бы не остались, и жилищное строительство на селе медленными темпами идет... Ух, мать честная, сколько важных дел чуть не упустил из виду!

Планируешь на завтра, послезавтра «проверить» все эти вопросы, «заострить» их на бюро, на совещании. Но из обкома спешит новая депеша: завершить комплектование сети политического просвещения, организовать семинары пропагандистов.

Снова вызывай актив, снова «подкручивай»...

За окном, глядишь, хлещет дождь, погода совсем разненастилась. Руководители с мест, только что с поля, оторванные от хозяйственных дел, сидят угрюмые, недоумевают: «Пошто создавали?»

— О политучебе, слышь, речь пойдет...

— Политучеба — дело нужное. Да ведь не овес, не осыплется. Чего колготят спозаранку?

Посмотришь на ворчуна строго:

— Тише, товарищи.

А что — тише? Прав ведь он. Если толком разобраться, так вся эта суетная толкучка происходит от неумения планировать свое и чужое время. Когда у человека на шею десять дел одновременно, тут уж не до того, чтобы выполнить их, тут — лишь бы формальности соблюсти.

Надо, ох надо нам скорее научиться такому

планированию... Только так можно облегчить сложный труд председателя. Да разве одного председателя?

«Газик», лихо притормозив, прямо с авто-страды сворачивает к переезду и, проскочив железнодорожное полотно, круто берет в гору. Поселок Шексна стоит на высоком холме. Отсюда глазу открывается широкий простор. Синее вдали Шекснинское море, видны сооружения шлюза, плотины ГЭС. Два высоких ажурных моста, соединивших берега могучей водной артерии, дополняют этот индустриальный пейзаж. По одному из мостов прорезается серой лентой автомагистраль, по другому — проходит железная дорога. А под ними день и ночь беспрестанно проплывают белоснежные «пассажиры», проносятся быстроходные «ракеты», снуют верткие катера, шлепают медленные буксиры с гонками леса. Это — Волго-Балтийский канал.

...В приемной меня ожидают посетители. По заведенной традиции они приходят сюда рано утром, чтобы застать секретаря, или к концу дня, когда он может возвратиться. Рабочий день секретаря района проходит большей частью в разъездах.

Беседовать с сельским человеком совсем не просто. Крестьянин ведь никогда ничего не скажет прямо, что называется, в лоб. Ему представляется, что руководитель района должен хорошо помнить его деревню, всех ее жителей. А поэтому повествование начнет издали: он тебе сперва расскажет про соседей, об их наклонностях и причудах, о том, что сказал один и что об этом подумал другой, какая хворь приключи-

лась у бабки Матрены и какое влияние все это оказало на ход событий... Ваше нетерпение может привести к тому, что рассказчик постарается начать все сызнова.

— Так что у вас, бабушка, случилось? Расскажите по порядку.

— ...Вот я и говорю, милой, соседу-то своему: «Оставь между пошире». А ему — нет, земли все мало, притесняет... Клеверок ему мой понравился. А я его, родимый, весь прополола. Летом скошу пораньше — отавку жду. А осенью, глядишь, еще раз скошу. Коровы-то я лишилась, не в силах держать, так двух коз пустила... Еще ярочку у Антипихи облюбовала, авось к зиме столкнемся-сговоримся в цене...

— Ну, а сосед-то, он что, межи не признает? Сходите в сельсовет, пожалуйста.

— И-и, касатик ты мой, куда уж мне по сельсоветам. Стара ногами-то...

Мне становится весело от этих слов: в сельсовет стара, а до райкома добралась. Но бабушка догадалась, что невпопад сказала. Она наклоняется к столу и заговорщически шепчет:

— У соседа Ивана есть сестра Полинария, а сйная дочка в сельсовете том сидит, счетоводничает...

Понятно. Звоню в сельсовет, требую немедленно установить точные границы бабушкиного владения...

В дверь шумно протискивается полная женщина. Не дойдя до предложенного стула, начинает плакать. Уговаривать в таких случаях бесполезно. Даю минуту-две выплакаться, потом спрашиваю, что привело ее ко мне.

— С квартирой меня обидели.

Квартирный вопрос требует максимума осто-

рожности и внимания. Прошу успокоиться и рассказать, в чем дело.

— На «Музыке»¹ я работаю. Подошла очередь, бытовая комиссия утвердила список, а завком отказал.

— Может быть, основания есть?

— Какие же основания? На комиссии почти весь завком присутствовал, и директор был.

— Выходит, в одном месте они голосовали «за», а в другом — «против»?

— Вот-вот, так оно и вышло.

Звоню на завод, спрашиваю, как соблюдается очередь на жилье, почему изменили первоначальное решение.

— Механизаторы нам сейчас нужнее. Если их не удовлетворить, уйдут с работы, — отвечают в завкоме. — А эта женщина — повар.

— Ну уж, простите, у вас не логика, а черт-те что! А если завтра повара подадут в отставку?

— Можем заменить.

Ах, вот как! Вызываю инструктора и даю задание проверить практику распределения жилья на заводе. Женщина уходит довольная, вполне уверенная, что ей дадут положенную квартиру.

Прием не окончился, за дверью у меня сидит дед, — наверное, о пенсии пришел хлопотать. По телефону я прошу второго секретаря принять посетителя. Однако дед бастует, не хочет ко второму. Приходится выслушивать и его.

— Я вас долго ждал, товарищ секретарь. А вы меня к другому отсылаете, — недовольно выговаривает он мне.

¹ Завод «Музлесдрев».

— А почему, дедушка, именно ко мне хотите?

— Ты главный, ты приказать можешь

— Нет, приказывать не могу.

Дед не смущается. Он пристально разглядывает меня. Сидит он рядом, опирается ладонями на суковатую клюку.

— Ну, как хошь. А только скажи, чтоб добавили пенсию. Я председателем был, колхозы организовывал. А мне, как и всем, двадцать рублей положили.

— Значит, больше нельзя пока.

Старик наклоняет сивую голову, долго о чем-то думает, а может быть, вспоминает свою жизнь, свои заслуги перед колхозом. Собеседник из него явно никудышный. Выражение лица у него то и дело меняется, — видно, в голове рождаются какие-то мысли, тревожат его, но никак он не может ухватить их, не умеет высказать. «А может, дед и впрямь заслуженный», — говорю сам себе. Начинаю расспрашивать.

— У вас какие-нибудь бумаги есть, дедушка?

— Нету бумаг. Сгорел я еще до войны. Все пропало.

— А было что-нибудь?

— Как не быть. Грамоты были, свидетельства за опыты. После войны медаль «За доблестный труд» дали.

Вызываю заведующую райсобесом и прошу внимательно разобраться со старым колхозником. Может, какие архивы отыщутся, а может, позвонить в колхоз, добавят они пенсии... Старик согласно кивает. Дара речи он теперь совсем лишился, только из глаз выбегает старческая слеза.

— Не расстраивайся, дедушка. Я обязательно поговорю с вашим председателем.

Он уходит вместе с заведующей. А я встаю и долго хожу по кабинету, все не могу успокоиться...

Заведующий общим отделом приносит мне панку бумаг. Послезавтра бюро, надо подготовиться. Однако углубиться в чтение документов не удастся — постоянно трещат телефоны, на световом табло загорается то один, то другой глазок.

— Первый секретарь? Вологда вас вызывает. Будете говорить с первым секретарем обкома.

Ага, вот оно, начинается!.. Не зря предупреждал меня инструктор. Я догадываюсь, о чем будет разговор. Спешно раскладываю на столе разные сводки, отчеты, достаю из кармана увесистую записную книжку.

— Здравствуйте, товарищ Кузовлев. Как дела в районе?

— Нормально, Анатолий Семенович. Рожь закончили. Только что из «Зари» — там последний клин добили.

— Зерна сколько сдали?

Сводка мне не требуется, я помню цифру.

— На второй план пошло.

— Хорошо. Яровые не начинали?

— «Шексна» косит «пиркку». Урожай у них хороший. «Пиркка» в бригаде Кадыкова дает с отдельных площадей до сорока центнеров.

— А кировцы?

— Кировцы еще не начинали. Они ведь затянули нынче с севом, поэтому яровые у них не поспели.

— Смотрите, «не поспели», — выговаривает недовольно секретарь обкома. — Провороните время, уйдут яровые под снег.

— Нет, постараемся не пустить под снег.

— А с картофелем как?

— «Шексна» приступает к конке...

Секретарь обкома не любит общих докладов, у него хорошая память, он знает все колхозы, многие бригады и помнит даже некоторые поля. Поэтому стараюсь говорить конкретно.

— Вы чего-то с молоком опять вниз пошли, — переводит Анатолий Семенович разговор на другую тему. — И весной топтались, и сейчас я у вас успехов не вижу.

Я ждал этого вопроса. С молоком у нас действительно «пошло вниз».

— Ну, чего молчишь? — напоминает о себе секретарь обкома.

— А чего говорить... Плохо работаем.

— Плохо. Я и сам вижу, что плохо.

— Провели на днях совещание...

Но чувствую, что зря бухнул про совещание, лучше бы и не упоминать о нем.

— И-и, совещание! Не на совещаниях коров доят. В поле, на пастбище.

— Знаю и это.

— Знаешь, а говоришь что? Поправить с молоком... Проверить на местах работу животноводов. Усилить кормление.

Обещаю проверить, усилить...

— До свидания.

Я долго еще смотрю на телефонную трубку, потом тихо кладу на аппарат. Нажимаю кнопку вызова технического секретаря.

— Слушаю вас.

Секретарша ждет приказа, но в то же время поглядывает на ручные часики. Вероятно, ее рабочий день закончился.

— Приготовьте мне машину...

Пути-дороги

В народе говорят: «Волка ноги кормят». Ну, а секретаря сельского райкома — дороги! Да, да, дороги! Обыкновенные проселочные дороги, которые бегут через поля и веси и обязательно приводят к какому-нибудь жилью.

Асфальтовые — тоже хорошие, но похуже. Шофер прибавит скорость — замельтешит все перед глазами, ничего-то не увидишь. А по проселочным — куда как добро. Длинные дороги — что тебе университеты. Пока добираться до села — готовишь в уме выступление; возвращаясь домой — доводишь до логического конца споры, которые только что вел, анализируешь увиденное, услышанное, берешь хозяйственные недочеты на заметку. Длинные дороги еще и тем хороши, что обо всем успеваешь передумать — о радостном и плохом — и по сторонам успеваешь смотреть.

Выедешь в поле, на широкий простор — то-то отрада душе! Особенно по весне, когда в поле работают механизаторы. Попросишь остановить машину, выйдешь. А механизаторы — народ задиристый, на язык острый. Такой иногда случается разговор! Однако за шуткой они и дела не забывают.

Сеять первыми в районе обычно выезжают механизаторы колхоза «Пример». Поля у них не больно просторные, все горушки да увалы, и камня до лешего. Но трактористы здесь такие, что всегда что-нибудь изобретут-придумают. Председатель «Примера» Валентин Арсентьевич Ермичев нашел подход к своим ребятам. У него молодежь держится, после службы в армии возвращается домой. Но и этого с виду удачливого

сельского вожака постоянно одолевают какие-нибудь житейские тревоги.

— Возвращаться-то возвращаются... — говорит он. — А дальше что? Девчат в колхозе нет... А это не фунт изюма, в магазине не возьмешь. Вот и тянутся ребята в город, за невестами, значит... А из города не всякая позволит себя умыкнуть. Вот ведь оказия какая...

— Ну и что думаешь делать?

Ермичев не торопится с ответом. Соображает. Медленно покачивает головой, собирая морщинки на лбу, прищелкивает языком. Говорить начинает обычно издали.

— Пробовали мы всяко. На фермах механизацию торопимся вводить. В прошлом году двухсменку на двух дворах организовали... А все равно не заманишь этим девчат, ни на какую двухсменку не поддаются. — Он хитро улыбается, и у него такой вид, будто девчата тем, что «не поддаются», только радуют его. — Надумал я вот что испробовать...

И обстоятельно, не спеша, Ермичев начинает излагать свой новый план. Оказывается, он закупил два комплекта строительных деталей для тепличного хозяйства. Вот только подрядчиков пока не найдет.

— В теплице работать — что на фабрике. Под стеклянной крышей. Как думаете, согласятся девчата?

— Наверное, согласятся.

Но Ермичев в думах своих, видно, давно определил, что девчата с удовольствием станут работать в теплицах.

— А будут в селе девчата — останутся и парни, — решительно говорит он.

Толковый председатель Ермичев. Колхоз его еще недавно числился в отстающих. Встретятся,

бывало, председатели и начнут подтрунивать над тремя «лесными» колхозами, к которым и «Пример» относится:

— В «Дружбе» дружбы никакой нет, «Согласие» с соседями в мире не живет. А «Пример» — никому в районе не пример.

Но так было до Ермичева. Теперь «Пример» пошел в гору, с размахом начал строиться, по урожайности обогнал середняков и вплотную подступил к передовым хозяйствам, таким, как «Шексна», «Заря», колхоз имени Кирова. К Ермичеву зачастили делегации из соседних колхозов. И один из первых вопросов, который задают председателю, — как удерживается у него молодежь?

Однако и у этого хозяйства есть свои трудности, свои проблемы.

Как-то поехали мы с Сергеем Михайловичем Кульпиным, секретарем парткома, в Малую Мушню, самую отдаленную деревню колхоза. Малая Мушняя — деревня подлесная, славилась когда-то и животноводством, и льноводством. Лен выращивала на больших площадях и сдавала его самым высоким «номером» в районе.

Теперь посадки деревни сильно поредели, скотные дворы ее — где развалились, где вросли в землю — потерялись в бурьяне. Зашли мы с Сергеем Михайловичем в коровник. Пол наполовину сгнил, крыша прохудилась, залатана коскак. Но коровы, к удивлению, — чистые, упитанные. Значит, уход хороший. Во дворе — никакой механизации, кроме автопоилок да старой подвешной дороги.

А в группе доярки Полетаевой буренушки прямо-таки отменные, хоть на ВДНХ вези.

— Сколько же надаиваете? — спросил я доярку.

— За день сто сорок — сто пятьдесят...

В группе пятнадцать коров, с коровы — почти по десять килограммов молока. Для последних чисел октября выходило совсем плохо.

— А отелов?

— Отелилось пять да шесть в запуске. Значит, дойных девять коров. Совсем хорошо.

Сергей Михайлович шепнул мне на ухо, что доярка — коммунистка, работает отлично, но вот беда: на собрания не ходит.

— Как же это вы, Мария Васильевна?

Но та в ответ только улыбнулась виновато.

— Вы уж меня освободили бы, право... Девятнадцать лет я у коров, через год на пенсию. Дайте доходить...

— Да что вы, Мария Васильевна. Как говорится, бог с вами, работайте на здоровье. Но вы же передовая доярка, как же на собрания-то не ходить?

И тут старая доярка вдруг пригорюнилась и поведала, что подмены она не видит уже пятый, а то и шестой год. Ни подмены, ни выходных. Нет, она не жаловалась, она сообщала все это с какой-то виноватостью даже.

— Да и то сказать, — защищала она кого-то, наверное, руководителей бригады или колхоза, — некому идти на подмену-то. Обезлюдела деревня. Ни мальчика, ни девочки. Чуть подрастут — в город скорей... Она погладила стоявшую рядом корову по холке и снова виновато улыбнулась. — А теперь и подрастать-то некому. Бабы рожать перестали.

Всю обратную дорогу из головы у меня не

выходили эти грустные слова: «Бабы рожать перестали...»

Безусловно, одна из причин низкой рождаемости — в изменении социальной функции ребенка в семье. Раньше отец и мать смотрели на ребенка как на продолжателя рода и, в первую очередь, как на своего кормильца под старость, видели в нем будущего работника в семье. Теперь кормильцем стариков выступает общество. Общество же берет на себя и многие повседневные заботы трудовой семьи, которые раньше лежали на плечах подрастающих детей.

Но в мелких, отдаленных деревнях действительно рожать стало некому.

Эх, дороги, дороги! Сколько радости, печали и волнений танте вы в себе, сколько дум и тревог рождаете.

По дороге из села редко когда едешь один, все кого-то подсадишь. А посадил, — значит разговор завяжется.

Как-то летом, под вечер, возвращались мы из колхоза «Искра Ленина». Впереди через дорогу только что прогнали колхозное стадо; взбитая пыль, медленно оседая, серым облаком затягивала с запада кромку неба. Солнце оттого сразу сделалось крупнее — будто огромный кровавый шар надавил на край земли.

Вижу на обочине — человек. Сидит себе в пыльной канаве, сам с ног до головы в пыли, а лицо в мазуте. Механизатор, конечно.

— Ты чего это развалился? Не хватил, часом?..

— Какое хватил. Сутки вот не спал.

— Залезай в машину.

Разговорчивый оказался человек, даром что не спал. Правда, разморило немного — оттого и в канаву сел, передохнуть.

— А сутки-то не спал почему?

— Да как сказать... Ездил в подшефный колхоз. Директор наш наказал мне вырыть там траншею, дал сроку три дня. А я не поспал — за сутки управился.

— Теперь домой?

— Отосплюсь и назад вернусь. Может, еще какую работенку подбросят. У меня «С-100» машина серьезная. Попусту гонять нет расчета.

«Верно, расчета нет, — мысленно согласился я с механизатором. — Надо загрузить трактор, коли направили в подшефный колхоз из такой дали».

— Ты на «Музыке» работаешь?

Механизатор расхохотался:

— Точно. А откуда это видно?

— Оттуда, откуда возвращаешься. В «Искре Ленина» ведь был? А там «Музлесдрев» шефствует. Давно в механизаторах-то?

— Да уж порядком. До войны еще начинал... Вот, — выбросил он вперед правую руку, которой недоставало двух пальцев: большого и указательного, — войны успел прихватить. А теперь прав на мотоцикл не дают. Разве это порядок?

— Выходит, нельзя без пальцев.

— А на тракторе можно? — построжел мужик.

— Не знаю. Смени профессию.

— Не... Чего мне ее менять. Вот колхоз на завод сменил. Это да. Раньше тоже в колхозе вкалывал.

— Чего же ушел? Не понравилось?

Попутчик мой pokrutil головой в знак несогласия:

— Почему — «не понравилось»? В колхозе работать можно. Вот вкалывать механизаторам по шестнадцать, а то и по восемнадцать часиков приходится — это плохо.

— Ну уж, по восемнадцать. Загнул ты, дядя. Но «дядя» уступать не захотел:

— Нет, не загнул. Работал, знаю. В колхозе, оно как? То тебе посевная, то сенокос, то уборка... А людей всегда нехватка.

Старый механизатор сошел у развилки дорог, через километр мы взяли нового попутчика, но я все думал над его словами: «Разве это порядок?» И вспомнился неволью случай в колхозе «Дружба».

Колхоз этот в лесном краю, отрезан от райцентра бездорожьем, все пять деревенок его рассыпались по правобережью Волго-Балта. Земли мало, большая вода отняла хорошие луга и пастбища. Потекли люди из колхоза. А летом вдруг возвращается солдат из армии. Валентин Иванович Иванов, председатель «Дружбы», — ходом к нему.

— Давай, парень, оставайся, я тебя на моториста выучу. Колхоз недавно катер купил.

Парень подумал, подумал, да и согласился.

Как узнали родители, что парень решил остаться в колхозе, давай отговаривать. «Да что это ты удумал, — говорят ему. — Ты же в авиации служил, а теперь колхозником будешь. Без паспорта. Белены, что ли, объелся...»

Скис солдат. Но и слово дал председателю, нехорошо уговор рушить. Пошел он тогда в сельский Совет и предложил такой вариант:

— Дайте паспорт, чтобы утешить моих

стариков. А я, даю честное слово, никуда не уеду.

На том и порешили: выдали паспорт.

Когда я был в «Дружбе», там снаряжали бригаду косцов на дальние луга. Моторист, оставив катер, вместе с другими колхозниками собирался на косьбу. С паспортом — и сам, и старики успокоились.

Вот ведь какая это штука — паспорт!

Теперь положение изменилось. Третий съезд колхозников установил, что молодежь в шестнадцатилетнем возрасте сама решает, подавать ей заявление в колхоз или не подавать. Не подал заявления — ты не колхозник, следовательно, получай паспорт.

Дальновидные председатели колхозов давно поняли, что отказать в паспорте — значит отпугнуть молодежь от деревни, выдают паспорта всем, достигшим шестнадцатилетнего возраста, выдают в торжественной обстановке, заодно проводят посвящение в хлеборобы.

Но, к сожалению, поступают так далеко еще не все...

И вот, мотаясь по дорогам, сколько их, молодых, встретишь за околицей села! Оставив родной дом, они с ожесточенной решимостью отправляются в неведомые дали. Причины разные. Одним подавай романтику; другим — просто паспорт, а коль получил его, так что не крутануть по свету; третьим — соответствующую их образованию специальность...

Как-то, завершив дела в селе Чаромском, вышел я к своей машине, глядь — а там уже и пассажирка сидит. Этакая словоохотливая бойкая деваха. Так и пышет задорным озорством.

— Можно, я с вами?

Спрашивает разрешения, а сама расселась,

будто купчиха на базаре, — заднее сиденье заняла сумками, свертками, кулечками, сняла берет, распустила волосы, кофточку расстегнула.

Появился шофер, молча нажал стартер, и машина тронулась.

— Куда же прикажете вас доставить? — осведомился я у пассажирки, чтобы, не дай бог, не увезти ее в обратную сторону.

— А мне в сторону Чуровского. Я узнала, что вы в Шексну едете.

Ехать молча не пришлось. Девушка была довольна складывающейся жизнью, довольна своей ловкостью и удачливостью, ей надо было делиться переполнявшим ее чувством.

— Я, знаете, у геологов устроилась...

— Интересная работа?

— Да... — Она загнулась, спрятала глаза. — Ну, не так чтобы...

На побегушках, значит.

— И какой же оклад положили?

— Да уж семьдесят пять-то будет, наверно.

Выходит, недавно у геологов, коль зарплаты еще не получала...

Выяснилось, что девушка только в этом году окончила десятилетку, живет недалеко от Чаромского.

— В институт побоялась, решила сперва поработать.

— Ну, а чего же в колхозе не осталась? Поработала бы с годок, колхоз в институт, глядишь, направил. — Но попутчица резко оборвала мою агитацию:

— Фи! Колхоз наш — дыра!

И она начала с запальчивостью перечислять все те неудобства, которыми изобилует село, на которые вдоволь насмотрелась, от которых

вдосталь натерпелась (это в семнадцать-то лет!).

— Ну, а что ты знаешь о своем колхозе?

Девушка о колхозе ничего не знала, кроме того, что «надон самые низкие». А то, что «Советская Россия» заложила несколько дворов, строит теперь много жилых домов, во все бригады проложила новые дороги, а той самой школе-десятилетке, в которой девушка училась, выделила целый комплекс машин, двадцать пять гектаров лучшей земли для опытного участка, — ничего этого моя попутчица не знала.

— Может, это и так, — не славалась она. — А только все равно у нас неинтересно.

Вот так. И доводов-то, практически, у нее никаких нет, а неинтересно — и все. «Дыра!»

Да, в селе нет многого, но действительно ли родной колхоз этой девушки «дыра»? Нет! Это дыра в нашей воспитательной работе, дыра в системе сельской профориентации, в результате — дыра в голове у этой бывшей десятиклассницы.

Конечно, у девушки впереди вся жизнь, и ей хочется жить интересно, осмысленно. Только вот насколько ее работа на подхвате, у геологов, интересней, осмысленней труда доярки?

Да, человек волен выбирать. И должен выбирать. Но ведь надо и объяснить ему, что свобода выбора без цели — это свобода пустить на ветер свою жизнь. Ладно, у парня там какого-нибудь талант математика, ему в университет надо. А что этой девушке в геологическом отряде? Разве только городской штамп в паспорте о месте работы.

Преобразовать своими руками деревню, сделать ее жизнь по-настоящему современной,

высококультурной — да неужели это не почетное дело для всякого молодого человека? Но мы пока пишем и говорим в таком плане о больших стройках — какого-нибудь автомобильного завода, скажем, или какой-нибудь ГЭС, а о деревне... Когда советуем молодежи оставаться в деревне, то словно мгновенно забываем о том великом, историческом преобразовании, которое в ней сейчас происходит.

Гудит земля

— Ну, братцы-строители, с вами не заскучаешь. Директор совхоза «Любомирский» Николай Александрович Кармановский встал из-за своего стола, распаренный и взъерошенный, и направился к выходу.

— Всегда вы так. Спор — дым коромыслом. А комплекс не подвигается.

— Не от нас же зависит, Николай Александрович, — попытался на ходу урезонить его начальник стройколонны Петр Григорьевич Туровец. — Дорожники ведь задержали...

— Дорожники — это районный межколхозно-совхозный Дорсельстрой, который ведет дорогу к строящемуся овцеводческому комплексу. Полотно они сделали, заканчивают отсыпку гравия, а вот строительство моста действительно затянули. Начальник Дорсельстроя Василий Викторович Майоров на планерке рьяно оборонялся, пытался доказать Туровцу, что мост строительству комплекса не помеха, можно и без моста обойтись.

— Как это? Как? — кипятился Туровец. — По воздуху летать прикажешь?

В споре не участвовал только директор ме-

лиоративной станции Вениамин Забегаев. Начальник он еще молодой, а потому больше приглядывается, прислушивается. Но и ему этот чертов мост до зарезу нужен. Мелиораторы ведут в Любомирове большой объект, им постоянно приходится перетаскивать свои дренажные, бульдозеры с участка на участок, и каждый раз — форсировать речку. Спор в кабинете по этому поводу до того накалился, что решено было перенести планерку к месту действия.

Выйдя из конторы, сели в машины и покатили по новой дороге. Навстречу пылили дорожные МАЗы, КрАЗы. Они только что свалили, очевидно, гравий у моста и возвращались в карьер.

Подъехали к реке. На мосту работала бригада бетонщиков. Прораб направился в нашу сторону, быстро отдавая на ходу распоряжения.

— Мост почти готов, — доложил он. — Но ездить по нему недели три нельзя. Надо, чтобы бетон как следует схватился.

— Вот! А что я говорил? — опять загорячился Туровец.

Майоров, буркнув в ответ что-то относительно технических норм, ушел с прорабом осматривать перекрытие. Мост добрый, хоть колонну танков пускай.

Наше внимание привлек автокран, стоявший внизу, правее моста. Около крана суетился главный инженер стройколонны. Он делал отмашки — «майна», «вира», — вел укладку каких-то плит прямо на дно реки. Из-под настила торчали концы фундаментных блоков.

Туровец, присмотревшись, опрометью скатился с откоса.

— Ты это чего, Петров, удумал?

Главный инженер махнул крановщику рукой: стой!

— А, жди мостовиков. Они нам план сорвут...

Туровец растерянно посмотрел на кран, на плиты, повернулся ко мне — дескать, смотрите, как приходится выкручиваться...

— Смотри у меня, — сердито буркнул он инженеру. — Плиты выдержат — скажем «молодец». Не выдержат — пеняй на себя. За твой счет вся эта самодеятельность пойдет.

Мы отправились на строительную площадку.

Комплекс расположился в полукилометре от реки. Стройплощадкой занята сейчас вся горушка обширного прибрежного поля. Совхоз «Любомировский», занимавшийся раньше, как и все хозяйства района, разведением коров ярославской породы, будет теперь специализироваться на выращивании романовской овцы. Такое решение созрело не только в кабинетах областных организаций. За последние годы овца на севере стала исчезать: колхозы и совхозы посчитали овцеводство невыгодным, неперспективным занятием, а потому под разными предложениями начали пускать овец под нож.

Да и то сказать, какие это были фермы?! В нашем районе только у колхоза имени Кирова была приличная отара — в пятьсот голов, у остальных и до сотни не насчитывалось. Поэтому и решили создать в районе одно специализированное овцеводческое хозяйство. Выбор пал на любомировцев.

Года два назад сюда завезли шестьсот племенных маток, любомировцы довели стадо до двух тысяч голов. Разросшийся гурт, правда, потеснил коров, пришлось спешно переоборудовать

два новых коровника под кошары. Но зато какой результат! Совхоз стал получать в среднем на овцематку по два-три ягненка в год, а настриг шерсти довел до трех килограммов. Овцы стали давать солидную прибыль. Из Тимирязевской сельскохозяйственной академии зачастили в совхоз ученые, аспиранты, начали ставить опыты по откорму валушков, ягнят-сироток...

Тогда-то и решили возводить в «Любомировском» овцеводческий комплекс на десять тысяч голов. Большому комплексу, ясно, потребуются обширные пастбища. Запроектировали осушение земель, расчистку закустаренных участков. На любомировские поля пришел отряд мелиораторов.

...Мы стоим на строительной площадке, где закладываются фундаменты двух просторных железобетонных корпусов. Отсюда, с высокого бугра, далеко просматривается местность. Грузные самосвалы вереницей идут и идут по пыльной дороге, далеко разбежались по полю экскаваторы-дренажники, прорезав ровные нити канавок, в которые укладывается дренажная трубка. Внизу, по обоим берегам реки, ползают мощные кусторезы, корчеватели, бульдозеры. Гул, рев — музыка большой стройки — разносится в воздухе.

И вдруг прекратились всякие споры, мы остановились словно зачарованные, потому что нельзя было не заглядеться панорамой строительства, нельзя было не залюбоваться картиной обновления земли.

Гудит земля!

...Ну и денек выдался! Прямо повезло нынче на строителей. Не успел отряхнуться от любо-

мировской пыли, зайти в кабинет, а в приемной ожидают проектировщики, заказчики бройлерной фабрики. Ничего не поделаешь, надо снова «седлать коней» и отправляться в путь.

Бройлерную фабрику мы решили «посадить» невдалеке от райцентра, около бстонной дороги, что ведет на Череповец. Место высокое, от Волго-Балта в километре, не более, удобно будет разместить и производственный комплекс, и жилой поселок. Никакие промышленные «осадки» не помещают здесь птице, а птицы этой немало будет на фабрике — три миллиона голов. И давать бройлерный комплекс должен около шести тысяч тонн птичьего мяса в год.

Михаил Степанович Танин, директор «Птицепрома», — человек известный в области, увлеченный своим делом. Он приехал в район, чтобы самому оценить, удобно ли выбрано место для новой фабрики. Исходил вдоль и поперек отведенный участок, оглядел прилегающие уголья и дал наконец «добро».

— Значит, стоять здесь птицефабрике?

— Стоять!

Гудит обновляющаяся земля!

Каждый год в районе вводятся в эксплуатацию тысяча гектаров осушенных земель, полторы-две тысячи — поверхностно улучшенных, около пяти тысяч гектаров пашни «проходят» известкование. С помощью мелиораторов трестов «Мелиоводстрой» и «Сельхозтехника» колхозы и совхозы вносят на свои поля триста пятьдесят тысяч тонн органических удобрений — по восемь тонн на каждый гектар. А с заводов страны все идут и идут новые партии тракторов, комбайнов, автомашин, минеральных удобрений.

Будущее села — в его индустриализации. Тогда, вероятно, и молодежь будет после школы оставаться на родной земле, и отпадут многие из тех проблем, над размышлением которых мы бьемся сейчас. И — кто знает — может, тогда колос Севера поборется с колосом Юга!

Пачевских земель теперь не узнать...

Там, где раньше буйствовал ивняк, тянулись бесконечные топкие луга и ржавые болота, где лишь изредка встречались сырые оторфованные поля, изрезанные влагоотводными канавами на полосы и клинья, теперь раскинулось добротное широкое поле. Всего лишь два года поработали здесь машины мелиораторов, и исчезла докучливая топь, чересполосица, канавы, кудрявые заросли ивняка и ольховые куртины. Сонная речка Пишковка покинула старое русло с ленивыми перекатами и застойными омутами. Вытянувшись ровной лентой, побежала Пишковка веселей, а поле придвинулось к ее одернованному берегу и, перешагнув речку, покатилося дальше...

Дорога сбегает с невысокого холма, от обновленных построек центральной усадьбы колхоза. Это деревня Пача. Новые дома, один к одному, ровнехонько стоят посреди пахотного массива.

Мы стоим с председателем колхоза Владимиром Бухониным у дороги, на высотке, любуемся открывшимся простором, неохватностью далей.

**НЕ ПОЛЕ
ПЕРЕЙТИ**

(Сельские
записки)

— Вот что делает техника! — восторженно произносит Бухонин.

Мелиорация коснулась земель не одного колхоза «Заря», преобразаются поля и в других хозяйствах района. В колхозах «Шексна», имени Кирова, в совхозах «Братковский», «Любомировский», «Чершеевский» возникли целые массивы площадью по двести—триста гектаров и более, тракторам и комбайнам есть где развернуться. Но открывшаяся моим глазам низина колхоза «Заря» — размером в тысячу гектаров...

— Закончим первую очередь, приступим ко второй, — говорит Бухонин. — Проектная документация имеется.

Я молча смотрю на него.

Он стоит сейчас без кепки, распахнув легкую нейлоновую куртку с яркой застежкой, подставляет лицо весеннему ветру и солнцу. Но вот он побежал к борозде, пощупал влажную землю. Выскочил на дорогу, зашагал, опустив руки в карманы брюк, резко обернулся ко мне. Энергии в нем хоть отбавляй. Эх, наверное, и я был в его годы таким же нетерпеливым.

— Ширь-то какая будет! — разводит руками Бухонин. — Одно поле почти на три тысячи гектаров, а ведь у нас не Украина!

Я помалкиваю, пусть председатель выскажется. Поле уходит далеко за горизонт, прячется где-то в сизой дымке тумана.

— Участок Кичино—Соболино скоро закончим. Надо подбросить мелиораторам работенки еще и для третьей очереди, — мечтает Владимир Дмитриевич.

— Не слишком ли ты торопишься? Есть в районе и другие хозяйства, тоже ждут мелиораторов.

Бухонин перебегает на другую сторону дороги, горячится:

— Другим тоже надо, вы секретарь райкома, вам виднее. А тут, посмотрите, какие земли! Оторфованные, лизинные... Неужели им ждать десять лет очереди?!

Улыбаюсь я, глядя на молодого председателя. Он, уловив мой взгляд и иронию в голосе, тоже развеселился. По натуре парень он добрый, настежь открытый, хитрить совершенно не умеет. Думка про оторфованные земли глубоко засела в его голове, и он не первый раз насадет на меня с требованием расширить мелиоративные работы в колхозе.

— Затраты окупятся быстро, — прямо-таки глотает он слова, спешит взять меня приступом.

— Быстро, говоришь?

— Через два-три года затраты окупятся с лихвой!

— Два-три года — тоже срок... Ты хоть считал выгоду-то?

— Конечно, считал! В прошлое лето была засуха, а на участке мелиорации мы собрали по двадцать три центнера с гектара. В удачный год дадим по тридцать!

— Это твердо? — ловлю Бухонина на слове.

Он чуточку мешкает. Слов Бухонин на ветер бросать не привык, и теперь соображает, что бы еще выпросить у райкома партии, чем бы облегчить себе нелегкое обещание.

— А удобрений дадите? — выжидательно задает он встречный вопрос.

— Ну и цыган ты, Бухонин. Будут тебе удобрения.

— Тогда тридцать центнеров с гектара мы гарантируем.

Председатель успокаивается. А я сажусь в

машину, еду в райцентр. Мне надо бы еще взглянуть в колхоз «Шексна»: там тоже новый председатель, по образованию агроном, экономист, да еще инженер-механик. Башковитый мужик! Хорошие подрастают в районе кадры. То же у него разные идеи. Загорелось построить животноводческий комплекс на восемьсот коров. Проектный институт принял заявку, готовит документацию. Изыскатели приехали уточнять местоположение комплекса, могут сменить площадку под строительство животноводческого городка. «В районе деревень Потеряево и Остров есть удобные земли, думаю я, но их надо бы расчистить от перелесков, да осушить, да объединить в один массив под культурные пастбища».

Шофер гонит машину по просохшим полевым дорогам, что-то мурлычет себе под нос, а я гляжу в боковое окно на поля, на луга и пастбища...

Сейчас все председатели, директора в районе требуют: подавай им мелиорацию, отряды по культуртехнике и заготовке торфа. Это запросы индустриального времени! Недавно побывал я в отдаленном рыболовецком колхозе «Согласие». Уж там-то бы, казалось, знай лови себе рыбу, осваивай водные просторы, а тоже со мной заговорили о мелиораторах.

— Нам бы гектарчиков пятьсот угодий прибавить, — заявил на собрании председатель колхоза Павел Михайлович Прохоров.

— Это еще зачем? — удивился я. — Ваше дело рыбу ловить.

— Рыба рыбой, а лишняя земелька не помещает. Льну побольше посеять, клеверу. Зимой женщинам у нас делать нечего, вот и займутся обработкой льна.

— Видать, у вас в колхозе лишние рабочие руки. А в других хозяйствах людей не хватает.

— Сколько народу, не скажу, — схитрил председатель, — а вот лодочные моторы мы считаем. В том году было сто сорок, нынче под двести.

«Двести моторов на пять небольших деревень — это не мало, — отметил я про себя. — Хлеба в «Согласии» рождаются теперь хорошие, льном занимают четвертую часть пашни, надоев молока на фермах поднялись за три тысячи килограммов на корову. Но председатель, пожалуй, прав: дополнительные пятьсот гектаров хороших угодий колхозу не помешают, они помогут развернуть производство, увеличить доход. Не мешало бы в этот глубинный лесной край дорогу провести...

Нынешние колхозы растут, богатеют, быстро строятся. Проблемы, конечно, тоже не отступают, идут следом. Но современные проблемы совсем иного плана и размаха. О чем ныне вздыхают или даже кричат на собраниях?

— Не хватает удобрений!

— Подбросьте техники!

— Молодые девушки не хотят в доярки идти...

— Негде стройматериалов добыть...

Я сравниваю прошлое с настоящим. В 1955 году мы, двести сорок тридцатитысячников, приехали из Москвы и Подмосковья в Вологодскую область. Тяжелое тогда было время для деревни...

И вот недавно Вологодская область собрала по шестнадцать центнеров зерна на круг, а наш Шекснинский район взял по двадцать центнеров с гектара, передовые же хозяйства даже по двадцать пять — двадцать восемь центнеров. Это немалое достижение. Простые мужики и ба-

бы были героями труднейшего исторического этапа подъема сельского хозяйства. Эти годы навсегда останутся в памяти людей нашего поколения. Размышляя над прошлым, я думал, что ведь без прошлого не было бы и настоящего, как без настоящего не может быть будущего. И вспомнилось мне то недавнее, еще живое в нашей памяти, прошлое северной деревни, когда я председательствовал в «Красном знамени». Об этом и пойдет рассказ в предлагаемых записках.

Глубинка

Стоит знойный августовский день. Хожу-брожу по деревушке, а точнее — по Старому Раменью, кручу за веревочку кожаный мешочек на пальце, а в мешочке том — колхозная печать. Вчера мне сунули ее в спешке, и вот то положу в карман, то снова достану. Выручила бойкая девушка-агроном, Машей зовут. Она и тогда «выручила» меня, на собрании. Когда отчитывался старый председатель, а потом выступали бухгалтер, бригадиры, еще кто-то из местного начальства, Маша сидела на передней скамейке, вплотную к сцене, глядя в мою сторону, все шептала, ни к кому не обращаясь, да так громко, что слышно было за столом президиума:

— Ой, пошто и врут... Ну и врут же!

Я спросил представителя из района:

— Это кто такая?

— Агроном... Закреплена за вашим колхозом.

— Колхоз еще не «наш», — успел буркнуть

я в ответ. Но представитель словно не расслышал моих слов.

— Девка — бой! Поддерживай ее, — сказал он, немного помолчав.

Потом, когда все вдоволь наговорились и люди начали понемногу уходить, вдруг раздался звонкий Машин голос:

— Чего вы, бабы, глядите-то? Ведь опять наврали... А вам работать!

В зале поднялся гвалт: бабы заохали, заахали; мужики побросали сигарки, а те, кто выходил курить на улицу, гурьбой повалили в клуб. Федор Антипин, седоватый осанистый старик, долго не мог успокоить зал:

— Потише вы, бабы. Пора и голосовать за нового председателя.

Не успел я опомниться, как был избран председателем. Кто-то из президиума хлопнул по плечу, кто-то пожал руку. В довершение раздался из темного угла надтреснутый старушечий крик:

— И пошто, окаянные, губите молодого парня?

Смысл этого горького сожаления в тот вечер никак не доходил до моего сознания. Но наутро он, кажется, стал понемногу проясняться...

Вот теперь Маша-агроном пришла мне на помощь:

— Да вы поезжайте на покосы, там весь народ.

Она хотела было бежать дальше, но задержалась, поглядела на меня в упор, звонко рассмеялась:

— Ой, что это я! Да вы и покосов-то наших не знаете...

Вдвоем мы запрягли серого мерина в председательскую таратайку и двинулись на луга.

Мерин лениво тянул таратайку, неохотно натягивал гужи, болтался по дороге из стороны в сторону, словно испытывая наше терпение.

— Но, Моряк! Какого лешего! — рассердилась на него Маша и огрела хворостиной.

Мне стало неловко, я покрепче натянул вожжи.

— Вы с ним поостроже, — присоветовала Маша. — Он ленивый, бес.

И тут же поведала, что этот самый Моряк ужас какой хитрый, ни за что больше восьми мешков не повезет.

— Как это «не повезет»?

— Будто пересчитает. Положи девятый — встанет и шагу не шагнет.

На моем лице, паверное, отразилось сомнение.

— Не верите? Узнаете сами. Да вы спросите хоть Ванюшку.

— А кто это такой?

— Ванюшка? Бригадир. Вчера выступал на собрании, разве не запомнили?

— А как было запомнить?

— Врал здорово.

Как я ни вертел в уме, стараясь вспомнить, кто «врал здорово», представить Ванюшку не мог. Выступали на собрании пожилые мужики, бородатые или обросшие щетиной, а молодых не было.

Кончилось поле. Потянулись низкие, заросшие ивняком луга.

— Это Мокрый луг, — пояснила Маша. — Трава тут худая, несъедобная. А там, повыше к леску, — указала она рукой на березовый взлобок вдали, — там первая бригада сейчас косит.

— И Ванюшка там? — спросил я.

— Ой, что вы! Ванюшка дома. Гулять будет неделю. Он всегда гуляет после собраний.

— Ну и гусь, однако же, — заметил я.

Добрались до покоса. У раскидистой березы, в тени, оставили Моряка, задали ему накошенной травы.

Пошли к косарям. Бабы зорко уставились на нас. Еще издали можно было прочесть на их лицах любопытство: «Кто эта там пожаловал?» Мужики, что работали у стога на соседней полянке, отнеслись к нашему появлению сдержанно. Они не прекратили работы, торопились дометать стог. Мы завернули к ним.

— Здравствуйте. Труд на пользу!

Кое-кто, не оборачиваясь, слегка притронулся к картузу или соломенной шляпе, а те, кто поднимал тяжелые навильники сена, дружно крикнули в ответ. Бабы оказались приветливее:

— Пожал-те к нам.

Это означало: «Не мешайте мужикам, они заняты». Мы повернули к женщинам. Маша выскочила вперед и что-то сказала крайней молодой, та понимающе заулыбалась. «Ну вот, начались секреты». Некстати в руке у меня вдруг объявился все тот же мешочек с печатью, я быстро упрятал его в карман.

«Подходи, подходи, председатель».

«Эк, востроглазые! Никуда-то от вас теперь не спрячешься!» Я не знал, что делать: стоять в отдалении или подходить ближе...

Но бабы атаковали мою спутницу.

— И-их, Машуха! Гляди-тко, нового председателя подцепила.

Маша, запунцовев, нырнула за куст, нашла там косу, схватила ее, повернулась и пошла в ту сторону, где оставался недокошенный заполосок.

Бабы мигом переменялись. Загалдели.

А ну, председатель, не отставай! Маша у нас — огонь. Люта косить!

Молча и я отправился туда, где лежали косы. Не спеша начал выбирать, которая половчее. Женщины вызвались помочь. А та, что с ходу «срезала» агрономку, выхватила оселок из берестяной плетенки, принялась точить косу.

— А ну-ка, поглядим, умеет ли?

Женщины наперебой предлагали то одну косу, то другую, но я взял именно ту, которую точила языкастая молодайка. Расчет был точный: бойкая говорунья обернулась доброжелательной советчицей. Она теперь шла сбоку и наставляла, как надо косить. Ничего не скажешь, коса у черноглазой ловкая, хорошо отбита и наточена — так и лезет до плотика. Чувствую, что движения мои неточные, коса прихватывает все кочки-бугорки, дзинькает по песчанику. Нужно остановиться, поправить лезвие, иначе собьешь жало, что называется, «завернешь» весь отбой, и тогда — пиши пропало.

Взмах, еще взмах! Вспоминаю, как учил меня когда-то отец: левую руку надо чуть вывернуть в ладони и поднять повыше, а локоть слегка прижать, правой крепче держать ручку косовища, не шмыгать по ней, а то мозоли кровавые побегут по подушечкам пальцев, корпус тоже должен двигаться в одном ритме с косой...

Чувствую, как десятки глаз жгут мою спину, оценивают каждый взмах: и когда не доходит коса до валка травы, и когда далеко проскакивает. Оглядываюсь на валок — вроде бы ровнее становится, трава ложится плотным рядком. Стараюсь не сбивать дыхания. Но вот до уха

доносится вжиканье косы, это Маша наступает на пятки.

— Захват, хват прибавьте.

Это надо понимать так: «Нечего косу попусту гонять». Нажимаю сильнее, но вскоре выбиваюсь из сил. Взмахнув еще раз-другой, отбрасываю косу прочь и отбегаю в сторону.

— Уф! Совсем загнала. Сдаюсь!

Бабы тут как тут, заступаются за меня.

— И что ты, Машка, разошлась? Нешто можно так? Городскому человеку втянуться надо. А то убежит от нас новый председатель.

Мужики тем временем завершили стог, потянулись к заполоску. У них в руках цветастые кисеты.

— Закури, председатель. А на баб не равняйся, они до смерти могут загнать!

Не спеша свертываю «козью ножку», а заодно угощаю своих собеседников «Беломором».

— Значит, будем знакомы.

— Давай, москонец, познакомимся. А то на собрании и разглядеть толком не успели.

На потрепанном «козле» приехали мы с зональным секретарем райкома партии Николаем Васильевичем Черновым в Старое Раменье. Мужики были у клуба, расселись на лужку, курили, беседовали. Чернов первым выскочил из машины, подошел к колхозникам, поздоровался с каждым за руку. А я, как неприкаянный, торчал около машины и не знал, куда девать себя. Мужики о чем-то спрашивали Чернова, кивали в мою сторону.

— Этот, что ли?

— А что, не нравится?

Колхозники пробавлялись шутками, вроде таких: «А нам что ни поп, все батька». Чернов разделял их веселье, громко хохотал, в мою сто-

рону не обернулся ни разу, а потом скрылся за дверьми клуба. За ним повалили колхозники. Оказывается, в клубе шло открытое партийное собрание. И вот теперь начиналось общее. С порога мне учинили допрос: член ли я партии и с собой ли у меня билет? Я достал красную книжечку, подал в президиум. Председатель собрания, сивый старичок в очках, долго крутил мой партбилет, потом объявил: «Все в порядке, взносы уплачены».

Село Старое Раменье не ахти какое. Стоит в глухомани, среди лесов и болот. До райцентра двадцать верст будет, до ближайшей железнодорожной станции поболее шестидесяти. Водных путей отсюда нет, и речки настоящей поблизости тоже не имеется. Протекает ручеек, да и тот полнится водами только по весне или когда пройдут обильные дожди, а так — пересыхает, одни омутки на утеху ребятишкам остаются.

Во всем Раменье насчитаешь теперь не более шестидесяти домов, а раньше было за сотню. Но дома добротные, все больше старинные, крытые тесом или дранью. Кое у кого под общей крышей с домом вместительные дворы с въездами на сарай, с клетями и подклетями, чистыми, уютными горенками.

Раньше каждое крестьянское хозяйство имело гумно или хотя бы овин с расчищенным током подле. Овины и гумна, срубленные из строевого леса, с деревянными полами, тянулись в строгий ряд, позади огородов. Ныне осталось их на все село не более десяти. Колхозники осенью складывают в них тресту, а мальчишки-сорванцы каждую весну, на беду людям, разводят там костры. Недосмотри только — запольхает гумно. Хлеб молотить в гумнах теперь несподручно,

комбайнами косят и молотят его прямо в поле, а вот сушить зерно на овинах еще до недавнего времени приходилось. Может, поэтому так долго и сохранились в памяти имена и прозвища тех, кто построил эти овины и гумна. То и дело слышишь: «Свези в Хабачев гуменник»; «Брось за овином Дрынушки». Или мальчишки орут: «Бежим к Гундосихе». Кто такие были Гундосиха, Дрынушка, Хабач — никто теперь толком не знает, а вот места, где стояли когда-то их гуменники и овины, запомнились людям.

Основатели Старого Раменья выбрали для села место хоть и посреди болот, но на возвышенности. Дорога сюда трудная, шоферы не любят такие: пока доберешься до перевала — не раз переключишь скорость. Центральный взлобок холма господствует над всей местностью, отсюда хорошо видно окрест: кто куда поехал и откуда с чем возвращается.

С годами лес отступал все дальше и дальше, оставляя густой кустарник вдоль полевых дорог, веером сбегающих по склонам холма. И само село уступами как бы сползает с холма, сверху выглядит в виде креста неправильной формы. Деревянные постройки тесно жмутся друг к дружке, сзади почти к каждой паре домов лепится третий дом — пасынок. Так уж повелось исстари: сыновья селились на усадьбах отцов, и нигде более. Земля вокруг села принадлежала когда-то местному попу, а тот не уступал миру ни пяди.

Вырастали сыновья, женились, строились, делились, ставили свои дома вплитык к родительским гнездам, создавая причудливый ансамбль деревенской застройки. Старшие сыновья, как правило, занимали свободный проулок, младшие пятились в огороды. Правда, теперь от

многих построек и следа не осталось — стало просторнее. А раньше, сказывают старожилы, прямо беда была: негде строиться. Свободных земель за посадками было достаточно, но злобный поп не шел ни на какие уступки.

Старики, которым нынче за восемьдесят, помнят страшный пожар, случившийся в жаркую сенокосную пору. Вернулись селяне с покосов, а на месте Старого Раменья одни угли остались. Народ, что находился дома, скучился на соседнем холме. Долго пребывали раменцы сырыми: все пожрал лютый огонь. Что было на себе, только то и сохранилось. И попово имение не уцелело, выгорело вместе с деревянной церквушкой. Долго кряхтели — строились мужики, много лесу поперевели в те годы, и горя хлебнули предостаточно. Но выдюжили. А отстроившись, так порешили: церковь заложить новую, каменную, а попа выселить вон из Раменья. Поп смирился с таким установлением мирян, не стал перечить сходке — выстроил себе усадьбу в стороне от села, на том самом «пупке», где спасались люди от пожара.

Теперь в поповском доме школа.

Старое Раменье — центральная усадьба: здесь размещаются сельский Совет и правление колхоза. На краю села, в двух домах, приютилась участковая больничка на восемь коек с крохотной родильной палатой. В Раменье есть сельский клуб с библиотекой, магазин, сепараторный и ветеринарный пункты, даже депо пожарное имеется — стоит неражий амбар посреди села, напротив старого кладбища. Крыша на нем решето решетом, но над воротами висит фирменная дощечка «Пожарного общества Елизаровых».

Одним словом, все службы в Раменье есть.

Только собственной конторой правление колхоза пока не разжилось. И хотя артель «Красное знамя» существует более четверти века, немало построек возвела за эти годы, а вот до конторы все как-то руки не доходили. Размещается правление в старом доме бабки Анны. Все чада и домочадцы ее разбрелись по белу свету, восьмидесятилетняя старуха одиноко доживает свой век в старом доме. Она и за уборщицу здесь, и за сторожа при конторе.

Изба Анны просторная, без переборок, если не считать крохотного чуланчика, посредине стоит обширная глинобитная печь, посаженная на деревянную клеть и обнесенная широкими приступками, вдоль стен тянутся крашенные лавки. Всей мебели в доме — два канцелярских стола да старинный шкаф для конторских бумаг. В углу, перед божницей, стоит железный сундук; с божницы иконы давно перенесены в чулан, а вот лампадку старая Анна трогать ни кому не позволяет.

Еще, пожалуй, две примечательности имеются в этом доме. Около двери в самый косячок вколочен огромный барочный гвоздь, на котором накалываются деловые бумаги, присланные из района, а поверх их обычно вешаются конторские счета, когда они не в работе. На передней стене красуются древние часы-ходики, которые обладают странным свойством: сколько ни трогай маятник руками, часы ни с места. Но если кто разозлится и запустит в них шапкой, они издадут веселое «тик-так», поработают на благо общества часок-другой, а то и на весь день разойдутся. Часы, как и их старая хозяйка, доживали свой срок смиренно, учтиво, никому не мешая и не досаждая.

По натуре своей бабка Анна — спокойная,

малоразговорчивая; ни в какие конторские дела не встречается; сидит себе тихо-мирно на приступке возле печки да изредка вздыхает. Никто не видел, когда она готовила что-либо из съестного в своем чуланчике. Утром, когда придут на службу бухгалтер и счетовод, печь у Анны истоплена и все другие дела справлены. Пол подметен, на столах прибрано, бумаги сложены стопкой. Анна аккуратно исполняет свою должность. Иной день в конторе сделается шумно, особенно когда начнет заседать правление. Мужиков набьется полная изба: накурят, начадят, намусорят. Но бабка Анна и к такому скопищу людей относится уважительно: ничто ее, кажется, не огорчает. Она степенно послушает мужицкие речи, что-то заберет в толк, что-то пропустит мимо ушей (и слушает, да не слышит), но когда уж совсем станет не вмоготу — молча поднимется с приступка, начнет креститься на божницу. В заключение тяжело вздохнет и, ни слова не говоря, полезет на лежанку. Иногда это обстоятельство и смутит очередного оратора, особенно если он окажется в том углу, куда кладет свои поклоны бабка Анна. На миг воцарится тишина.

— Ты это кому же поклоны отваливаешь?

Анна не торопясь сотворит последний крест и ответит:

— А ты, Феденька, говори, говори. Я тебя слушаю, не перебиваю.

На печи бабуся долго еще не засыпает — ворочается, кричит, наблюдает за теми, кто говорит, и за теми, кто слушает; иногда громко вздохнет, а то вдруг подаст какое-нибудь указание с верхотуры:

— Ванюшко, подверни фитиль-то. Вишь, чадит.

Бригадир протягивает руку к лампе и тут же шутливо выговаривает Анне:

— Карасин-то казенный, не жалей...

— А ты не рычи люто, вовсе погасишь.

Мужики весело пересмеиваются.

Сидят они всюду: кто за столом, кто на скамеечке за печкой, а кто примостился у порога, прямо на полу. Долгие разговоры о делах, видеть, всем надоедают, а потому нет-нет да и отыщется шутник, чтобы вставить острое словцо для разрядки.

— Ванюшка, чего же с Анной не побалакаешь?

Бригадир, осклабясь, уставится на печь, с минуту смотрит туда. Затем отворачивается дурашливо задирает подбородок и старательно чешет щетинистый кадык:

— Спит бабка Анна. Не трогте ее.

— И вовсе не сплю, а задремала, как брехать перестали.

Мужики теперь гогочут дружнее.

— А все-то ты чуешь, Анна! — раздается от двери.

— Чай, не глухая.

В углу за столом в который раз просыпается заведующий животноводством Федор Антипин. Обычай у него таков: речь скажет и тут же усраивается прикорнуть.

Феденька, как его все величают на селе, мастак и по части речей, и по части сна. Засыпает он мгновенно: на собраниях, заседаниях, во пиру ли, на веселой беседе. Но так же, как засыпает, быстро и встряхивается от дремоты. Правда, встряхнувшись, не всегда входит в нужный лад, чаще попадает впросак. То он до времени встанет, то некстати внесет какую-нибудь кандидатуру, а однажды на собрании проголосовал

за упразднение собственной должности. Был заместителем председателя, а тут с собственного позволения сделался животноводом. Зал гоготал, а Феденька тем временем снова устраивался спать. Только утром он разобрался, что к чему, когда жена указала дорогу не в контору, а на ферму. Феденька из-за этого с ней почти год не разговаривал. А впрочем, не разговаривает он со своей «половиной» и по другой причине. На селе все знают, что Антипи́ха — «чужая» жена. Случилось так, что вез к венцу одну невесту, а привез другую. Уж такой бедун Феденька или, в полном звании, Федор Васильевич Антипин.

Вернулся с гражданской войны удалым молодцом, развеселым «гусаром», шарнем-рубашкой. Загулял, закутил по окрестным селениям, дружков в каждой деревне завел. Ну, и недругов нажил, конечно.

Дружки помогли Федору сыскать черноглазую Катьку из богатого дома, а недруги другое надумали: догнали свадебные санки, Катьку в свою повозку пересадили, а Федору слезливую тихоню Анну-перестарку подсунули. Да еще и пригрозили: «Смотри, мол, дуй до места, не то получишь». Федор по-настоящему опомнился, когда поп обвенчал их с Анной. Так и пришлось заводить в дом «чужую» жену. Не набрался духу сразу признаться родне, что невесту дорогой подменили, Феденька шуще огня боялся позору на людях. А потом вроде стерпелось-слюбилось. Четырех сыновей и дочек вырастили, оженили и замуж выдали. Только много лет спустя, Феденька вспомнил старую свою обиду, закуражился перед Анной, занелюбил и на людях начал оказывать, как живет-мается с «чужой» женой. Но весь этот кураж походил более на старческую

причуду, к тому же Антипиха не больно-то и считалась с мужем.

По этой причине Федор Васильевич никогда не спешил домой. Вот и сейчас, заседание окончилось, весь народ разошелся по домам, а Феденька храпит себе в углу за столом, ничем-то его теперь не поднять, не растревожить. Умаялся в долгих речах, наговорился. Он и во сне продолжает высказываться. Бабка Анна в таком разе обязательно подаст свой голос с печи для поддержания полемики. Она знает, что без «полемики» Феденька немного наговорит, чего доброго вскочит и побежит. И тогда — вставай, закрывай за ним дверь. «Нет уж, — думает Анна, — пусть Феденька беседует до зари». Вдвоем-то все веселее коротать ночь...

...Однажды поздним вечером возвращался я в село. За плечами болтались пустая котомка и отяжелевшая двустволка. Не на охоту я ходил, а просто захотелось обойти границы своего колхоза, сверить с картой контуры земельных угодий, определить в натуре размеры хозяйства.

Это занятие сначала веселило меня — я постигал какую-то мудрую истину, знакомился воочию с полями, лугами, лесами, физически ощущал их размеры. К обеду приморился, сел перекурить. Подкрепился немного и пошел дальше. Половину пути не прошел, как почувствовал, что к вечеру домой не попасть. Поворачивать обратно тоже было поздно — далеко забрел. Лес начал шуметь, поверху гулял ветер. С Якшинского хутора решил махнуть напрямик. Но заблудился, зашел в такую чащобу, думал — не выбраться. Однако выручила холмистая местность. Только добрался до высокого обрыва, сразу увидел вдали кудрявые тополя и купол раменской церкви.

Выбрав нужное направление, вскоре вышел к поскотине. А от нее — дорога знакомая. Взбодрился и веселее потопал домой. Все село спит, только в клубе мерцает тусклый огонек. Дай, думаю, зайду, погляжу, чего там. В сумраке, при закоптелой лампе, веселится молодежь. «Веселится» — пожалуй, не то слово. Ребята и девчата «мыкают свое горе». Разыгрывают старинное «горе» — род вологодских посиделок, на которых странным образом выбираются женихи и невесты. Какой-нибудь подгулявший парень идет в темную комнату и через распорядителя вытребуется к себе сударушку. Та рьяно отбивается, но под смех и улюлюканье ее вталкивают в чулан. Дверь подпирается кочергой, и дроля с сударушкой остаются наедине. Через час-другой распорядитель наведывается к ним. Если у молодых все слажено — быть свадьбе на селе.

Я предложил в тот вечер молодежи сменить «горе» на художественную самодеятельность. Девушки первыми поддержали меня.

...Зимой нашу самодеятельность пригласили на районный фестиваль.

Мы усердно готовились к районному смотру. В клуб к нам как-то заглянул Николай Васильевич Чернов. Посмотрел, похвалил. Он же машины выделил из МТС для поездки артистов в город. Ребята украсили те машины плакатами и флажками. С песнями тронулись в путь. Только уехали недалеко. Разбушевалась в дороге метель, машины застряли. Чернов выслал вслед трактор, подцепили обе машины и волоком потянули их в Ергу. Километров на двадцать за день продвинулись. А до города еще сорок. К вечеру выбрали машины на большак, рванули на всех скоростях... Да не тут-то было.

Видать, беда в одиночку не ходит. У переднего «студера» от натуги оборвался кардан. Половина наших артистов умчалась в город, а другая часть — на перекладных добиралась всю ночь. Расстроились — опоздаем на фестиваль. Но колхозные ребята проявили рыцарство, в дороге ни одной девчонки не потеряли. Носы и щеки тоже не обморозили. В полном составе раменская капелла собралась у городских ворот, выстроилась колонной и с песнями двинулась к Дому культуры. Фестиваль только начинался. Отважные путешественники с таким подъемом пели и плясали на городской сцене, что вконец растроганное жюри присудило им первое место и звание лауреатов...

Чернов горячо бил в ладоши, а под конец зычно распорядился: «В колонну по четыре, становись! В столовую шаго-ом... арш!»

Эх вы, годы молодые! Лихие, безоглядные, смешные, беззаботные. Разве затынешь сейчас в клуб плясать или петь?! Житейские заботы одолели, тяжести навалились на плечи. А в молодости — просто все получалось. Снялся и поехал. Хотя бы в деревню! Прихватил с собой и девушку бедовую из города. Если любишь, зачем ее оставлять другому?!

...Может, девушка и не только за тобой, чудакон, поехала, но и за цветочками потянулась в северные края. Ей, городской, все казалось — в деревне кущи райские и уж, конечно, цветов невпроворот. А ты ее в горячее пекло сунул. Второпях сам учился крестьянствовать и ее заставлял полоть, косить, вязать. Она же ничего этого не умела: то резала руки, то колола себе лицо. Плакала, а ты, бесчувственный, смеялся. Днями пропадал в полях, уезжал надолго в район, в МТС, заседал там. Однажды позвонили в

МТС: «Жену увезли в роддом». И тогда не сразу догадался: что, почему? А потом вскочил в седло и гнал галопом лошадь. В лесу заметил куст красной малины, выбрал ветвь самой спелой, самой крупной ягоды и с ним ввалился в больницу. Фельдшерица не пустила в палату, позвала в кабинет и отчитала:

— Елова голова, ты чего думаешь?

— А чего?!

— Дочь родилась, на чью фамилию записывать прикажешь?

Стоял, словно громом пораженный. Истинно, елова голова! Смех и грех — позабыл расписаться с женой, как-то недосуг все было!..

Маша-агроном

Машу Земцову определили на постой к вдовой тетке Арине. Одинокая, она, поди, и не помнит того, когда у нее были муж, ребята, двор, полный скотины. Давно уже Аринино подворье опустело. Вон и проулок зарос крапивой, здесь даже куры не бродят. Одну корову только и держит в хлеву. Остальное быльем поросло.

Домик Арины на краю села. Он и раньше стоял словно на отшибе, а теперь, опустевший, будто бы еще дальше отодвинулся на поле, совсем отгородился, потонул в высокой заросли бурьяна. Подслеповатые окошки сиротливо глядятся в огороды, а на дорогу, до самой проезжей колени, выпирает угол придворка. Когда-то и у Арины был большой двор, потом хозяйство начало рушиться. Сперва Арина продала дом, а затем и двора лишилась, осталась зимовка. Немного спустя, видать, одумалась, наняла мужи-

ков и на месте летней избы соорудила придворок неказистый — две стены бревенчатые, третья тесом забрана. И вышел у вдовы дом двором на улицу, окнами в огород. Но Арина о том не больно тужила. Жизнь ее, тихая, незаметная, текла да текла своим чередом. Поутру, как обычно, сюда приходил бригадир Ванюшка, стучал в калитку, иногда добирался до крайнего окошка. Арина заполошно мелькала перед окном, отвечала на стук:

— Ужо чую. Куда наряд-то?

— На овины, Ариша.

Ванюшка посылал ее и в поле снопы вязать, и леш теревить, посылал на луга — сгребать, копнить сено. Арина ни от какой работы не отказывалась. Бригадир она не задабривала — ни сусла, ни пива деревенского в доме не держала. Строгая была Арина, потачек никому не давала.

И вот теперь к ней поставлена агрономка. Та не поглядела, что дом такой. В первый же день схватила старый косарь, потюкала, как это делают мужики, отбойным молотком по ржавому лезвию, поплевала на ладони и давай косой махать, окашивать бурьян-крапиву. Арина только руками всплеснула:

— Экая ты прыткая, девонька!

Она полюбовалась Машиной работой, а потом ласково пригласила девушку в дом:

— Убог, да что ж... В комнатах у меня чисто.

И правда, хотя внешне домик Арины убог и крив, внутри он выглядит вполне пригожим, уютным. Ничего, что в сенях старые, разошедшиеся доски гулко разговаривают под ногами. В избе, в двух небольших комнатах, разделенных легкой переборкой, пол плотный, чистый.

Доски, вышарканные ногами, отдают блеском, с желтым отливом, словно навощенные. В проходах от самой двери настланы домотканые дорожки. В одной из комнат, что поменьше, стоит комод с зеркалом, у стены, ближе к окошку, деревянная кровать с пуховой горкой цветастых подушек.

— Это будет твоя.

— Ох, как весело! — только и сказала Маша. Она наскоро оглядела стены, потолок, вышла в другую комнату, более просторную. — А эта твоя, тетя Арина?

— Зачем моя? Общая. — Арина отступила чуть в сторону и показала на печь. — Больше там нахожусь.

Маша только теперь разглядела третий закуток, называемый чуланом. Тесно в нем. У самого устья печи стоит лохань, на лавке самовар, чугуны, горшки, а к задней стене приделан небольшой лежачок, отгороженный от кухни ситцевой занавеской.

— Тут моя пристань, — говорит Арина. — Как встану, так к печке сразу.

* * *

С утра и до позднего вечера новая жиличка пропадала в поле. В колхозе до Маши Земцовой не было агронома. Может, поэтому люди сперва к пей отнеслись равнодушно, всерьез, кажется, не приняли. А бригадиры, так те определенно заявили, что агроном в их деле только помеха. Колхозники и подавно судачили так и сяк, большей частью уповая на то, что «был бы дождь да гром, не нужен и агроном».

Все эти толки тетка Арина приносила с поля, нехотя выкладывала их перед девушкой, и каж-

дый раз была готова выслушать ее возражения. Но та, кажется, и не собиралась возражать, по простоте своей отмахивалась от докучливых деревенских пересудов. И тут же хваталась за какую-нибудь домашнюю работу.

— Пустое, тетя Арина. Пойдем в огород.

Арина слегка злилась на беспечность Маши, в душе прозила ее «больше не заступаться», но вскоре забывала свои угрозы, видя, как та заботливо охаживает грядки. «Ловкая, ничего не скажешь, — отмечала Арина. — Намедни косить с собой взяла. Да где старухе за молодой угнаться: раз коснет — на полшага вперед уходит». Арина и сама была ловка косить, в молодости никому первого места не уступала. Но Машины достоинства сразу оценила: «Эта похлеще меня будет». Может, потому так горячо и заступалась она за молодого агронома.

...Профессия агронома не случайно досталась Маше, она еще в школе мечтала об этом. Ждала своего дня, когда окончит семилетку и поступит в сельскохозяйственный техникум. И вот годы учебы позади, у нее диплом агронома. Маша любила поле и любила смотреть, как поднимаются всходы, зацветает рожь. Весной ей непременно надо было первой исходить каждую загонокку, прежде чем трактористы выедут из села и начнут прокладывать свежие борозды. Готовясь к севу, она придирчиво осматривала все свое хозяйство: еще перед работой внимательно проследит за тем, хорошо ли отлажены у механизаторов плуги, культиваторы, сеялки. Иной раз сама сядет за прицепщика или начнет управлять сеялкой. Молодые трактористы попробовали было отделяться шуткой от назойливого агронома. Но где там! Маша быстро приструнила ребят.

— Лучше с ней не связываться... — решили механизаторы.

Особенно их поразил случай, когда Маша турнула задиристого Ваньшу из кабины и сама уселась за рычаги.

— Ты чего это делаешь? — испугался тот.

— А ничего. Хочу показать тебе, как надо пахать.

И показала. Парень только рот раскрыл от удивления. В обед около вагончика ребята устроили потеху над незадачливым упрямцем.

Агроном заботилась не только о хлебе. И на фермы к животноводам часто заглядывала. Феденька долго косился на нее, считая, что та лезет не в свои дела, только авторитет заведующего подрывает. Но незаметно смирился с этим, стал выведывать у Земцовой насчет массажей и всяких кормовых рационов. Земцова охотно рассказывала все, что знала, но Федор Васильевич мало усваивал из «ученого рассказа». Наконец и вовсе махнул рукой:

— Ладно, знаем мы эти дрючки. Ты нам кормов побольше заготовляй.

А в животноводстве дела все не клеились. В Лаптеве доярки по бревнам, набросанным в проходе, добирались к коровам. Маша как-то затащила и меня поглядеть на беду доярок. Но я ничего толкового не придумал, распорядился только двор заколотить, а коров не впускать, пока не отремонтируют. Бригадир прямо за голову схватился:

— Да как же я отремонтирую? У меня людей сейчас и в поле не хватает.

— А вот так! — отрубил я. — Думай, голова.

Маша не давала покоя ни бригадиру, ни мне. Что ни донь, пристаёт:

— Надо бы поскорее отремонтировать.

— Надо! — злюсь я. — Сам знаю, что надо.
Но как?

— Собрать бы людей.

— Ну, вот что. Собирайте-ка молодежь в клубе. Приду поговорить.

Вечером молодежь сошлась в клубе. Поглядел я на горстку девчонок, невесело вздохнул:

— Это все тут?

— Все! — задорно выкрикнула толстушка с длинной косой. — Только ребята не с нами.

— А где же они?

— В Тюшкове. Гулять ушли.

— Ну что ж... Коли ребята вас не любят, — пошутил я, — давайте утрем им нос.

— А как? — поинтересовались девчата.

— Просто. Завтра возьмем лопаты и выйдем на воскресник. Будем копать канавы у лаптевского двора, чтобы осушить его перед ремонтом.

Девчата от неожиданности рассмеялись. Но наутро все пришли.

— В поход, девушки? — вместо приветствия спросил я.

— В поход! — за всех ответила толстушка Аня.

— Тогда «на плечо!» и запевай.

«А ну-ка, девушки, а ну, красавицы...» — грянула песня. Задорные голоса взбудоражили село.

«В такую рань, с чего бы это?» — спрашивали колхозники.

Отряд вышел за околицу и потопал по лаптевской дороге...

Канавы рыли три дня кряду. Работали весело, с шутками, иногда садились отдыхать и, чтоб стряхнуть усталость, пели песни. Ко двору

часто наведывался бригадир, сокрушенно качал головой и, расстроенный, уходил в деревню. На третий день сюда заглянули четыре старика.

— Бог в помощь!

— Не очень-то он нам помогает, — буркнул я, не разгибаясь.

Старики почесали затылки, ничего не ответили. А потом сходили домой, принесли ломы, топоры, пилы.

— Чего вам, деды?

— Да вот, ремонтом думаем заняться.

Улыбнулся я, вылез из канавы, начал угощать стариков папиросами. Потом подошли и другие колхозники.

К осени двор в Лаптеве был отремонтирован.

— Молодец, Земцова, — похвалили Машу на заседании правления.

Арина теперь вовсе души не чаяла в своей жиличке. Для нее Маруся — свет в окне. Особенно полюбила Машу после «льняных» звеньев.

Дело это началось с прошлого лета. Однажды бабы забастовали на льне и вытребовали меня в поле. Пришел.

— В чем дело?

— Не хотим даром работать. Пошто нам трудодни, — деньги подавай!

Они слышали, что соседние колхозы установили дополнительную оплату в «твердых» рублях.

— Ну что ж, — пообещал я, — полтину за сотку до нормы и рубль — за сверхплановую. Идет? — Для убедительности еще прибавил: — Рассчитываться будем каждую пятидневку.

Земцова рядом стояла. Обрадовалась от таких слов и пошла винтить баб. Всех старых и малых в поле увлекла.

Первые две пятидневки правление колхоза рассчитывалось прямо в поле. Бригадир замерял сотки, бухгалтер заносил данные в ведомость, начислял деньги. Воспрянули люди духом. Навалились на лен. Но на третью пятидневку денег в кассе не оказалось. Я на коня — и в район.

— Давайте ссуду, не то бабы совсем изверятся, бросят лен.

— Нет, — говорят в банке, — под лен ссуды не даем.

— А на что даете?

— Вот если коров надумаете прикупить. Новый двор начнете строить...

Плюнул с горя, пошел несолоно хлебавши. На улице неожиданно столкнулся с редактором районной газеты.

— Привет молодому организатору! Как дела?

— Думаю, где бы коров прикупить.

Редактор оживился:

— Ты это всерьез?! Вчера был такой разговор. Почин бы организовать!

— Ну вот и организуй!

Наутро вышла газета с передовой статьей, набранной крупным шрифтом: «Почин колхоза «Красное знамя». А к вечеру ссуда была получена.

Лен в ту осень колхозники быстро вытеребили, околотили, разостлали. И государству вовремя сдали. Взяли хорошую выручку, зимой ссуду вернули банку. Но в райкоме дознались, куда она была потрачена. Досталось и мне, и редактору за скороспелый почин.

На следующий год в колхозе опять начали задумываться насчет денег для авансирования.

— Нет, — сказал я, — со ссудой теперь ничего не получится.

— Как же быть? — всполошились правленцы.

Земцова как бы невзначай предложила:

— Давайте лен разделим по семьям. Организуем мелкие звенья.

— И что?

— Денег наперед не потребуется. Положим звеньям — треть выручки за труд, в конце года.

— Дело, пожалуй!

Так и постановили.

Маша взялась сколачивать звенья, делить в поле лен. Дело оказалось не таким простым, как сразу виделось. Большая семья — это, конечно, звено. Тут и мужские и женские руки есть. А как быть одиночкам? Их на селе немало, их не обойдешь, сил не хватит без них. Тут-то и пришла на помощь Арина. Она всех старушек и вдов склотила в одну группу, сама за звеньевую среди них стала. Ударное по всем статьям звено получилось! И когда настало время производить расчет, Аринины «пионерки» больше всех получили. У кого десять рублей за льняной трудодень, у кого двенадцать вышло, звено Арины выгнало по восемнадцать.

— Девоньки! — радовалась Арина. — Куда же девать будем такие деньги?

Машу «девоньки» готовы были на руках носить.

Что и говорить, боевой попался агроном!

...И в клубе Маша начала верховодить. Сперва озорников, шалопаев всяких к рукам прибрала.

Как-то под Новый год решили комсомольцы устроить елку в клубе. Вечером завели игры, танцы. Но вот пришли ребята из соседних дере-

вень. Один малый начал вдруг выкомариваться, приставать к девчонкам. Раменские ребята попробовали было уговорить его. Куда там! Выхватил ножик, давай им размахивать. Маша не растерялась: подошла к парню, отобрала нож, вывела на крыльцо и при всей публике поддала коленкой — тот кубарем покатился со ступенек.

...Остра на язык, режет правду-матку в глаза Бедовая, да и только! То одного, то другого распояшет. Взять того же Федора Васильевича. Как-никак ходил долгие годы в председателях, а теперь вот заведует животноводством в колхозе. Персональное седло и лошадь по штату положены. А Маша как-то срезала Феденьку под самый корень:

— Зачем ему седло? Пахнет, опять потеряет.

Был такой прех с Антипиным. Хохоцут мужики. Выступает на правлении Феденька, про свиноводство речь заводит. А Маша реплику вслед:

— И чего расхвастался? Заморил свиней-то. Держит их на запоре!

Федор Васильевич прямо балдеет от такого замечания:

— Да ты что такое говоришь, Земцова! В своем ли уме?

Пошли члены правления, проверили. Свиньи действительно оказались в плачевном состоянии. Три свиноматки хрюкать устали, только жалобно повизгивали в углу свинарника, а взъерошенный хряк еще буйствовал, пытался пяточком поддеть и сорвать дверь с петель. Федор Васильевич осрамился окончательно, когда при входе в свинарник был сбит голодным хряком, рвнувшимся на свободу.

— Вот! — не то возмущался, не то гордился потом Федор. — Сразу признал. Ишь как набросился!

Но не только строгостью взяла Земцова. Люди видели, как девушка радеет о колхозном добре. Всегда расторопна и старательна в делах. И года не проработала, а на участке, где Маша приняла «крещение», выросла рожь всем на диво. Стеной стоит: соломой и колосом взяла. Вот что значит правильно вспахать, вовремя внести навоз, хорошо заделать семена. А поле-то не самое лучшее, каменистое. Где плуг не брал, Земцова заставила вдоль и поперек пройти тяжелой дисковой бороной.

Правда, к лету другая беда настигла. Вышел комбайн убирать — не может одолеть высокий хлеб. Рожь плотная, и камни мешают — остаются огрехи. Земцова комбайнера прогнала. А когда он пожаловался мне, начала горячо доказывать:

— Ведь наполовину оставляет! Нельзя убирать комбайном.

— А чем же?

— Косить надо вручную.

Я сердито глянул на агронома:

— Ты думаешь, о чем говоришь-то?!

Сел на коня и укатил в деревню. Но вечером Маша зашла в контору, опять принялась за свое:

— Давайте попробуем.

Я и на этот раз вскипел:

— Где же я тебе столько людей возьму?! Сенокос еще не закончился, а тут лен поспевет. Нет, не сделать...

Земцова притихла, помолчала чуток, а потом несмело предложила:

— Может, список составим?

Я взял список первой бригады, приписал внизу всех конторских, служащих сельсовета, в завершение включил фамилию агронома и свою поставил, потом разделил гектары на общее количество людей, повертел листок в руках:

— А что? Может быть, испробуем. Как?

— Сколько получается? — поинтересовалась Земцова.

— По шестьдесят — семьдесят соток. Не больше. Если все выйдут, конечно.

Маша обрадовалась, побежала по домам уговаривать людей, начала горячо доказывать, что рожь никак нельзя оставлять в поле, надо убрать вручную. К вечеру на двери магазина комсомольцы вывесили список. А рядом еще «молнию» прикололи.

Наутро я встал пораньше, взял косу, зашел за бригадиром. Мы условились выйти первыми. Но когда дошли до поля, Земцова была уже там, всю махала косой.

— Эк, шустрая, — засмеялся Ванюшка.

Я поплевал на ладони и встал рядом. А потом горбатенький Володимирка пригасился и старуху свою с собой привел. У той в руках серп.

— А эту старинушку зачем? — спросил я.

— Сойдет, — буркнул сзади бригадир.

К восходу солнца вся деревня была в поле. Запестрели по кособору золотистые валки. А потом бабы начали вязать снопы и ставить суслоны.

Ванюшка постоял, поглядел на рядки и суслоны, вытер пот со лба, улыбнулся:

— Ишь ты, агрономша, чего удумала!

А подсчитали: вышло по двадцать два центнера на круг. Вот тебе и «дождь да гром»!

Ванюшка

Еще третьи петухи на дворе не пропели, а бригадир на ногах... То ли паряд собрался давать, то ли просто по селу бродит: приглядывается, принохивается. Скорей всего — второе.

— Эх-ма, — бормочет бригадир, — поправить бы голову, а там и к блинам можно податься. — Он вспомнил, что сегодня суббота, а по субботам Санюшка обычно печет блины или оладьи.

Санюшка — жена бригадира. Тихая, болезненная женщина, она в мужнины дела не лезет, но за домом следит исправно. Встанет чуть свет, воды натаскает, дров наносит, затопит печь, чугуны поставит. А потом бежит в огород — там у нее целое хозяйство: грядки прополоть, частокол поправить, между обкосить. Ванюшка ни в чем ей не помощник, у него свои, бригадирские заботы. Да бражничать по вечерам — это тоже его дело. Нынче мужикам вольная воля на селе, а бригадиру и подавно. Хотя как тут сказать, это с какой стороны поглядеть. Разве ж мужики в том виноваты, что их мало осталось? Вот и поднялась цена на мужские руки. Дров из лесу привезти, хлев починить, забор подправить у вдовы. А кто старикам нынче поможет, скажем, огород вспахать? Везде нужны крепкие мужицкие руки, а их нехватка.

Бабы знают, что бригадира ни в каком деле не минуешь: лошадь ли выпросить, человека какого от колхозной работы отговорить. И за все это ставь угощение. Нынче за деньги, пожалуй, не скоро докличешь себе помощников. Ведь деньги брать соседу-мужику и неудобно, особенно со старушки. А вот ейной настоечки или там бражчонки какой испробовать — можно.

Иной день Ванюшка таким образом вчистую «науважается», вдоволь наберется и настоечки, и бражоночки, и всякого другого зелья. К вечеру, глядишь, уже гармошка в его руках объявилась. Кто ее сунет — сам леший того не знает, но Ванюшку это нимало не заботит, знай бредет по селу с чувством исполненного долга, пошатывается важно, разводит мехи:

Правит домом Санюшка,
Бригадирит Ванюшка!..

«Ванюшка-Санюшка» — это затаенный ответ на критику по части бригадирской жены, что она сидит дома. Но такая прибаутка нужна бригадиру только для настройки, для разминки, пока на ум не взбредет другой какой мотив. Вот мехи гармошки круто вспузырились, пальцы быстрее забегали по клавишам, басы всхлипнули, а протяжный надтреснутый голос певца начинает выправляться, выводить что-то бойкое:

Простокиши не хлебают,
На сметану не глядит...

Петь бы так и петь, услаждая раздобревшую душу, но, откуда ни возьмись, идет навстречу новый председатель. Ванюшка сжимает мехи, направляет ремень на плече.

— Гуляешь, бригадир?

Ванюшка мычит, топчется в одном валенке, пытается спрятать босую ногу. То в сторону ее отставит, то позади валенка устроит.

— Валенок-то где потерял?

Ванюшка ухмыляется: он рад, что разговор переходит на вполне понятную тему, можно теперь не переставлять проклятую ногу. Он морщит лоб, задумывается.

— А его и не было!

Однако председателя не интересуется валенок, он, кажется, забыл про него, а круто поворачивает разговор на другое:

— Пить или работать будем?

Ванюшка вмиг меняется в лице. «Работать» — это тема важная. С каждым встречным и поперечным бригадир рассуждает:

— Жить, ой как трудно. А жить-то надо!

Жить — значит работать. Это само собою разумеется у Ванюшки. И хотя председатель застал его нынче вовсе не за работой, бригадир вполне это соображает, поговорить о делах он считает не лишним.

— Все сделаем, председатель. Ты не расстраивайся, все сделаем.

— Ну-ну, — отвечает председатель, опять покосившись на валенок, — сделаешь вот с такими. — И уходит.

Из переулка с пустым ведром показалась Клавдя. Она стоит с минуту молча и ждет, пока я отойду подальше, затем советует Ванюшке:

— Не рычи ты больно, Алексеич.

Бригадир оборачивается, видит сперва ведро, а потом и всю Клавдю, поправляет ремень, растягивает гармошку:

Председателю по шее,
Бригадиру по спине...

Он делает подобие выходки, но только неловко переступает, запинаясь, с ноги на ногу:

Бригадиру по спине,
Не дал лошади mine...

Гармонь быстро смолкает и, всхлипнув, ле-

тит в бурьян. Ее потом долго отыскивает бригадир.

...Философия обыкновенного селянина проста: «Пить-то оно и не грех, если уметь вовремя остановиться».

И Ванюшке вскоре приходит такое на ум. Вскакивает он тогда рано-ранехонько, наскоро завтракает и бежит на работу. Санюшка в такие минуты прямо радеет вокруг стола: подает оладьи, яйца всмятку, ставит кринку молока. Муж торопливо ест, все время трет щетинистый кадык и поминутно повторяет любимшуюся фразу:

— Все, матка. Баста! Работать будем.

Это означает, что с питьем покончено. Теперь держись мужики, бабы, ребятня. Через минуту-другую Ванюшка возьмет гармонь, но повернет ее, как говорится, другим концом. И, может быть, опять позабудет надеть валенок, но это ничего, он выйдет давать наряды.

Наряда, собственно, никакого и не будет. Но люди сразу почувствуют, что гармонь нынче «не так играет». Бегут бабы, ребятинки, покрякивают мужики да ладят скорей телеги в поход. Гурьбой высыпает на дорогу сельский люд. Ванюшка видит и не видит все это, разводит мехи и для пущей важности подает отрывистые команды:

— Косу возьми.

— А ты — вилы!

— Колесо потерял?! У Мити-пекаря в прикалитке.

Иногда остановится против какого дома, смачно поплюется на дорогу и протопает дальше. Вот и весь бригадирский наряд. Но люди понимают Ванюшку с полуслова. Пройдет тот по селу из конца в конец, и вот уже на обрат-

ном пути гармоньего пиликанья выстраиваются за его спиной бабы с граблями, ребятишки с вилами, а вслед толпе выкатываются из переулков ездовые на телегах, пристраиваются с лошадьми и повозками в хвост пестрой людской веренице. Шумный говорок, конский топот, скрип телег.

Но Ванюшку, кажется ничто не занимает. Он вышагивает гордо по деревне, не оборачиваясь и не заботясь о том, как это все идет и движется. Нестройная колонна вытягивается за околицу села, вымеивается по пыльной полевой дороге и медленно уползает на луга.

...Луг с раннего утра оглашается звонким многоголосьем. На чистой поляне людей нигде не видно, только лошади стоят подле кустов, похрумкивают сочную траву, специально для них накошенную. А рядом, у другого куста, сложены пестрые узелки, косы, грабли, вилы. Стар и млад разбрелись теперь по мелким лывинкам, устремились вниз, к ручейку, где трава растет погуще. Косцы тихо переговариваются между собой, вжикают косами, иногда приглушенное вжиканье перемежается звонким дзиньканьем металла, когда точильная лопатка прытко ходит по лезвию. Зоревое утро далеко разносит голоса людей и звон кос. То и дело в тихий, размеренный трудовой ритм вплетается зычный окрик или тягучее ауканье.

— Ау-у!.. Нюшка, подь сюда!

Ванюшка тоже где-то ходит с косой. Ни в паре, ни в группе его не увидишь, он находит лывинки покочковатее, куда косить никто не заходит, высматривает затянутые мелким ивняком участки, выкашивает их начисто, не жалеет косу. Работает он напористо, без роздыху. Вот где-то, уж слышно, мужики остановились поку-

рить, бабы с ребяташками — позалоговать, а бригадир все шаркает и шаркает косою, там и сям вжикает напористо да бурчит что-то себе под нос. Это для того, чтобы бригадира все время чуяли люди, что он ни в коем случае не спрятался, не ушел, а находится тут, на лугах, при народе. Люди, конечно, чуют и знают.

С обеда в соседнем урочище будут метать стога. И тогда бригадир возьмет себе самую длинную рогатину, начнет ею поддевать по две копны кряду, подавать сено на самую большую верхотуру. Вершить стога — его удел.

— Ванюшка, перекури! — слышатся голоса с поляны. Это бабы подают сигнал бригадиру, чтобы тот передохнул, позалоговал. Но Ванюшка не сразу отзывается. Он только крикнет в ответ, да пуще навалится на косу. Еще не раз крикнут бабы, и еще не раз крикнет бригадир. А потом затрещат кусты, и Ванюшка, будто лешак какой, шумно выволочется на залогу. Весь распаренный, красный как рак, только крупные капли пота блестят на мясистом носу и сочных губах, застряли в рыжей бороде, видны в каждой складке одрябшей длинной шеи.

— Уф, парко. Не к дождю ли?

Он стоит весь на виду, не прячет от людей своего потного лица.

— Пошто к дождю? — ехидно замечают бабы. — Это хмель из тебя выходит! — Мужики в стороне тихо посмеиваются. Ванюшка будто не слышит смеха, мирно беседует с бабами.

— Можя и так, — соглашается он.

Свертывает большую сигарку, долго набивает табаком, мусолит тонкий конец, чиркает спичку, старательно раскуривает.

— А мужики куда подались? — Будто не чуёт позади себя мужиков. Бабы понимают шутку, поддерживают.

— Там... — показывает неопределенно Клавдия. Веселая Нюшка понимающе хихикает.

Те, довольные, хохочут. А первый Ванюшка, не оборачиваясь, тоже хохочет, не громко, с участием.

— Бражчонки не захватили, а, бабы? — не то спрашивает, не то выговаривает он женщинам. Несколько голосов сердито отвечают:

— Да будет вам, окаянные. Попили...

Бригадир знает, что это замечание в первую очередь касается его самого, а потому больше не заводит речи о браге. Он шамкает сочными губами, трогает щетину на кадыке.

Позади мужики уже встали, начали направлять косы. Кто-то пробует заточку, водит слегка косою по траве. И вот кончена залога. Ванюшка бросает последний взгляд на женщин и отходит к мужикам:

— Еще одна залога, и — метать, ребята.

И опять луга оглашаются веселым гомоном сенокосной страды...

...Мечут стога с обеда. Иногда начинают и раньше, если на небе ни облачка и солнце привлекает с самого утра. Бабы оставляют косы и берутся за грабли; мужики, ребяташки, кои по-взрослее или поудалее, принимаются сволакивать копны, ставить стожары, рубить пашенник на остожья. С час ведутся разные подготовительные работы. Вот и стожары поставлены, и остожья приготовлены, запасные черенки для вил понаделаны и копен плотным кольцом изрядно понаставлено. Можно теперь приниматься за главное дело. И тут без Ванюшки никто его не начинает. Старый горбатенький Володимир-

ка встанет у стожара, потопчется на вицах, крикнет бригадиру:

— Почнем?

Ванюшка поплюет на ладони, крепко ухватится за навильник, проткнет им копну, приподнимет, нанижет вторую, снова приподнимет, словно убедится, каковы копны на вес, и ухнет к ногам Володимирка целый сенной наволоок. Потом уж, вслед за бригадиром, начнут поддевать копны и другие мужики. Ванюшка для такого дела подбирает в свою команду сильных, ловких людей, жадных до работы. Красивое это зрелище — метать стога, если, конечно, глядеть со стороны. Ванюшка то и дело крякает, гукает, кричит на ребят, сволакивающих копны, чтоб те попевали; иногда он приказывает двум-трем мужикам одновременно поддеть на вилы крупную подачу, зычно кричит «раз-два, взяли» — и вот уже высоко над головой взметывается огромная шапка сена. Мелкая труха обильно сыплется из той «шапки», набивается за ворот, лезет в глаза, залитые потом, застревают в волосах. Ванюшка заражает всех своей лихостью. Пот градом катится с его лица, спина взмокла, рубаха до самого пояса прилипла к телу, потемнела, а он все суетится, кричит, гукает. И на баб изредка поглядывает:

— Бабы! А ну не отставай!

Те ходчее забегают с ношами, бросятся сгребать валки, кучить сено. Ребятишки прямо визжат от такой веселой суетни — диво... на глазах, как грибы, вырастают стога.

— Ленька! — крикнет бригадир иному шалуну вдаль. — А ну, беги, дядю Володю смени. — Это когда стог почти завершен и Володимирке не устоять на зыбкой верхотуре. Ленька карабкается на кресло телеги; ласточкой обни-

мает приставленную жердь и лезет на стог. А Володимирка тем временем по вожжам спускается на противоположную сторону. Он отдаляется от стога и придирчиво оценивает свою работу:

— Хорош! Прямо стоит.

Ванюшка с телеги подает последние охапки, завершает стог. Это уж их с Ленькой задача — положить на вершине сплетенные крест-накрест вицы, словно поставить там свою роспись.

...К вечеру все Ванюшкино войско отправляется домой. Собирается оно на большой поляне: грузит на телеги грабли, вилы, косы, узлы; ездовыми назначаются ребятишки, что помоложе, а взрослые — мужики, бабы, девчата, ребята — отправляются налегке вслед за обозом. Ванюшка на телегу тоже не садится, хотя на войне у него перебиты обе ступни. Он отыскивает под кустом свою гармонь, вроде бы с неохотой натягивает ремень на натруженное плечо, ремень тут же сползает до локтя, и тогда бригадир, опустив руки, держит гармонь на весу, чуть пониже пояса. Пиликнув раза два, он выходит вперед колонны, становится во главе ее. Ванюшкино войско знает этот порядок. И как бы кто ни спешил на село, покинуть строй до срока все равно не может. Бригадный устав на то строгий. Ванюшка, подобрав мотив веселой песни, отдает команду:

— А ну, запевай!

...И все-таки слабость к спиртному подвела его крепко. Как-то поехал он в район на совещание, но вместо зала заседания угодил в милицию. А дело такое приключилось. Захотелось выпить добру молодцу, но денег при себе не оказалось. Стал просить у знакомой продавщицы в долг. Та возьми и откажи. Ванюшка, не

долго думая, ухватился за нижний венец ларька, приподнял угол питейного заведения, потряс для общей потехи, а в завершение повернул зеленую будку окошком к забору. «Закрыл» всю торговлю в ней.

Но руководители торговли не разделили общего восторга, пожаловались на такое вероломство. Пришлось Ванюшке на пятнадцать суток задержаться в райцентре, подметать деревянные тротуары. Собралось правление колхоза, стало обсуждать бригадира. Думали постыдить на людях, да на этом и поставить точку. Но Земцова вдруг не выдержала:

— А чего мы его уговариваем как маленького? Надо снять с бригадиров!

Правленцы так и ахнули: «Как, Ванюшку снять?! А кто бригадой будет руководить?»

— Найдутся люди! — не сдавалась Земцова. — Предлагаю конюха Анатолия Цветкова поставить.

Пришлось мне поддержать агронома. Ванюшка недобро ухмыльнулся, схватил шапку и хлопнул дверью. Он уверен был, что правленцы еще придут к нему, поклонятся.

Наутро новый бригадир спасовал, не вышел на наряд. Я вызвал Земцову:

— Ну как теперь быть?

Маша не знала, что ответить.

— Ты вот что, — беги, наряд пока дай, а я пойду поговорю с Цветковым.

На следующий день Цветков приступил к бригадирству. «Ну и ну, — удивлялись колхозники, — слыхано ли дело, до самого Ванюшки добрались». А Ванюшка, по натуре человек не злопамятный, быстро смирился с новым положением. Взял топор и пошел в плотницкую бригаду строить новый скотный двор.

Ланчик, ленчик, долото

Неведомо отчего, этот танец Севера носит сладкозвучное имя «ланчик». В Старом Раменье его называют еще нежнее — «ленчик». После войны мне пришлось немало поездить по селам и лесным деревенькам Ярославской области. Там молодежь танцует нечто подобное ланчику, но величает этот шумный трепачок не ланчиком и ленчиком, а забавным прозвищем — «козуля». В глухих местах Ярославщины, может, в шутку, а может, всерьез, северный хороводный танец назван еще более странным именем — «долото».

На гулянье я собрался,
Батька сунул долото.
Матка на ухо шепнула:
«Подолби, да не люто!»

Помню, к нам, курсантам военного училища, выехавшим на помощь в колхозы, прибыл секретарь райкома и в шутливой беседе упомянул про «долото».

В первый вечер после той беседы мы отправились в сельский клуб и увидели этот танец. Я его хорошо запомнил. Но почему танец так чудно называется «долото» — объяснение найти не мог.

Впрочем, что гадать да закидывать, откуда происходят иные названия и связаны ли они с повадками жителей, с их бытом, весельем и потасовками, которыми была богата старая деревня. Помнится, еще дед и отец мой красочно расписывали такие вот гулянья. Тогда, в старину, на святки, на масленицу и даже на пасху выходили мужики на кулачные бои, выходили деревня на деревню, ломили, что называется, стеной...

С отзвуками народных «баталий» мне довелось повстречаться самолично в Старом Раменье. Игрища и гулянья заканчивались здесь иногда шумными драками. Хорошо, когда все идет ладно и складно, когда пляшет и веселится одна деревня. А вот если соседняя деревня нагрянет, да еще незваной-непрощеной, — тут уж без драки не обойтись.

...Ленчик в Старом Раменье танцевали шумно, раздольно, дробливо. В этом танце многое, кажется, удачно соединилось: что-то взято от русского перепляса, что-то от вальса, что-то исходит от распевного «страдания» или известной на Руси «матани». Собирается молодежь в тесном сельском клубе или высыпает на просторный луг теплым летним вечерком. Парни сбиваются по одну сторону, девчата — по другую. Ребята загорелые, чубатые, девчонки озорные, голосистые — индо огонь. Первый ряд заняли кавалеры, во втором ряду встают их милашки. Впрочем, милашки пока что «ничейные», ребята потом будут разбирать своих задушевных подруг, а девушки в ходе танца еще могут переменить свое место и сделать выплеску совсем не перед тем кавалером, который намечался вначале. В танце допускается свободная импровизация, строгих правил здесь нет.

Парни выходят ни шатко ни валко, треплют чубы, поправляют кепочки; иных силком вталкивают в круг, и тогда кавалеры стоят несмело, не зная, куда им девать руки. Некоторые машинально лезут в карманы, извлекают махру, папиросы. Угощают друг друга, закуривают — что тоже не запрещается в ленчике. Таким образом, у ребят ведется своя «подготовка», своя душевная разминка. Их избранницы пока что ходят павами, кружатся, словно при-

мерясь к ребятам и друг к дружке, постукивают каблучками и бесконечно поют о дрялях, о задюшевных товарках, о злых разлучницах, вспоминают добрых мам и обязательно — веселых гармонистов, не дающих «спокою» ретивому сердцу.

Бравых кавалеров вся эта сердечная суета, кажется, не интересуется. Они важно покуривают, тихо переговариваются, переходят с места на место, что опять же не нарушает правил танца.

Но вот — миг! Что-то происходит в рядах парней. Недокуренные папироски летят на пол, наскоро затаптываются, по рядам проходит шумок. Ребята, кто в лад, кто не в лад, горланят ответные частушки-скороговорки, поют быстро, словно боятся опоздать, а потом лихо пускаются в пляс. И дробят, и кружат девчат, и ходят цепочкой по кругу, разбиваются на пары, и сыплют, сыплют припевки... Если танцуют в клубе, под ногами пол заходит ходуном, разошедшиеся и вытертые половицы заговорят о своей нелегкой доле. Когда же ленчик танцуют на лугу — сама земля задрожит, будто поблизости гонят дикий табун лошадей. Тяжелые каблучищи ребят стучат, грохают, бухают. А девушки, рассыпая мелкую дробь, проплывают пышногрудыми лебедушками мимо кавалеров, выдав им отпляску, передернув плечиками, трепетно отходят назад, как бы приглядываясь, хорошо ли все у них получилось. Ребята тут уж входят в полный раж: пуще бухают сапогами, загрохают каблучками... И так топать они будут долго, с усердием, словно заранее поклялись достучаться до самой Америки.

...Голосистый перелив трехрядки заполошно всколыхнул вечернюю сумеречь за околицей села. Из-за пригорка, со стороны «поповой» шко-

лы, высыпала шальная ватага. Впереди нее, ко-солапя, ходко строчит сокольниковский гармонист Васяня-бригадир. Васяне без малого сорок. Нашумится с утра, пока дает наряд колхозникам, убегается за день-деньской, к вечеру, глядишь, примолк, сник, утих. И кажется, батогом не прогнать бригадира дальше ворот, никаким калачом не выманить на улицу, если не случится пожара. Но вот если Васяня малость выпьет, тогда другой разворот, он сгребает свою старую хромку, гнет дугою шею и кричит: «Геть, веселая братва, бегом ко мне!» Мигом сколотит компанию и поведет молодцов в соседнюю деревню Старое Раменье, напрямик, через хлипкие луга, через болото, благо то село недалеко, всего в полукилометре.

Васяня крепко прихрамывает. Но шагает бригадир споро, ногу в сторону. Ремень гармошки то и дело сваливается с плеча, Васяня резким движением локтя поправляет его. Пальцы, не отрываясь от грифа, ловко бегают по кнопочкам. Басы хрипло выкрикивают в такт неравномерному шагу.

Чубарики-молодцы Витек и Николка, первые заводилы по части лихих запевок, держатся по правую и левую руку от гармониста, ни на шаг не отступают от него и всю дорогу горланят частушки. Васяня озорно трясет головой, поминутно оборачивается, зыркает глазищами на ребят, те дружно подхватывают:

Председатель золотой,
Бригадир серебряный,
Отпустите погулять —
Сегодня день не ведренный.

Бригадир согласно кивает, точно выдает разрешение на гулянье, и, довольный, щерится,

прикладывает ухо к трехрядке, крутит шейю, будто ему в самом деле давит воротник. С шумом, гиканьем вваливается веселая орава в Старое Раменье.

Я мальчишка хулиган —
Батяка делает наган,
Отнимает от телеги
Колесо на барабан.

Вздроснула, всколыхнулась сельская улица. Завечеревшие было дома вновь ожили и как-то враз насторожились. Где-то с треском хлопнули ставни, откуда-то из переулка донеслись тревожные голоса:

— Никак тюшковских черти несут?..

— Пошто... Это соколята.

— Кажись, быть драке...

— Пронеси осподи.

Старик Володенька в этот час сидит на чурбаке, старательно отбивает старую, заржавевшую косу. Заслышав песню, он медленно распрямляется, тяжело глядит на дорогу.

— Ишь, оне, загуляли... — бурчит недовольно. — Это в сенокос-от?!

Кузнец Паля, по обычаю своему, зорюет под любимым окошком, на завалинке, жжет вечернюю порцию едучей махры. Кузнец силло затягивается дымом и натужно кашляет.

— Кхе-кхе... Гулевая пошла молодяжка, — высказывается он более определенно. — Драть некому.

Володенька вешает косу на верхнюю перекладину крыльца, машинально нащупывает рукой долото, воткнутое в стену. Он теперь стоит вполюоборот к дороге и хмуро смотрит исподлобья.

Зазывные гармонные переливы ближе и ближе к дому Володеньки, задорные, певучие голоса становятся все звонче и громче — прямо забирают, будоражат улицу. Теперь не слышать блеяния овец, мычания коровы в соседнем дворе, не доносится оттуда тугих ударов молочных струй о дно подойника. Сельский вечер целиком заполняется веселым гомоном, песенным перезвоном и молодецким посвистом.

Я у тещи был в гостях,
Суп хлебал гороховый...
И с улыбкой на устах
Третий день сижу в кустах.

Вздыхают мехи в руках у Васяни, гармонь кричит, рокочет, рассыпает трель.

Ходит Ванюшка босой,
Не тверезый, не косой...
Он играет и поет
И наряды всем дает.

— И-их, мать честная! — срывается восхищение с чьих-то уст.

Дверь раменского клуба, что стоит в центре села, за старым кладбищем, с шумом распахнулась, на крыльцо густо высыпали плясуны. Они только что лихо дробили ленчика.

— Эй, Васяня! Кончай базанить.

— У-лю-лю!..

Тракторист Толяха Цветков расталкивает толпу на крыльце, выволакивает за собой Афоню-гармониста, коротко приказывает:

— Жарь плясовую!

Афоня то ли важничает, то ли трусит, но медленно спускается по ступенькам. Толяха дробит чечеточку, шумно скатывается вниз и, широко раскинув руки, коршуном идет на суп-

ротивников. Тут и Афоня смелеет, рвет мехи. Раменцы рекой текут из клуба на улицу, окружая и обволакивая ватагу соколят. Оба гармониста — заводилы. Толяха, Витек и Николка оказываются в тесном кругу, нос к носу. На них напирают со всех сторон, покрикивая, подзуживая:

— А ну-ка, вдарь, Васяня! Не уступай...

— Никола?! Сыпь, Николка!

— Толяха... Частушку!

— А ты, Афоня, чего губу отвесил? Жарь! Состязание началось.

Ничего нет более задорного и удивительного, чем сельское состязание гармонистов, плясунов, частушечников. Захлебнутся хромки, тальянки в голосистых переборах, всхлипнут, зарыдают, зайдутся в соловьиных трелях. Охрипнут наконец, но не замрут... Плясуны отколачивают дробного трепака с оханьем, аханьем, посвистом; то закружатся волчком, то широко разбегутся по кругу, да выкинут коленца, да всыпят заряд ладошей... А какие частушки вылетают в этой импровизированной «перебранке»!

Ой вы, робя-робяте,
Где вы денег берете?

Толяха крутится на одной ноге, останавливается перед Николкой, плавно разводит руками:

По деревне ходите,
Наверное, воруете!

Но и Николка за словом в карман не лезет. Он быстро выдает замысловатый ответ:

По деревне мы идем,
Чикоем, брякоем.

Васяня зыркает глазом на своих, и те дружно подхватывают, помогают Николке:

Кому в ухо, кому в нос —
Больше не калякаем.

Такая частушка звучит вызывающе. Но ни та, ни другая супротивная сторона не обращает внимания на вызов, не окажется поблизости дяди Володеньки.

— Это кого же мне в ухо...

Васяня, завидев Володеньку, устало пятится назад и тихо свертывает гармонь:

— Брось, дядя Володя, шутки это.

...А ленчик шел задорно, весело.

Я вернусь к тебе, деревня!

Прошли годы. И снова довелось мне побывать в Старом Раменье.

...Осенью пятьдесят восьмого я уезжал из «Красного знамени». Колхозники долго судили-рядили на собрании, и так и эдак дело поворачивали, но под конец решили отпустить заочника МГУ для завершения учебы. В заключение кто-то предложил взять с меня слово — вернуться с дипломом. Разговор шел душевный, и я дал мужикам твердое обещание. Его тут же занесли в протокол. А потом земляки-доброхоты написали мне в Москву, что у них произошли изменения. «Красное знамя» объединилось с соседней «Авророй», позже объединенное хозяйство в числе других артелей преобразовалось в совхоз. «Твердое» обещание мое повисло в воздухе, возвращаться было некуда.

К тому времени и учеба в МГУ закончилась. У меня появился диплом, а новая профессия позволяла сделать любой выбор. Я выбрал родной город в Подмоскowie — там и остался. Как-то летом взял отпуск и собрался было укатить на юг, к Черному морю. Неожиданно получаю письмо с Вологодчины. Старый друг, бывший зональный секретарь Николай Васильевич Чернов, сообщал, что и он перебрался из знакомых мест в другой район, работает теперь председателем колхоза.

«...Тигинские места живописные, кругом леса и озера. И речка протекает под окном. Приезжай, — звал к себе Николай Васильевич, — полюбуйся на зеленое раздолье. Купаться и тут есть где. Вода в речке чистая, прозрачная — плещись, сколько влезет. Или с удочкой броди по тихой заводи». Друг знал, чем пронять горожанина!

Кто хоть однажды побывал в тех северных краях, тому не устоять перед соблазном вновь оказаться среди дремучих лесов и девственных озер, подышать ядреным воздухом, увидеть непронутым мир зеленой благодати, пройтись боком по росной траве.

Стучат торопливые колеса. Душная ночь меняется прохладным утром. К обеду теплые объятия друга. Чернов усадил меня в свой председательский «газик» и покатил в глубь лесов.

По мере удаления от городской цивилизации все больше начинаю ощущать всем существом своим единение души с природой. Постепенно переношусь в мир сельской тишины неброского уюта, по которому успел стосковаться:

Друг не обманул моих надежд!

Тигинские места, где он хозяйствовал, богатые и славные. И леса, озера, и луга, и речка рядом. Правда, Николай Васильевич, как истинный селянин, возиться с отпускником не стал. Все остальное предоставил в полное мое распоряжение.

Днями брожу по окрестным местам, вволю дышу, загораю — одним словом, провожу отпуск. Если не просплю, то еще на зорьке спускаюсь к реке. Воткну в бережок два-три удилица и поглядываю на поплавки: не клюнет ли горбатый окуnek, не зацепится ли шальной ершишко...

Солнце разогреет, заберется ввысь — купаюсь в реке, валяюсь на горячем песке. Вечером, когда друг отрывается от своих председательских забот, идем вдвоем промышлять рыбешку на омутах. Много рыбы нам и не надо. Наловим с котелок — тут же на берегу костер разложим. За ухой, за разговором и не заметим, как из лесу подкрадется ночь. Тихая, лунная. На траву падет роса. Небо выведется и такую благодать ниспошлет на землю!..

Но председателю утром рано вставать...

Мы нехотя поднимаемся, тушим костер и молча шагаем к дому. Пересекаем скошенный луг, взбираемся вверх по косогору. На угорище остановишься, поглядишь назад — благодать-то какая! Над рекой стелется туман, заволакивая берега и чернеющие отроги крутых излучин долины. Сонный луг медленно затягивается дымчатой кисеей, белые волны, словно вспененное молоко, накатывают и накатывают с реки, укрывая всю низину туманом, лишь вершинки стогов бугрятся из-под него...

Невдалеке от нас плотина сельской ГЭС.

Там день и ночь бурлит и падает вода. Туман как бы сдерживает бег ночной волны, приглушает шум водопада.

Деревни весело смотрятся светлячками в ночной сумрак, игриво перемигиваются с вершин темнеющих холмов, словно заывают друг друга в гости. Невольно ждешь: вот-вот где-то сыграет гармошка!

Отпуск не кончился, в запасе целая неделя, а мне что-то взгрустнулось в Тигино. Я засобирался в дорогу. Николай Васильевич сердито отговаривает:

— Какого еще лешего?!

— Не знаю...

И впрямь, чего еще надо? Знай любийся туманами, набирайся сил, вари уху. Так нет, душа по вечерам стала беспокойной, зовет и тянет куда-то. Уж так, видно, устроен человек. Хороша жизнь, а чего-то всегда не хватает.

Друг наконец махнул рукой, усадил меня в машину и отвез на вокзал.

— Уж не в Раменье ли потянуло?

— Конечно!

И вот оно, Раменье, совсем рядом. Шофер попутной машины крюку делать не захотел, как я его ни уговаривал, высадил меня в Поповке. Отсюда верст семь пешком.

Я пробираюсь лесом, старой заросшей дорогой. Когда-то тут был зимник, и летом случилось ездить, я это помню, а теперь просеку затянуло сплошь мелкоколесьем, буйной травой. Из лесу на дорогу шагнул малинник и всю разросся на обочине. По обе стороны от старой просеки дремучий лес. Над макушками деревьев полыхает солнце. Кроны мачтовых сосен и густых елей уперлись в безоблачную синь неба. Острые лучи солнца прорезают зеленую

бахрому и, дробясь, льются косыми дрожащими струйками на землю. Лес радушно светится, земля слегка парит, наполняя воздух духотищей и ароматом трав. От каждого бочажка тянет прелой сыростью и крепким настоем багульника. В тени деревьев на траве еще поблескивают изумрудные дробинки росы, и когда нога ступает в тень, широколистник роняет на землю горячие слезинки.

Спешу проскочить лес, поскорее выбраться на опушку, за которой, знаю, начнется болотистый луг; он упирается в поле, только перепрыгнуть обводную канаву — дорога поведет по склону вверх, а там и рукой подать до Раменья.

Вот наконец и опушка леса. Чашоба расступилась, и вдали замаячил знакомый холм, завиднелись силуэты крестьянских построек: домов, гумен, сеновалов, бань, беззаботно рассыпавшихся по косогору, шагнувших вправо и влево и вглубь за угор, спрятавшись там по самые маковки крыши. По западному склону вьется, петляет узкая полевая дорога, поднимается вверх до крутого взлобка, подбирается вплотную к крайним избам и теряется за ними где-то на селе.

Всю правую сторону склона, от дороги и под обрез южного горизонта, где небо, лес и земля сходятся в одной линии, занимает поле ржи. Поле кажется сейчас огромным, раздольным, оно мерно волнуется, перекатывая серые волны, а над ним висит марево, дрожит сухой, каленый воздух, пропитанный цветущими злаками. Влево раскинулось бархатное море клевера. Оно в цвету, переливается яркими красками, пахнет медом. Вблизи бархатный ковер кишит пчелами, шмелями, осаами, охочими

до нектара. Легкий ветерок прохаживается на просторе, волнует и рябит цветущее половодье, тревожа царство насекомых.

Я бегу по пыльной уезженной дороге, легко поднимаюсь в гору. Узкий коридор враз обрывается — вот и околица! Меня встречает старая, без макушки, береза, приветственно помахивая длинными нитями повисших ветвей. В их шорохе и тихом шелесте листьев слышится упрек полуденному страннику: «Явился, блудный сын!»

...В летний день село кажется вымершим. Взрослые на покосах, стар и мал спрятались в тени; в зной вся сельская живность разбредается по укромным местам. Собаки дремлют в конурах или под крылечками, куры распластались у забора, ворухаются в лопухах, кот свернулся клубком на завалинке, голуби спят на чердаке, воробьи забились под застреху.

Выхожу на центральную площадь. Здесь, посреди села, кладбище и церковь. Деревья изредились, отчего площадь стала просторней и какой-то неухоженной: церковь посерела, на толстых вековых стенах появились грязные потеки и обозначились трещины, а полуразвалившаяся колокольня украсилась зеленой порослью.

В дальнем краю площади стоит двухэтажная контора, напротив — магазин, а сбоку, на углу кладбища, — пожарное депо. Там, на скамейке, дремлет чернобородый, с хищным носом старик — это Паля-кузнец. При мне он ковал, а теперь сторожем у пожарки. Старик привалился к стене, сидит не шелохнется, — наверно, спит.

Контора оказалась закрытой, магазин тоже на замке. Я постоял немного и потопал даль-

ше. Не отошел и десяти шагов, как за спиной что-то забулькало, захрипело, затрещало. Оглянулся — на высоком столбе тарыхтит стальной раструб: «Ага, радио заимели. А раньше только поговаривали о нем». Серый раструб потарыхтел немного, настроился — и сонную тишину разорвали громopodobные звуки.

Паля-кузнец вздрогнул, второпях чертыхнулся и полез в карман за куревом...

К вечеру село стало оживать, наполняться знакомыми и до боли родными звуками. Где-то скрипнул колодезный журавль, хлопнула калитка, вдоль улицы пропел грудной бабий голос:

— А-ню-уу-т-ка! Ты где запропастилась, холера!

Недалеко от церкви стоит дом Федора Антипина. Просторный, старый, с зимовкой и покосившимся двором. Летняя изба обшита тесом. Усадьба Феденьки выпирает чуть ли не на площадь и ни к какому посаду не относится. Перед окнами палисад, а за домом — крохотный огородик, обнесенный ольховым частоколом. Феденька в огороде, копается в грядках. Я окликнул его. Старик выпрямился, приложил ладонь к сморщенному лбу, замигал глазами:

— Ох, кого вижу-то!

Он запрыгал по борозде, засеменял к калитке.

— Сколько зим, сколько лет. О-хо-хо!

Мы обнялись, похлопали друг друга по спинам.

— Заходи, будь гостем.

Феденька засуетился у крыльца, тут у него стоял пузатый, нечищенный самовар с прогорев-

шей трубой. Он начал трясти самовар, наполнять его углями.

— Сей момент мы его...

Встал, досадливо замахал руками: «Куда это запропастилась старуха?» Потом, видно, вспомнил, что старуха укатила в город, к деткам, успокоился.

И вот во дворик выставлен хромой стол, постелена клеенка, на нее легли огурцы, тарелка толченого лука, сдобренного сметаной, куски черствого пирога. На широкой каменной плите подле крыльца пытит самовар. Феденька слезил на сарай, достал свежих яиц, извлек из мучного ларя пыльную четушку, выставил ее на стол; яйца же начал запикивать под крышку самовара.

— Каким это ветром тебя занесло?

— Да вот отдыхал поблизости,— сказал я, хотя про «близость» упомянул так, для виду.

— Э, вон что. Так, так... Стало быть, не забывается наше Раменье?

— Ну что ты, как забыть!

Старик дрожащей рукой разлил по стопкам, подвинул ко мне крупный огурец и дольку пирога. Руки его натруженные, в синих прожилках, и сам Феденька постарел, еще больше поси-вел, только глаза озорно поблескивают.

— Давай за встречу.

— За Раменье, чтобы оно вечно стояло.

На дороге показались телеги с косцами. Анатолий Цветков соскочил с передней, прошел мимо палисада.

— Толюшка, зайди! — крикнул ему Антипин.

Цветков наклонился, глянул через частокол, потом кинулся к калитке:

— Свят, свят, ты ли это?

— Как видишь, бригадир.

Цветков гыгыкнул в ответ, сказал, что он не бригадир, а снова конюх.

Пришел и Ванюшка.

— Здорово живем, председатель. Кх-м!

— Бог мой, Ванюшка! Как поживает Санюшка?

— А что хворой бабе делается?

Вскоре в Феденькин двор набралось много народу. Мне то и дело приходилось вставать из-за стола, обниматься с дороги с людьми, с которыми четыре года, как говорится, хлебал киселя и отведывал всякого лиха. Охам, ахам и прочим душевным разговорам не было конца...

Под утро в Раменье прикатил директор совхоза Малинов. Василий Михайлович раньше работал главным инженером в МТС, мы знали с ним и дружили. И теперь он обрадовался встрече, усадил в машину, повез показывать хозяйство.

— Совхоз теперь знаешь какой?! — не то хвастался, не то сокрушался хозяин. — Всю кулигу в него ввалили.

Кулигой люди здесь называли отдаленные подлесные колхозы. Захудалые это были хозяйства: ни зерна, ни молока, ни мяса никто от них не ждал. И льном лесные жители не умели заниматься, а может, он плохо и рос у них. Весь прежний доход состоял от продажи древесины. Но лес с годами повывелся, люди разъехались, некому стало работать на земле и обихаживать скот.

— Разве теперь поднять эти деревни? — вздыхал Василий Михайлович. Он глядел за дорогой, старательно объезжая все выбоины и кам-

ни, продолжал знакомить меня с делами и нуждами совхоза.

— Техники теперь — не скажешь, что мало. Под сотню тракторов и машин всяких. Прицепных тоже достаточно. В самый бы раз звенья создавать, камень убирать с полей, кустарники на межниках выкорчевывать. Но все дело в людях: и механизаторов не хватает, и полеводов мало-вато, а уж про доярок и разговоров не веду — расстройство одно.

Проскочили низинку, где чернели длинные валы заготовленного торфа. Два трактора перетряхивали, сушили торф.

— Органику готовим. Тонны по пять вносим в среднем на гектар. Мало.

— А строительство как идет? — поинтересовался я у Василия Михайловича. Торф меня не интересовал, потому что в голову засела неотвязчивая мысль: чем заманить в эти края людей?

Василий Михайлович не уловил подтекста в моем вопросе, ответил не сразу:

— А как идет? Средне! Своих людей лишку нет, строительные конторы — они все в городе, от нас далеко. Кто поедет в этакую глушь? А на притужальнике не много натаскаешь...

Он оторвал руку от баранки, поскреб небритый подбородок, переключил скорость и поехал шибче.

— А вообще-то строимся помаленьку. В Раменье двор новый поставили, я тебе покажу его на обратном пути. В Лаптеве — твой еще двор стоит. Телок в нем держим. И «Таран» постукивает, подает воду.

— Сохранился?!

— Живой. Не забыл, наверно, Ивана Васильевича. Заводной был старикан, дошлый до

всяких технических новинок... Жаль, умер недавно.

— Деловой был старик,— пожалел и я механика.— Помню, пристал с этим «Тараном». Покоя не давал никому, пока не установили. Сам же взялся и сруб опустить в котлован.

Будто догадавшись почтить память механика молчанием, мы оба полезли в карманы за папиросами, закурили и минут пять ехали не разговаривая. Потом Малинов затормозил, остановился на пшеничном поле:

— Вот она, полюбуйся. Разве это хлеб?

Мы оглядывали скудное поле с редкими пожелтевшими растеньицами, рвали колосья, мяли их в руках.

Тут и воронье не летает. Откуда же взяться назему?

— Чего же плохо хозяйствуешь? — слегка поддел я директора, но так, чтоб не слишком было больно.

— А! — махнул неопределенно рукой Малинов и полез обратно в кабину.

Отъехав с полверсты, он вернулся к прерванному разговору.

— Назем пазьмом, но и сорт надо менять. «Диамант» сейчас завозим. А эта, «Лютесценс», на наших землях не родит. Колосом мелка, и молотить ее, дьяволу, сущая беда. Хоть молотком выколачивай.

«Газик» проскочил длинное каменистое поле, опять опустился в низину. Колеса зашуршали по высокой осоке.

— Не засядем?

— Не должны,— буркнул неуверенно Малинов.— Лето сухое, проскочим.

Он между тем стал напряженно вглядываться вперед, сквозь стекло, выбирать одному ему

известные места, которые можно считать проезжими и надежными в этой лядине. Машина вертко увиливала от зыбучих проплешин, перепрыгивая через старые колеи, наконец перескочила ручеек, наглухо затянутый осокой и плотным шелкуном, выбралась на твердую дорогу. Только теперь я догадался, что мы направляемся к Тимошкину хутору.

— Не хочешь побывать в Чашливе?

— Проедем ли?

Я знал, за хутором дорога поведет «глухим лесом, и там проехать на машине нелегко, шоферы и раньше говорили: «Дорога что тебе надо, вернуться да еще проехать».

Малинов на мой вопрос кивнул головой — «проедем», но, видимо подумав, засомневался:

— А впрочем, черт ее знает. Я давно тут не ездил...

Дорогу мы открывали с ним почти заново. Колеи не было видно, все заросло, посреди проезжего полотна рос молодой ольшаник. Василий Михайлович лихо крутил баранку, включил демультипликатор. Мотор бешено выл, хозяин усердно давил на газ, часто сдавал машину назад, швырял ее влево, вправо, брал наискосок старые лужи, затянутые ряской. Пробрались все-таки без особых приключений, если не считать малой задержки, когда задним мостом поймали в зыбучей рытвине сукастую валежину и чуть было не оборвали тормозную трубку. Лес кончился, машина мягко покатила по шелковистому лугу. Березовое урочище, на котором раньше чашливцы ставили до полсотни стогов, теперь являло собой удручающую картину. Лес наступал на луг, на каждой поляне лишаями обозначились круги ивняка, чистых мест между ними оставалось немного. По всему видно, что

здесь давно не хаживали с косой, не бывали с топором. Еще год-два — и луг погибнет окончательно.

— Чего не косите?

— Некому косить,— зло буркнул директор. Он, видимо, ожидал колючих вопросов, был настороже и всю гнал машину.

— Сейчас еще лучше увидим,— предупредил он, когда луг кончился и дорога повела нас по полю.

Граница перехода от луга к полю угадывалась с трудом, и здесь кустарник всю наступал, заплотнялся землей. Лишь высокие межи-каменки, превратившись в холмы, подернутые малинником, чертополохом и еще какой-то дикой зарослью, говорили о том, что здесь было когда-то поле. Загоны слились, стерлись, разъемы заплыли, затянулись травой, ничто не напоминало о плуге и борозде. Малина на солнцепеке поспеет рано, она издали красовалась на камнях крупной усыпной ягодой. Но Василий Михайлович отворачивался от вкусной благодати, катил все дальше и дальше, пока не обогнул высокий курган, поросший жирной лебедой,— место старого коровника — и не оказался среди деревенской улицы.

И здесь на самой дороге буйно разросся одуванчик, цветут ромашки, лютики, а у забора глазают нежно-синие колокольчики. Василий Михайлович не предупредил заранее, что везет в мертвую деревню. Теперь же, выбравшись из машины, он отошел в сторонку, уселся на траву, достал пачку «Беломора» и молча закурил. По старой привычке я направился было к дому бригадира, но, не пройдя и трех шагов, остановился. По спине забегали мурашки. К домам не вело ни одной тропки, травой затянуло все

лысые пятачки и вытоптанное места, окна многих изб были наглухо заколочены досками, а те, что не заколочены, гляделись отчужденно и холодно.

— Как это? — повернулся я к Малинову. — Ты чего тут наделал?!

Крик вырвался сам по себе, но был как-то враз и иссяк. Василий Михайлович тревожно отбросил недокуренную папироску, вскочил на ноги, провел рукой по груди, нащупал ворот, растерял верхнюю пуговицу.

— Как это случилось? — допытывался я.

— А вот так, — зло огрызнулся директор.

Я начал понемногу остывать. Но горечь и чувство невосполнимой утраты не давали успокоиться.

— Да ведь тут было шестнадцать хозяйств, коровник был, телятник. Гумна стояли и дома новые.

— Так что ж из того... Коров в Раменье перевели. Люди разъехались по другим деревням, многие в город подались. А дома, пересчитай, все целы. Заходи и живи.

Я бродил по деревне, считал дома. Одиннадцать, тринадцать, шестнадцать... Три последних дома — почти новые, смола выступает на каждом венце, и углы срубов покрашены свежей краской. Это жилища братьев Семичевых. Шумливые были братаны. Только, бывало, откроется бригадное собрание, как Пеша запрыгает на лавке, Андрюша опустится на колени, затрясет бородой, жалуясь начальству на местное лихоимство и несправедливость. Но кто лихоимец, он не скажет, понимай — сам председатель. А третий, Николай, в это время молчит, знает, о чем шумят старшие братаны, но словом не обмолвится. «Пусть сам хозяин доходит до всего сво-

им умом, честь по чести разбирается». Я в таких случаях обычно курил и внимательно вглядывался в лица сидящих, стараясь понять и разобраться в местных распрях. Братаны Семичевы удовлетворялись этим, считали, что они поведали наболеее, вскоре утихали. Тут уж можно держать речь, говорить о делах и председателю, и бригадиру. А до того — ни-ни! Только масла добавишь в огонь.

Семичевы отшумятся, будут слушать внимательно, покачивая головами, трясая бородами в знак доброго согласия. Где они теперь, братаны Семичевы? Крикливые, но работающие были мужики, по восемнадцать — двадцать стогов ставили на семью каждое лето. Все трое — охотники. С младшим Семичевым однажды ходил и я на медведя, сидел на лабазах. Не задалась тогда охота: только вылезли медвежата на овес, а Николай Семичев не сдержался, кашлянул. Сзади раздался треск, не успели мы поднять ружья, как медвежат и след простыл. Я тогда отругал Николая за то, что дома не откашлялся, и на охоту в Чашливо больше не ходил. Николай — фронтовик, однорук, но с ружьем управляется ловко, был удачливым промысловиком. Он же бригадировал в Чашливе. Впрочем, бригадировали они по очереди с Иваном Сусловым. Деревня состояла из Сусловых и Семичевых, были семьи и других фамилий, но все они происходили от этих двух корней. А потому и порядок такой завели, отбригадирит Семичев, передает бразды правления представителю Сусловых. Иван тоже фронтовик и тоже однорук. Только у Ивана не было левой руки, у Николая — правой. Но оба бригадира были горячие, оба охотники и ни в чем друг другу не уступали. Что охотничать, что плотничать!

На обратном пути мы завернули на новую ферму. Признаться, после Чашлива мне не хотелось куда-то еще ехать, но директор, догадываясь о моем состоянии, тянул на новый двор, чтобы сгладить впечатление от пустой деревни, выправить настроение.

Коровник на сто голов был добрый, с автопоением и мехдойкой, под потолком тянулись два ряда электрических лампочек. Для уборки навоза и подачи силоса через торцовые ворота шла подвесная дорожка с несколькими люльками. Во дворе чисто, пол у коров и по коридору подметен, в кормушках — зеленая подкормка. Доярок днем на дворе не увидишь, обеденную дойку они проводят в поле. Василий Михайлович с гордостью говорил про новинки на дворах, что всюду воду качают электромоторы, кое-где появились вот такие мехдойки.

— Ну как, приживаются?

— Сперва доярки принимают мехдойку хорошо, охотно работают. А потом — беды угол.

— Чего так?

— Да запчастей не хватает. Резины нигде не достать. Из-за этого вот двора не раз в область ездил. Пришлось повоевать: испортился насос — нигде его нет. И доильных ведер не хватало...

Василий Михайлович подошел к кормушкам, оглядел «дачу» зеленки, потряс охапку горохово-овсяной смеси, определяя ее по вес, потом сорвал стручок, расщепил, бросил горошины в рот.

— Маловато косят.

— Может, на осень берегут?

— Хватит им и на осень. Однолетних нынче посеяно про запас.

Он показал и новый свинарник, сводил на

кормокухню, где поставлены разные машины. Наконец решил свозить в центральные мастерские.

— Ремонт у нас на потоке, тут есть что показать.

Про ремонт Малинов мог рассказывать часами. Это был его конек.

До своего директорства Василий Михайлович закончил институт усовершенствования инженеров, готовил себя к технической службе, а им распорядились по-иному. Сперва обязанности директора возложили временно, потом это «временное» перешло в постоянное. Малинов, по всему видно, тяготился директорством, считал эту должность не для «технаря».

— Брошу все к черту,— грозился он мне всякий раз, когда рассказывал о какой-либо трудности.— Вот председателю было бы с руки! Как-никак и опыт руководства, и с людьми умеет обращаться.

Намек был слишком прозрачный. Я повернулся к нему и в упор спросил:

— Уж не мне ли эту должность предлагаешь?

— А что?! — оживился Малинов.— Это было бы дело! Поедем в райком, скажем, мол, так и так, решили по доброй воле. Тебя там знают...

Я расхохотался:

— Дадут тебе строгача по «доброй воле», и больше ничего.

Малинов стоял на своем.

— Нет, я вполне серьезно.

Василий Михайлович тормознул, остановил машину посреди дороги, чтобы сказать, види-

мо, нечто важное. По я не дал ему и рта раскрыть.

— Во-первых, в совхозной системе я плохо разбираюсь...

— Ну уж...

— Во-вторых, я не сторонник таких больших совхозов, как твоя «Кулига». В данной обстановке небольшие колхозы оправдывали бы себя лучше.

— Ты думаешь?

— Я высказываю свое личное мнение. На него можно и наплевать. Но одно тебе должно быть ясно: директора из меня не получится. А теперь поехали...

Но Василий Михайлович, повернув ключ зажигания, заглушил мотор.

— Постой, постой... Ты что, вообще против совхозной системы? Или тебе только наш совхоз не по душе?

— Это длинный разговор. По-моему, совхозы надо делать сильными, чтоб служили примером. Колхозы надо подтягивать до уровня совхозов, и делать это исподволь.

— Прости, но это что-то новое у тебя.

— Ничего тут нового нет. Колхозы накопили много ценного в...

— Ты имеешь в виду артельную, кооперативную форму управления? — подсказал Малинов.

— А почему бы и нет? Не худо бы кое-что от нее и в совхозе твоём оставить. Тогда бы поменьше увлекался приказами, на которые крестьянин плюет с высокой колокольни, а больше работал бы с людьми.

— Значит, дипломатничать?

— Не дипломатничать, а советоваться. Ведь хороший хозяин ни за что бы не пошел на

умерщвление таких деревень, как Чашливо. Это противно его естеству. Как же так? Веками отвоевывать у лесов и болот землю, холить и лелеять ее, поливать потом, а тут на тебе, взять да бросить — обречь на запустение.

Василий Михайлович вздохнул:

— Напрасно я тебя свозил в Чашливо.

— Разве в одном Чашливе дело! Я был у Чернова, там то же самое видел. Исчезают мелкие деревни, пустеет земля.

Услышав про Чернова, Василий Михайлович изменился в лице:

— Ты был у Чернова?

— Разве я тебе не говорил? Ах да...

— Ну и как он?

...Еще учась в университете, когда приезжал на сессию, будоражил я друзей-студентов, подбивал ребят, жарко доказывал, что, если разъехаться по глухим местам, на карте не останется ни белых, ни темных пятен. Жизнь всюду забуллит, и жить станут люди красиво, вольготно.

Цель-то какая! Ради нее можно не пощадить одной жизни, сжечь для общего блага. Лишь бы жилось людям легко...

«Ну, вот и попробуй первым!»

Попробовал. Рвался в работу и людей в колхозе колготил. Доказывал, убеждал, поднимал на штурм. Все хотелось по щепочке, по гвоздику собрать хозяйство. Трудности, невзгоды, неверие надо было преодолеть, побороть...

После поездки с Малиновым, оставившей неприятный осадок, я на прощание повстречался с секретарем райкома партии. Повел он беседу издали, пожаловался на резко пошатнув-

шееся свое здоровье, которое вынуждает «подавать в отставку». Как бы между прочим спросил:

- Учебу закончил?
- Да.
- Диплом получил?
- Естественно.
- Работа интересная?
- Та, к которой стремился.

Откровенного разговора у нас явно не получилось.

— Ну и как поживает твое Старое Раменье? — улыбнулся он после затяжного молчания. — Сказывают, ты уже и в Чашливо успел съездить? А вот Малинов, хоть и директор, еще ни разу там до тебя не побывал!

Николай Константинович рассмеялся неизвестно чему. А меня снова (в который раз!) поразила его осведомленность.

— Откуда вам известно?

— Ну, батенька, нам все известно! Земля слухом полнится — испокон веков так было в деревне! Ты лучше расскажи о своих впечатлениях. На свежий-то глаз виднее. Что нового узнал в районе?

Не дав мне собраться с мыслями, он продолжал:

— Совхоз, конечно, нескладный. И директора никак не подберем настоящего. А Малинов одно заявление за другим, чтобы освободили, и заменить некем...

Я уже начинал догадываться, куда клонит секретарь.

- Говоришь, неплохо жить стали люди, а?
- Да не жалуются. Жизнь пошла на лад.
- Рассказывают, будто ты успел сцепить-

ся с Малиновым из-за погубленной деревеньки?

— Вам и про это доложили...

Тут секретарь предложил мне съездить в совхоз «Пригородный», посмотреть на нынешнее сельское строительство. И если понравится размах дел, так и остаться для работы в районе.

...В посезде Череповец—Москва, который увозил меня домой, я восстанавливал в памяти этот разговор и поездку в «Пригородный». Поразило обилие техники в совхозе. Внушительное зрелище являла собой и комплексная застройка центральной усадьбы. В городах ко всему такому привыкли, а на селе — диво дивное! Многоэтажные дома, к примеру, показались бы в городе серыми коробками, а тут — небоскребы! Новенькие здания наступали на древнюю деревню, на лопухи и крапиву. И магазины на городской манер, встроены в первые этажи домов. А старенькие избенки, словно в испуге, пятятся к заросшему пруду, но с противоположного берега наступают новехонькие, с иголки, корпуса животноводческой фермы. Конечно, недоделок много...

Кто-кто, а я-то знал, что подчас такие «мелочи» оборачиваются острейшими проблемами, но все это, как говорится, дело второе, третье, десятое. Главное дадено, заложено, контуры будущего хозяйства определены. Гордись, директор!

— Щедрый подарок дает совхозу государство! — сказал я сам себе с какой-то ревнивой завистью, и жаль мне стало Старого Раменья. Скоро ли дойдут руки до каждой деревни?

А колеса будто вступали со мной в спор: «Бу-дет так! Бу-дет так!»

Когда это будет? Как скоро?

Проплывали мимо холмы и деревеньки, таяли вдали, совсем скрывались из глаз. А я всеми мыслями цеплялся за эти бесценные картины и раздумывал: что же сказать тебе на прощание, край родной?

— Я вернусь к тебе, деревня!

Еще утром ни о какой поездке в лес Василий Игнатьич не помышлял... Он сидел в прокуренном кабинете и корпел над бумагами. До совещания сельского актива времени оставалось в обрез, а у него не клеилось с докладом. Собственно, нужных бумаг было много, но сводного материала из них не получалось. Василий Игнатьич ворошил в памяти, заново перечитывал справки и оперативные сводки, просматривал расчеты специалистов — но все это как-то не задевало душу, не давало мыслям разгону — без чего слова скупо ложились на бумагу...

Утро стояло серое, слегка шакрапывал дождик, и день поэтому обещал быть пасмурным. Ненастная погода как раз располагала к кабинетному занятию. Настроение секретаря сельского райкома в осеннюю пору понять просто. Разве усидеть ему в солнечный день в кабинете? Никак не усидеть! Даже в выходной потянет в поле, где еще не все хлеба убраны. Захочется взглянуть на волглые стлища, где зорится шелковистый лен, непременно побывать на сушилках, встретиться с председателями, директорами, пого-

ворить в поле с комбайнерами. А то и просто проехаться одному: проверить дороги, мимоходом завернув в лесок, ощутить под ногами жухлую траву, дышащую холодком, посидеть на моховой кочке, полюбоваться багряно-золотой россыпью листьев или постоять на берегу притихшей речки, подышать ядреным воздухом...

Совещанию предстояло обсудить необычный вопрос — о сселении мелких деревень. Необычность была даже не в самой постановке вопроса — актуальные проблемы и раньше обсуждались и к ним Лосев тоже привык, — новизна заключалась в предстоящих — практических шагах: из области пришла новая директива.

Казалось, чего бы еще?! Год назад Понизовский район составил план социального развития: из четырехсот сел и деревень перспективными наметил только пятьдесят — крупные хозяйственные центры и главные усадьбы колхозов и совхозов. Их-то и намеревались развивать в первую очередь.

Руководители хозяйств охотно согласились с этим и утвердили новую схему сельской планировки. Но не потому, что всем хотелось непременно сносить мелкие деревни, оставив лишь восьмую часть из них. Причина была в другом. Сельские вожаки хорошо понимали: четыреста деревень сразу не поднять, не осилить, и поэтому надо скорее отстраивать главные усадьбы. Были, правда, и другого рода сомнения: нужны ли они, мелкие деревни, или уже совсем не нужны? Строиться им или сразу переселяться в перспективные поселки? Хотя поселки эти пока что существовали только на карте.

Жители малых деревень держались насиженных мест; председатели, директора выясняли, кого, куда и как переселять. Одно было извест-

но: надо больше строить жилья!.. А село пока не успевало возводить дворы; местных руководителей до сих пор захлестывают эти объекты. Не успеешь переселить буренок из хилого двора в новый, глядишь — другой покосился, требует замены. А там — и сушилка устарела, и склад маловат... И механизаторы орут, требуют: «Подавай скорее мастерскую!»

Василий Игнатьич хорошо знал все это, в душе сочувствовал председателям, потому что сам более десятка лет руководил колхозом. Он подошел к стене и стал внимательно разглядывать карту района. Глаза медленно скользили по жирным, изломанным линиям, обозначающим границы колхозов. Их, колхозов, тринадцать в районе — чертова дюжина. В восточной части размещались пять совхозов, но они занимали незначительную площадь, и потому Понизовский район по праву считался колхозной «державой». Хозяйства «чертовой дюжины» не были похожи друг на друга. Одни вытянулись с севера на юг и считались гигантами местного значения; другие, наоборот, ширились в поперечнике, это средние хозяйства; третьи выглядели пятнышками на карте, их в шутку понизовцы называли землями «малых народов».

Вся карта изрезана паутиной дорог, словно затянута разноячейстой сеткой: в одних местах гуще, в других — реже, в третьих — отдельными ниточками. Каждая ниточка бежала от точки к точкам с названиями деревень, связывая их в небольшой пучок. А от пучка более жирная нить торила путь к другому созвездию. Наконец все эти черточки и ниточки, соединившись, прорывались к главной линии — районной дороге. Перспективные села на карте обведены красными кружочками. Секретарь райкома, закрыв гла-

за, мог увидеть за ними живые картины новостроек.

...Вот главная усадьба совхоза «Любомирский». На ее окраине, посреди пахотного массива, возводятся корпуса овцеводческого комплекса. Неподалеку, сразу же за рекой, тянутся обширные пастбища. Сейчас там работают сельские мелиораторы, доводят до «ума» клетки...

В «Светиловском» уже действует механизированная свиноферма... А вот и центральный колхоз «Понизовье». Он готовит к пуску свой молочный комплекс. На открытой площадке здесь возник целый городок. В светлых, с иголки, просторных помещениях скоро справит новоселье тысяча коров. По соседству с передовым хозяйством раскинулись земли колхоза «Восход». Поля его безбрежны — так уж постарались мелиораторы. «Восход» широким фронтом ведет осушительные работы. Болота отступают...

Василий Игнатьич невольно перевел взгляд в северо-западную часть карты, где оранжевой окраской выделены угодья колхоза «Пионер». Еще недавно отстающее хозяйство теперь сделалось передовым. А все оттого, что руководить им стал заботливый человек, можно сказать, талантливый. Земли «Пионера» не самые лучшие: холмы, косогоры да камни-валуны. Но у рачительного хозяина и камни заговорят. Хотя не на них вырос авторитет председателя. Заботливостью, неумной тягой ко всему новому он прямо-таки обворожил колхозников. То механизированный льноток построит, то склад-сушилку, то машинный двор заведет. Первым внедрил двухсменку на фермах... И не обжегся, как иные председатели-торопыги. У тех оно как: прыжок — и в кусты! Пионеровский председатель не таков: взялся — не отступит. Он сперва ме-

ханизацию ввел, молокопроводы приспособил под каждую группу коров, доярок обучил... Испробовав двухсменку на одной ферме, через год смело вводит ее на всех остальных. Двухсменка счастливо прижилась. О старом «режиме труда» доярки теперь и слышать не хотят.

Воспоминания о передовых хозяйствах подбодрили Василия Игнатьича, подняли настроение. Он вернулся к письменному столу и живо принялся за дело.

«Концентрация и специализация сельского хозяйства — единственно верный путь развития. Только так можно поднять производительность труда, а труд крестьянина сделать под стать труду городского рабочего».

Для убедительности он привел примеры средней выработки крестьянина и промышленного рабочего в их районе. Разница была немалой.

...Да, что бы там ни говорили люди, думал он, как бы ни вздыхали по старой деревне, экономические законы неумолимы: концентрация производства немедленно потребует (уже потребовала!) сселения мелких деревень. Ведь мелкие деревни появились не из желания наших предков жить разрозненно, раздольно или, выражаясь по-современному, строились не в противовес нынешней городской стесненности, — об этом раньше просто никто не думал. Старый способ обработки земли, раздробленность и разбросанность угодий, особенно у нас на Севере, диктовали такое размещение. Это в центральных и южных районах, где леса редки, а земли обширны, сельские поселения издавна были крупными. Северяне же исстари свыклись с лесными деревушками и с теми, что «украшают» чуть ли не каждый холмик и бугорок в откры-

том пространстве. Смирлись с множеством дорог, изрезали пашню канавами, нагородили всяких поскотин — овечьих, телячьих, коровьих, конских. И все это сохранилось до сих пор. Настало время навести порядок в нашем землепользовании: изменить севообороты, объединить и укрупнить угодья, запахать ненужные дороги, лишние каналы.

Лосев вспомнил главный довод противников сселения: дескать, земля отдалятся, захиреют лесные участки, зарастут луга — туда и сейчас не попадает навоз, не спешат косарь и пахарь. Он подумал и так ответил на эти возражения:

«Хиреют отдаленные земли не потому, что деревни сселяются и люди как бы отступаются от них, а, скорее, по той причине, что мы противимся начавшемуся процессу, исподволь задерживаем его, и тогда уже деревни не ссеются, а просто умирают. Ведь сселение как таковое, экономическое и производственное, совершилось, мы просто не успели осмыслить этот факт. А старого крестьянствования давно уже нет. Посмотрите: фермы у нас размещены только в ста сорока населенных пунктах из четырехсот, и дело идет к тому, что в ближайшие годы их будет пятьдесят — шестьдесят, не больше».

Василий Игнатьич, отложив перо, стал мысленно спорить, убеждать будущих слушателей.

«А техника как разместилась у нас? Механизаторы живут в центральных усадьбах или поблизости от них. Появились два рода деревень: механизированные и немеханизированные. Они оказались в неодинаковых условиях. Деревни, где есть и скот, и техника, спешат скорее удобрить и обработать свои земли, а земли опустевших деревень удобряются во вторую очередь — тем, что останется.

Обиженные деревни платят богатым соседям тем, что неохотно помогают им рабочей силой, справедливо полагая, что это теперь не их забота. Происходит то, что и должно происходить: у одних много механизаторов, но не хватает людей на ручных работах, у других есть свободные руки, но они остаются без дела, пока не придет к ним на поля техника. Спаривание двух неодинаковых деревень, а тем более отдаленных друг от друга, вызывает бесконечные трения, споры, неувязки... И хотя жители тех и других деревень ведают, что творят, но поступить иначе не могут, ибо до сих пор сохраняются свои «кровные» и «чужие» земли, границы которых установлены издавна. Надо стереть эти перегородки, сделать все поля, луга, пастбища общехозяйственными и водворить на них конкретного хозяина — механизированные звенья. Тогда обзиданных земель не будет. Понятие же отдаленности меняется со временем — развитие дорог и обилие техники устраняют это препятствие...»

Лосев хотел подтвердить свои доводы каким-нибудь практическим примером, и они были, такие примеры, когда колхозы, ликвидировав бездорожье, свободно доставляли и людей и технику в любое отдаленное поле, но тут мысль неожиданно подтолкнула его к другим фактам, которые говорили как раз об обратном. «К сожалению, — признался он сам себе, — есть еще у нас отдаленные места: и луга, и поля, и пастбища, куда, как говорится, Макар телят не гонял, — и они, эти места, заросли, выпали из хозяйственного оборота».

Он вспомнил свою недавнюю поездку в Утлово. Деревенька — двенадцать дворов, не так уж и удалена от райцентра, потому что принадлежит центральному колхозу «Понизовье», а вот

поди же — оказалась самой настоящей глубиной.

Стоит Утлово в стороне от столбовых дорог, никакой фермы там нет, а может быть, никогда и не было. Лен перестали сеять, поля заклеверены. И людям не только зимой, но и летом нечего стало делать. Нагрязнут летом механизаторы, за какую-нибудь неделю уберут клевера в силос или на сено — и опять во всей округе воцарится безмолвие.

Люди разъехались из Утлова, кто куда. Три четверти домов пустует. А местечко подлесное, привольное, грибное. Посреди деревеньки журчит ручеек, вода в нем чистая, студеная.

— Откуда взялась такая Серебрянка? — восхищенно воскликнул тогда Василий Игнатьич, завидя ручеек. Он остановил машину, выскочил на бережок и, как мальчишка, долго плескался у ручья. Пил воду из сложенных черпаком ладоней, остужал пальцы на быстрой струе, бросал сверкающие капли себе в лицо, хохотал от удовольствия. И не заметил, как у него за спиной собралось все утловское население: три сморщенные старушки и инвалид-пенсционер в самодельной коляске. Василий Игнатьич смущенно поздоровался, что-то буркнул насчет красоты и приволья, повел разговор о местной жизни, стал расспрашивать о пенсиях. Разговор получился шутливый и необязательный. Василий Игнатьич не переставал хвалить прелести славной деревеньки, восхищался уютной тишиной и нетронутостью природы. Утловцы, польщенные этим, благодушно кивали в ответ, зазывали в гости, весело улыбались и на все лады расписывали достопримечательности здешних мест.

— Погости, погости, милой. И нам будет веселее... — А о бедах своих не успели поведать.

Да они и не знали, поди, что беседуют с «хозяйном» района, иначе нашли бы на что посетовать, пожаловаться.

На прощание секретарь райкома поручкался с каждой старушкой, у инвалида в самокате справился о здоровье и уже впрыгнул было в машину, как жители Утлова поинтересовались:

— А кто же таков будешь, мил человек?

Лосев широко улыбнулся и назвал себя. Старушки округлили глаза, но высказали сомнение: не шутит ли он, такой-сякой балагур?..

Шофер рванул машину с места и лихо покатил в поле. Василий Игнатьич помахал старушкам рукой, захлопнул дверцу и неожиданно вздохнул. Ему часто вспоминается эта поездка...

Велика ты, мать-Россия!
До чего ж ты велика! —

продекламировал он вольно чьи-то стихи, а чьи — так и не вспомнил.

Ему хотелось теперь уяснить значение понизовских просторов. Площадь района как-никак внушительная — двести пятьдесят тысяч гектаров, а пашни только сорок шесть тысяч, или восемнадцать процентов территории. Много это или мало?

Василий Игнатьич не страдал гигантоманией и не мечтал о сплошной распахке земли. Он знал не только цену сельскохозяйственным угольям, пашням, лугам, пастбищам, но и понимал биологическую необходимость лесов, водоемов, болот, их назначение. Понимал сам и растолковывал людям, что всякое растение — тот же хлеб, и если ты загубил дерево, то этим самым лишил себя и других не только красоты и радости, но и куска хлеба. Однако не о том сейчас была его дума.

«...До сих пор мы вели как бы механическое укрупнение колхозов, совхозов. И сделали многие из них крепкими. Но не за счет подъема внутренней эффективности, а простым сложением экономических величин. Правда, сложение уже дает эффект, но это только первая стадия интенсификации. Теперь наступает новый этап. В центре внимания должна быть динамика производства, производительность труда. А это новая ступень, более сложная.

Теоретически она тоже проста и понятна: научность, рациональность, то есть концентрация и специализация производства. А вот практически — штука эта со многими неизвестными, а если и известными, то все равно получается как в той поговорке: «И видит око, да зуб неймет»...

На столе зазуммерил телефон и загорелся глазок на аппарате. Василий Игнатьич покосился на телефон, но трубку не снял. Зуммер застрекотал еще настойчивее. «Может, беда у кого? Или неотложное дело...» — встревожился Василий Игнатьич. Он подошел к аппарату, привычным движением руки поднял трубку с рычага, мизинцем надавив кнопку над светящимся глазком.

Звонила жена, звала в лес за грибами. По-разному, Василий Игнатьич согласился:

— Ну хорошо, Альбина, собирайся, через десять минут буду.

— Можно я Евдокимовну позову?

— Приглашай и Евдокимовну.

Сын Мишка на этот раз не почемучкал, вел себя тихо-смирно. Он сидел рядом, напряженно

вглядывался вперед и следил за дорогой, согласно кивал и пожимаяще улыбался, если Василий Игнатьич резко закладывал право-лево руля, бросая машину в сторону, чтобы миновать колдобину или объехать встречный камень, занесенный на дорогу вместе с гравием.

Машина вертко катилась по старой сиземской дороге, преодолевая холмы и пологие косогоры, стремительно сбегала в низины. За окном мелькали поля, луга, перелески, проплывали встречные деревни и села. Мишка силился сохранить в памяти увиденное: озирался по сторонам, крутил головой. А когда машина выскочила на унылый простор, заметно скучал и начинал выпрашивать отца:

— Пап... где мы сейчас едем?

— Разве забыл? Колхоз «Россия».

— Это где дядя Алексей Егорович работает?

— Да. Помнишь, мы были у него на сушилке, потом ездили в поле, к комбайнам...

Мишка морщил лоб, кивал в ответ.

— Ага, помню. А дальше что?

— То же самое — «Россия». У дядя Алешки большой-пребольшой колхоз, за день не объехать.

Добрались до указательного столба. Машина, взяв крутой перевал, выскочила на вершину холма, развернулась вправо и покатила по широкой грейдерной дороге. Дорогу эту с твердым гравийным покрытием колхоз «Россия» начал строить недавно, чтобы соединить подлесную бригаду с центром. «Россия» по территории своей не уступает богатым хозяйствам района — «Восходу» и «Понизовью». Но земли ее истощены, залесены и закустарены, на них из года в

год собирают низкие урожаи, а потому колхоз считался экономически слабым.

Несколько лет назад райком партии направил сюда председателем бывшего парторга «Восхода» Сергеева. Он быстро разобрался в обстановке, сравнив слабое и сильное хозяйство, и сделал, пожалуй, правильный вывод: колхоз «Россия» хиреет от своей раздробленности и бездорожья. Молодой председатель начал интенсивно строить дороги, новые фермы, жителей с дальних хуторов переселять поближе к центру. Однако силенок у колхоза не хватало, чтобы быстро одолеть закоренелые беды.

Василий Игнатьич часто наезжал в «Россию», подолгу беседовал с Сергеевым, помогал ему, чем мог, но больше настраивал на терпеливое, неотступное движение к намеченной цели.

«Терпенье и труд все перетрут, — напоминал он каждый раз Сергееву, если видел, что тот начинал скисать и отчаиваться. — Годом этой глыбы не поднять».

Обогнув деревню Красное, где обрывалась гравийная дорога, Василий Игнатьич еще раз повернул вправо и поехал межником к слову леску, за которым, слышно, гудели комбайны.

По привычке он тронулся было к комбайнам, но пассажиры у него запротестовали — торопились в лес. Он не стал противиться — в лес так в лес! — покатил дальше. Полина Евдокимовна напомнила, что надо ехать непременно в Березуги, где белых грибов до праха, можно за какой-нибудь час набрать корзину с верхом, и места там глухие, никому не ведомые.

Василий Игнатьич и сам знал, что места там глухие, но знал не столько леса, сколько ту самую поляну, на которой стоят Березуги, полу-

затерянные в березовом лесу. Однажды он побывал там, ездил с Сергеевым на дальние его покосы, в Бугры или Дупельнево. По пути они засели в рытвине, машина стала буксовать, и так посадили райкомовский «газик», что нечего было и думать выскочить без трактора. Сергеев отправился за помощью, ходил он куда-то далеко и долго. А Василий Игнатьич от нечего делать пошел бродить по лесу. Ходил-бродил и вдруг наткнулся на хутор в березовом распадке. Круглая полянка открылась ему. В центре она слегка бугрилась, а юго-восточным склоном словно катилась к заросшему ручью. Хутор жался к дальней кромке леса. Бросилась в глаза стройная аллея молодых кудрявых лип, посаженных за околицей, — каким это чудом они попали сюда? Липы своей темно-зеленой кроной выделялись на фоне березового половодья. Сквозь аллею скупно пробивались очертания хозяйственных построек. Виднелось несколько крестьянских изб, липы скрадывали их размеры. Издали дома казались аккуратными и уютными, словно сошли сюда с детских картинок. От околицы и до самого леса тянулась ветхая изгородь, но в поскотине никакой живности не было, как не было никаких признаков жизни и возле домов. Весь хутор будто погрузился в волшебный сон, и Василий Игнатьич побоялся подойти поближе, чтобы не спугнуть, не разрушить лесную сказку.

А когда Сергеев прибыл с трактором, спросил у того, что это за деревенька прячется в лесу.

— Березуги, — неохотно ответил Сергеев.

— Есть там хоть живая душа-то?

— Какая там душа... Наезжают старушки разные. И дед, кажется, был с ними. Но в по-

запрошлом году, сказывают, заблудился, сгинул старик.

— Они, что — колхозники? — допытывался Василий Игнатьич.

Сергеев махнул рукой:

— Приблудные какие-то.

— Выходит, дачники.

— Вроде того.

— Недурное местечко выбрали, — подумал вслух Василий Игнатьич.

Теперь он гнал «газик» по знакомым местам — низинами, перелесками, полевыми дорогами, бегущими через холмы и косогоры. Нужное направление он держал правильно, но здесь столько было дорог, торных и неторных, что сбиться с пути и укатить в сторону совсем немудрено. Он остановил машину, чтобы оглядеться. С высокого холма местность просматривалась далеко. И справа, и слева, и впереди маячили карликовые селения. «Ох, Сергеев, Сергеев! Много тебе еще придется повозиться с ними».

— Хватает тут всяких деревень, — подала голос из машины Полина Евдокимовна, — всех не пересчитать. А вы берите прямо, на Фомушино. Там и до Березуг — рукой подать.

Василий Игнатьич сел в кабину, включил скорость и тронул на Фомушино.

3

Гулко, раскатисто гроыхнуло небо...

Ветер шало загулял поверху, заламывая верхушки деревьев. Старая ель скрипнула, застонала, что-то охнуло в лесной глуши — и все стихло. Очередной шквал взвихрил листья, поднял, закружил их в воздухе, кинул в поднебесье стаю

перепуганных птиц, качнул кроны елей, потряс кондовые стволы осин, поклонил к земле податливые березы и с шумом, ломясь и взрыдывая, покотился дальше в глубь леса.

Василий Игнатьич тревожно поозирался, глянул вверх. Место, где он кружил, было грибное, заманчивое. Собственно, в Березугах всюду места грибные, это он отметил сразу. Как только грибники оставили машину и углубились в лес, им начали попадаться на глаза лисички, волнушки, моховики, сыроежки, подберезовики. Василий Игнатьич кинулся подбирать их, но опытная Полина Евдокимовна мимоходом заметила:

— Чего еще?! За сто верст киселя хлебать...

Василий Игнатьич вытряхнул собранную мелочь и споро шагал вперед, забирая чуть в сторону от своих. Он пересек дорогу, а за нею топкую лядину, заросшую ивняком, продрался сквозь густой ольховник и направился к сухому взгорку, где начинался крупный еловый бор вперемежку с березником и осинником.

Высокие ели держались кучно, обособленно, образуя патлатые куртины, и замтно выделялись, чернея в березовом строю.

Василий Игнатьич зашпешил к елкам.

— Ау-у! — услышал он позади себя.

«Ну вот, сразу и потерялись», — подумал он, но потому, что голос был не призывной, и это «Ау-у!» прозвучало вроде бы для порядка, — не отозвался. Он кружил в ельнике, где было тихо и темно, пахло густым смоляным настоем, слегка отдавало затхлой прелью хвои. Под ногами хрустели сухие иголки, многолетний хвойный настил мягко пружинил, — ходить по нему было легко и приятно.

Раздвигая седой лапник, Василий Игнатьич увидел темно-коричневую шляпку боровика. Он

палнулся, чтобы срезать гриб, но тут же заметил еще несколько бугорков. Кто из грибников не знает этих заманчивых вздутий, выпирающих из хвойной подушки! Под каждой такой крышечей непременно сидит белый гриб, причем молодой, потому как не проломил еще жесткого покрывала и не вылупился на свет.

В это мгновение над Василием Игнатьичем и расколосось небо. Треск раздираемой парусины заставил его вздрогнуть, оглянуться, но он не бросил начатого дела. Лосев спешил собрать богатую добычу и бежать к своим, Мишка боялся грозы и теперь наверняка кукуется, да и жена Альбина — трусиха. Обнадеживало то, что с ними сейчас Полина Евдокимовна, женщина пожилая и мудрая, бывавшая в разных таких переломках. Он немного поуспокоился и еще раз огляделся. Ему блазились новые бугорки и вздутия, совсем неподалеку, у соседних елок. Он перебежал от одного места к другому...

Ветер между тем притих, верховой шум прибавился, березы вдали не качались, словно замерли в нетерпеливом ожидании, а тучные ели только шептались меж собой. Упали первые крупные горошины дождя. А потом — забарабанило.

— Па-а-па! — отдаленно прокричал Мишка. Голос его, испуганный и какой-то придавленный, потонул в шуме грянувшего ливня.

— И-ду! И-ду, Ми-и-ша!

Василий Игнатьич схватил корзину, до половины наполненную грибами, сложил ножик, сунул его в карман и зашагал наугад в ту сторону, откуда донесся голос сына. Еще раз слышался крик, но шум дождя погасил слабый звук.

Лосев шел быстро, не выбирая пути, лез и

продирался напрямик, напролом. И как бывает в таких случаях, ему все чаще стали попадаться грибы, именно белые. Он схватывал их на ходу, нагибаясь, рвал, потом, торопясь, бежал. А боровички заманивали то вправо, то влево, выглядывая умытыми головками около пней и из травы, то там, то тут мелькали их бурые шляпки с коричневым налетом или выставлялись напоказ стройные, без загара, ножки.

Дождь хлестал вовсю и, когда Василий Игнатьич нагибался, дробно барабанил по спине. Кожаная куртка на нем сделалась тяжелой и холодной, с кепки текло, в сапогах хлюпала вода...

— Э-ге-гей! — крикнул он, чтобы пересилить шум дождя.

Но никто ему не ответил. Только дважды, с небольшим перерывом, хохотнул отдаленный гром, да дождь припустил сильнее.

— Э-эй! — тонул и захлебывался голос Василия Игнатьича в ревящем лесу. «Куда все подевались? Забрались, наверное, в глухомань, пережидают...»

Он остановился у кряжистой березы, опустил корзину на землю, приложил к губам ладони и трубно загудел:

— У-гу-гу-у!

За спиной что-то звучно хрястнуло, затопало, шум раздвигаемых сучьев и ломающегося мелколесья слился с ревом дождя и грохотом очередного залпа грозового разряда.

Василий Игнатьич не успел даже испугаться, вздрогнуть — он просто-напросто опешил: «Кто это мог быть? Лось или сам «хозяин»?»

Он слышал от людей, что в Березугах, неподалеку от хутора, обитает медведица с медвежатами. Семейка, говорят, мирная, выходит на по-

ляну, подбирается к человеческому жилью, но никого не трогает.

«Мирная?! Лучше быть подальше от такой!»

Он схватил корзину и зашагал прочь, все еще надеясь выбраться на дорогу и сориентироваться.

Тучи давили на самые макушки деревьев, в лесу стало темно и жутко. Но Василий Игнатьич отгонял страх, стыдил себя за робость и малодушие. Отшагал он, пожалуй, версты три, а дороги все не было. И ту лядину, которую раньше пересекал, не встретил.

Он принимался кричать громко, протяжно, часто останавливался, вслушивался — ответа не было. «Может быть, ушли к машине? Сидят теперь в кабине да посмеиваются надо мной, бедолагой, заблудившимся в трех соснах...»

Однако сосен было не три. Василий Игнатьич заметил, что лес становится все глуше и глуше, мелкоколосья не было, и подрост исчез, кругом — мощные стволы да рогатые валежины, и травы под ногами не стало...

«Нет, не туда топаю», — решил он. Повернул назад, стал отыскивать следы, высматривать мухоморы и поганки, которые сбивал на ходу. Дождь постепенно затихал. Василий Игнатьич взбодрился и побежал обратно по следу...

Вот и дорога! Не задумываясь, он повернул налево, оскальзываясь, зашагал по раскисшей глине. Свежая, глубокая колея на дороге до краев заполнилась водой. Василий Игнатьич узнавал и не узнавал просеку, по которой въезжали в лес: по его прикидке должна вот-вот показаться ивовая лощина, перед которой на угоре, в укромном местечке, и стоит его машина. Он нащупал в кармане ключ от зажигания — скорее бы добраться до машины да сесть за руль. Но

шел он около часа, а ивовой лощины все не было, наоборот — дорога стала забираться в гору, и лес показался опять чужим, незнакомым. Небосклон понемногу очистился, справа забрезжили лучи солнца. Василий Игнатьич поглядел на часы — без четверти пять. И вдруг его осенило: «Черт побери! Дело-то к вечеру, а солнце у меня справа. Стало быть, иду я на юг, а надо на север». Он остановился и внимательно посмотрел на небо: сквозь побелевшие тучи пробивалось солнце.

Василий Игнатьич понял, что заблудился.

Как же это я обмишулился?» — досадовал на себя Василий Игнатьич. Но в трудную минуту он обычно не суетился, спокойно раздумывал, что делать.

Во-первых, немного отдышаться, собраться с силами. Во-вторых... Он быстро извлек спички из куртки и переложил их в сухое место, в куртке они подмокли. Затем стал подтягивать пружину часов. Ему хотелось курить, но он не разрешал себе этого удовольствия перед трудной дорогой. «Если придется заночевать, — соображал он, — нужно будет позаботиться о костре». У него есть складень, которым дров, конечно, не наколешь, но кое-что нащепать можно. В корзине десятка три грибов лежит. «Ладно, если что — проживем». Но тут же отбросил мысль о ночлеге — надо поскорее выбираться из леса. Василий Игнатьич нехотя пошел обратно, теперь — строго на север. Ноги после короткой передышки стали тяжелыми, будто одеревенели.

К вечеру небо успокоилось, облака поползли к горизонту, в разрывах туч с западного небосклона показалось яркое солнце. Оно залило лес радужным светом. Все вокруг ожило, засверкало, с листьев посыпались алмазные искры.

Трава бирюзово засветилась на обочине. Возле дороги показывались грибы, но Василий Игнатьич на них не обращал внимания. Он добрался до того места, где выскочил из лесу, постоял, поозирался, но сообразить толком ничего не мог. Дорога то поднималась на угорье, то опускалась в низину.

Василий Игнатьич брел прямо по лужам, по топкой прязи. Сапоги его раскисли, и ступни ног сильно саднило. Надо было сесть, переобуться, но он знал, что сырые портянки не дадут, пожалуй, обуться, а сушить их негде и некогда.

Впереди замаячил дорожный столб. Василий Игнатьич обрадовался, как будто увидел спасительный знак. «А что, — думал он, — может, на нем что и написано... Узнаю хотя бы, куда ведет эта просека». Путь его пересекался другой просекой, такой же изъезженной и грязной. Василий Игнатьич облегченно вздохнул, увидев скамейку, сколоченную из березовых плах, и присел отдохнуть.

...К лесному домику вела еле заметная тропа. Василий Игнатьич раздумывал, зайти в дом или не зайти. «Может быть, заночевать?» В доме можно истопить печь, обсушиться, вскипятить чай. Но он вспомнил сына, жену, соседку, оставленных в лесу. «Что они теперь делают? Тревожатся, ищут...» Глянул и на спасительное крыльцо, ему хотелось хотя бы присесть, спокойно отдохнуть около жилья. Но он знал: посидишь — трудно будет вставать. А тут еще на дверях красуется надпись, сделанная дегтем. Василий Игнатьич приблизился, стал разбирать замысловатые слова. Получалось угрожающее: «Не творите безобразия людие...» И хотя безвестный автор взывал к людской совести, сам

он представлялся не в очень-то добром свете. Нет бы пригласить: «Войди в хижину, добрый человек, отдохни с дороги. В кухне найдешь соль, спички, котелок. Согрейся, попей чайку — оставь дом таким, каким он тебя приветил. Помни о своем собрате». Но нет, колючая роспись гнала путника от дома.

Василий Игнатьич отшатнулся от крыльца и пошел прочь. К углу избушки была прибита фирменная дощечка, вполне опрятная, но и она не сулила ласки и привета, лишь напоминала путнику о его строгих обязанностях в лесу, да заканчивалась крутой угрозой штрафа за браконьерство и другие нарушения.

«К чему эти суровые «изречения» в лесу? — невольно подумал Василий Игнатьич. — И кого они могут приструнить, напугать? Разбойника-браконьера? Так его словами не проймешь, можешь только подтолкнуть к дерзости. Доброго человека и подавно оговаривать не следует, он не хуже самих запретителей знает, что лес надо беречь, а жилище — не зорить. Не лучше ли было на просечном перекрестке вывесить «лесную грамоту», которая сообщала бы краткие сведения о флоре и фауне, а потом уже тактично напоминала человеку о его святой обязанности беречь природу?..»

Шагал он теперь не просекой, а извилистой лесной дорогой: просека неожиданно оборвалась, уперлась в чащобу, а торная колея повела в сторону, на северо-запад. Впрочем, ручаться за точность нового направления было нельзя — солнце скрылось за лесом еще до того, как Василий Игнатьич покинул поляну с неприветливой избушкой. Но он старался запомнить каждый поворот, мысленно проложить нужный азимут.

Сумерки сгущались, тени уже не блуждали среди деревьев и не ложились лохматыми чудищами на землю; клейкая мгла надвигалась из таежной глубины, погружая во мрак и деревья, и дорогу. Василий Игнатьич решил идти, покуда хватит сил. Его все больше тревожила мысль: а вдруг жена и сын тоже заблудились...

Дорога проветрилась, вода сбежала в низинки или ушла в землю — шагать стало легче. Мешало одно — болели ноги. Он высмотрел удобный пенёк, решил переобуться. Хромовый сапог долго выскальзывал из рук, никак не снимался, пришлось придавить его к земле, и с силой выдернуть ногу. Со вторым сапогом управился легче. Натруженные ноги горели, мокрые портянки оказались в складках, под пальцами и на пятках — водянистые мозоли. «Нечего сказать — герой! — поворчал Василий Игнатьич. — Эка, разделал ходовую часть!»

Раньше, работая председателем колхоза, он не знал устали в ходьбе и уж, во всяком случае, ноги никогда не сбивал. «Вот он — сидячий образ жизни! Все ездешь, все кого-то уговариваешь». Кое-как переобувшись, Василий Игнатьич с трудом оторвался от пня, поднялся на ноги, негодуя на себя, преодолевая боль, ступил на дорогу.

Сумеречь, вечерняя неприветливость леса сразу словно отодвинулись, потеряли для него реальное значение. Он шел как во сне, будто плыл в густом тумане, уставясь вперед... Очнувшись, когда лес стал расступаться перед ним. И тут только заметил, что хмурые ели и серые ольхи сменились белоствольными березами. От берез стало немного светлее. Впереди показалась старая вырубка. Василий Игнатьич зашагал бойчее.

За вырубкой березняк стал заметно редеть: начали попадаться лесные полосы и расчистки, небольшие лужайки, полянки, затянутые ивняком. Вот показался первый стог, за ним выплыл из тумана второй. На душе Василия Игнатьича потеплело: «Қоли стога, значит, чьи-то покосы, тогда и селение должно быть рядом».

Он направился к ближайшему стогу, словно надеясь что-то найти там. Оглядел стожар, ольховые подпорины, ощупал жердь, приставленную к стогу, но не заметил ни заструг, ни затесей. «Значит, не колхозные, — решил он. — Қолхозники обычно ставят метки, по которым можно определить хозяина сена». Побрел к другому стогу, но и там ничего не открыл. Стога будто были «чужие». Василий Игнатьич вздрогнул от этой мысли. Уж не забрел ли он в соседний район? Неожиданная догадка и озадачила и заставила горько усмехнуться — вот будет потеха, свежий анекдот будет!.. Среди его братьев районщиков и без того ходит одна такая байка, как некий секретарь-новичок залетел по ошибке в чужой район и давай там наводить порядки на ферме. Распалился — велел немедленно послать за бригадиром! Прибежал бригадир, видит какое-то незнакомое начальство, не по-ихнему сердитое. Но нагоняй исправно выслушал, а потом задает вопрос: «Извиняюсь, вы кто же такие у нас будете?» — «Как кто? Вы что, не знаете секретаря... райкома?» Доярки — прыснули.

Василий Игнатьич больше не слонялся по поляне и не задерживался возле сена. С каждым новым стогом, а они стали попадаться все чаще и чаще, росла тревога в душе. Он почти уверил себя в том, что забрел в чужой район. Часы показывали без четверти восемь, — зна-

чит, бродит он по лесу около пяти часов и за это время, конечно, успел отмахать десятка два километров, а то и больше. Шагал он без роздыху, не считая коротких остановок, и поэтому должен бы наткнуться на какую-нибудь деревеньку или хутор. Но их не было, значит, он в чужом районе.

«А что, если Мишка с матерью и Евдокимовной тоже заблудились в лесу?..» Мысль эта то и дело приходила на ум, не давала покоя. Перелесок, которым он теперь пробирался, тянулся долго... Но вот стога веселее побежали вниз, к ручью, а за ним показался широкий луг. Лес наконец расступился, и Василий Игнатьич увидел вдали высокий холм, на холме деревеньку. Он вздохнул полной грудью, рванулся было вперед, но вдруг почувствовал смертельную усталость и голодную резь в животе. По телу пробежала мелкая дрожь, ноги подкосились, Василий Игнатьич готов был упасть, распластаться на траве и больше не вставать. Но он помнил о жене и сыне..

...Дорога в гору была слишком долгой и крутой, казалась она нехоженой и неезженной. Он шел из последних сил, подогревая себя надеждой: «Вот дойду, вот выберусь наверх и отдохну».

Крайний дом оказался пустым. Двор целехопек, крыльцо на месте, и даже окна не заколочены, а людей в доме нет. Он двинулся дальше. Весь хутор состоял из пяти-шести домов, но дома разбрелись по пустырю, спрятались в зарослях бурьяна и молодых тополей — издали не поймешь, где жилой, а где нежилой. Вторая избушка, обмазанная глиной и вросшая в землю, тоже не подавала признаков жизни, у нее даже путного крылечка не было. Лосев хотел

пройти мимо, но, поравнявшись с хибарой, увидел сторбленную старушку в выцветшем платке, повязанном шалашиком. Она сидела у порога, мирно дремала. Личико у бабушки сморщенное, словно печеное яблоко, нос-пуговка вздрагивал и сипел, глаза спрятались за морщинами. Василий Игнатьич тихо приблизился, сказал хрипло:

— Здравствуй, бабуся.

— Ась, — шевельнулась она.

Василий Игнатьич прокашлялся, спросил более внятно:

— Это какая же деревня будет?

Старушка чуть оживилась, провела ладонью по лицу, будто смахивая паутину, ответила скупо и как-то безразлично:

— Дупельнево, батюшка, Дупельнево. А тебе-то оно на что?

— Заблудился я. Мне бы в Березуги.

— Охти мне, охти, — запричитала старушка, — далеко тебя угораздило.

Василий Игнатьич хотел было присесть рядом и попросить чего-нибудь поесть, но вдруг устыдился своего желания, подумав, что бабушке, наверно, нелегко дается хлеб, надо идти за ним верст семь, а то и более, в сельскую лавку.

Дупельнево — дальний хутор колхоза «Россия», хотя и самый крайний, но все же свой. Значит, обретается он на родной земле, в Понизовском районе. А в своем доме и углы помогают. К тому же время не такое уж позднее — за хутором только что отгорел закат, и Василий Игнатьич почувствовал, что у него еще есть силы. Да и надежда, что скоро он разыщет своих, начала крепнуть.

— Колхоз-то ваш «Россия» называется? — спросил он для приличия.

— Не знаю, батюшко, как он там прозывается. Колхоз отседа далече, а мы, гли-ко, старые.

Он почувствовал вину перед этой дремлющей старушкой и за себя, и за председателя колхоза, и за всех тех, кто управлял когда-то хутором, распоряжался жизнью этой женщины, требовал от нее самоотверженного труда во имя общего блага. И она, вечная труженица, отдавшая все силы для этого блага, взамен не взяла себе ничего: теперь сидит на пороге осиротевшей хибарки, мирно, покойно доживает последние дни, от людей ничего не требует, а если и требует, то только одного — чтобы ее не забывал бригадир или председатель, хотя бы изредка кто-нибудь навещал...

Старушка отвернулась от лесного прищельца, будто отмахнулась. Опять начала тихо дремать.

— А что, председатель разве не бывает тут?

— Бывает, как не бывает. Ездют начальники, — старушка пошамкала губами, надула щеки и выпустила тихий вздох. — И чего ездют, чего ходют. Куда все спешат?..

Василий Игнатьич понял, что с бабушкой не очень-то разговоришься: скажет слово — подремлет... Придется поискать другого хуторянина. Только подумал об этом, как из переулка донесся звон цепи, знакомый брякоток приторачиваемого ведра. Он решил сходить к колодезю, хотя бы напиться. Молча поклонился бабушке и шагнул за угол дома. С наполненным ведром в переулке стояла босоногая, крутобедрая женщина лет сорока с непокрытой головой и короткой прической. На ней была модная городская юбка и вязаная кофточка. Кофточка, небрежно застег-

нутая на нижнюю пуговицу, бесстыже оголила груди. По всему видать, гостья залетная, приезжая — одним словом, хуторская дачница. Женщина в упор разглядывала приближающегося незнакомца, насмешливо окидывая взглядом с ног до головы.

Василий Игнатьич поставил корзину наземь, шевельнул сухим языком — «здравствуй» — попросил напиться.

— Откуда еще такой гоголь?

— Из лесу. — Василий Игнатьич неопределенно махнул в сторону леса.

— Блудил, поди?

— С чего вы взяли?

— Тут многие блудят, — улыбалась женщина. — Ну на, попей, горюн. — Она подала ведро с водой. Василий Игнатьич наклонился, стал жадно пить.

— А там что у тебя, грибы? — кивнула она на корзину. Вытирая губы ладонью, он только помычал. Но та сама нашлась с ответом.

— Шиш это, а не грибы. Стоило ли в лес ходить.

— Сколько набрал, все тут...

Василий Игнатьич потерял охоту поддерживать разговор. Сельская горожанка явно издевалась над ним: и за то, что заблудился, и что грибов мало насобирал в изобильном лесу, и вид у него, надо сказать, не фатовый. Расспросив дорогу на Фомушино — Березуги, он медленно поплелся от колодца. Женщина, все еще улыбаясь, наставляла его:

— Перестригнешь лесок — поднимись в Бутры, а там с горы и Фомушино видать.

— Спасибо, дальше найду дорогу.

Василий Игнатьич не обернулся. Двигался он на разбитых ногах словно россомаха, женщи-

на сочувственно посмотрела вслед, покачала головой:

— Жрать, поди, хочешь? — крикнула она грубо-добродушно.

— Спасибо, доберусь.

— Не то заходи. Я вон в том доме. И баня, слышь, готовая...

Василий Игнатьич не отозвался, будто не расслышал приглашения в баню, только затаенно улыбнулся. Он поспешил выбраться скорее по тропе за околицу. Стало вдруг неловко и за себя, и за повадливую женщину, и за дремучий хутор, на котором можно одуреть и оглохнуть с зеленой тоски. «Приласкает вот такая, — усмехнулся он, — не скоро вырвешься... Ишь добрая — «заходи». Навезла, поди, городских харчей, всякой консервной снеди да сдобных бубликов, жирует себе на вольном воздухе. Ходит в лес, собирает грибы, сушит, солит, маринует. Просторно ей тут живется, только вот общества не хватает. Обезмужичел лесной край».

О женщине этой он скоро позабыл — не то чтобы выбросил из головы — и точка, а начал сравнивать жизнь залетной гостыи и одинокой бабки, домысливать их судьбы...

Путь его лежал по косогору к березовому колку, за которым земля снова дыбилась холмами. Василий Игнатьич опустил в низину, пересек по скользким слежкам черный ручевник, помялся на опушке, затем повернулся к леску и углубился в молодой березняк. В лес ему идти не хотелось, но встречного колка все равно не миновать, другого пути он не знал. Он пробирался то ли зимником, то ли старой сенокосной тропой: след угадывался с трудом — тропа заросла, закуржавилась. Василий Игнатьич напряженно вглядывался под ноги, боясь в сумер-

жах сбиться с пути и угодить куда-нибудь в глушь. Лесная тропа навевала невеселые думы.

«Эх деятели-рабочники! — ругал он кого-то, скорее всего местное начальство, всех районных управителей и заготовителей, и самого себя вкупе с ними.— Сколько добра пропадает! Какие богатые места! Луга привольные, леса грибные... А сюда и дороги никто не проторил. Зарастает земля...»

Он думал о том, какие резкие контрасты еще наблюдаются в их районе. В селах, близких от дорог, кипит жизнь: возводятся крупные фермы, мелнируются земли, строятся дома, закладываются инженерные сети, газифицируются квартиры; там и клубы, и школы, и магазины. А вот в этих, глубинных местах — тишь, да гладь, да божья благодать. От одного дикого бездорожья делается жутко. Василий Игнатьич почувствовал всю неприютность забытых хуторов, так называемых «неперспективных» населенных пунктов. «Сколько добра пропадает!» — теперь уже не грибы и ягоды беспокоили его, а запущенные деревни, в которых замерла жизнь, потухли очаги. А ведь каждый такой крестьянский двор не просто отстоял века — он породил, взлелеял и пахаря, и солдата, дал городам и стройкам мастерового человека, вырастил ученого, поэта, артиста, художника... А теперь вот осиротел, никому стал не нужен, его бранят, сторонятся и даже стыдятся «поумневшие» отроки... Василий Игнатьич мысленно перебирал в памяти все деревни, малые и не очень малые, дальние и не совсем далекие, которые он хорошо знал. Сколько их разбросано по берегам речек и ручейков, в укромных местах, у лесных озер, по безымянным высоткам! И почему это вдруг людям рас

хотелось в них жить? Из-за чего коренные жители покидают обжитые земли, оставляют дорогие сердцу места? В самом деле — почему? Уж не потому ли он бежит из глухих мест, что существует на свете город, более удобный для человеческого жилья и общения? Но и раньше ведь были города, не в наш же век появились. Да что там город? Разве не известно, что городской житель вечно тоскует по живой природе?

А впрочем, как знать? Горожанин тянется к селу, а селянин мечтает о городе. Первый, попав в село, любителю здешней красотой, чистым воздухом восхищается, второй смотрит на него как на блаженного, сам воздуха не ценит, а окружающую красоту просто не замечает. Как бы сделать так, чтобы городские удобства накрепко соединились с сельскими преимуществами?.. Но Василий Игнатьич тут же отогнал благую мысль: «Далеко еще до такого соединения, надо сперва преодолеть различия». А пока что различия между городом и вот этой глубинкой не просто резкие, а бьющие в глаза. «Вот тебе наглядный пример, — вернулся он к реальной действительности, — ты устал, выбился из сил. А случись беда похлеще? Попробуй дай весть, попроси помощи... Сюда, пожалуй, и почта неделями не ходит».

Он еще крепче утвердился в том, что надо скорее сносить мелкие деревни. Бог с нею, с красотой! Надо живее строить перспективные села, благоустраивать их. Курс взят верный! И кому он кажется ошибочным, кто сомневается, пусть тот с годик поживет в Березугах или Дупельневе, поотрачивает бороду на вольном воздухе, походит в лес за дровами, поносит воду из ручья да пожует черствого, плесневелого хлеба — авось перестанет прома бояться...

Из березового леска Василий Игнатьич выбрался на мягкий лужок, постоял, пооглядывался. Сзади белеет молодой древостой, впереди темнеют Бугры. Он знал, что от Бугров до Фомишино не так уж далеко, версты две с гаком будет. А там и до Березуг примерно столько же. Он подгонял себя в дорогу, торопясь скорее преодолеть оставшиеся километры...

«Что это я вдруг ополчился на малые деревни? — стал укорять себя Василий Игнатьич. — Чем-то они ведь хороши, эти березуги, дупельневы, бугры?! Там можно отдыхать в пору летних отпусков или приезжать в грибной сезон... И так ли уж приспичило их сселять? Можно ведь переселять людей, а старые дома не трогать. Зачем эта рухлядь центральным усадьбам?»

Он вспомнил неоконченный доклад, наметил вставить в него эти мысли и начал обдумывать текст: «Надо переселять людей с хуторов, а избы пока не трогать, пусть остаются. И деревни некоторые пусть стоят на прежних местах, поближе к лесу, болоту. Природный фактор имеет громадное значение...»

Василий Игнатьич развивал свой тезис, мысленно втискивая его в доклад: «В грибной сезон хутора понадобятся для людей, и не только грибной. Что плохого в том, если бабушки и дедушки с внучатами на все лето заберутся в родные края? Пусть женщины с ребятишками, пенсионеры и инвалиды тоже выезжают на лоно природы, как ныне многие горожане по выходным дням со всем семейством улетают в пригородные дачи-скворечники. Только надо заранее приготовить корзинки, бочки, ящики, всякую снедь для солений и сушений, завезти нужные товары на хутора. Пусть хуторяне ходят в лес, со-

бирают ягоды, грибы, лекарственные травы. Весной можно березовыми вениками, корзинами заняться, а летом заготовливать для колхоза корм, да и на свою живность накопить сена на мелких лужках, на лесных лывинках. Ведь даром трава пропадает. Одним словом, польза от хуторов будет. И старикам утеха, и государству поддержка, а кроме того — приварок к скудным стариковским пенсиям, это тоже не последнее дело».

Распалясь, Василий Игнатьич мысленно начал критиковать неразворотливых бытовиков, заготовителей, работников торговли, деятелей культурного фронта за то, что они слабо заботятся о людях, не уделяют должного внимания деревне, особенно глубинке. Вспомнилась едкая частушка, услышанная им как-то на сельской улице, когда он вышел после бригадного собрания. На бревнах против ларька сидели девчата и голосисто выводили:

В продовольственный ларек
Запахаживал хорск.
Изловили мы хорька.
Оказался завларька.

— Вот это критика! — посмеялся он, а когда сажился в машину, чей-то озорной голос выдал похлеще:

Через пень, через колоду,
Через райпотребсоюз.
Помогите выйти замуж,
Старой девой остаюсь.

Вторую частушку Василий Игнатьич особенно запомнил и «распевал» ее всю дорогу... А сегодня он воочию убедился в неразворотливости

торговцев и заготовителей, в том, что они списали со счета дальние деревни. К хуторам не ведут их дороги, зато лесные просеки изрезаны шинами городских машин.

«Ну, погоди у меня, заготрай, — грозился Василий Игнатьич. — Доберусь до тебя, научу работать. А то все по местному радио да через районную газету агитируют население: «Заготавливайте больше корья! Собирайте грибы, ягоды, лекарственные травы!»

От заготовителей он перекинулся к отделам райисполкома, которые плохо еще руководят районными службами, добрался и до своего аппарата, вернее, до самого себя. «А ты-то тоже, гусь величавый! Возглавляешь массово-политическую и организационную работу в районе, пропаганду и агитацию разводишь... Где она «пасется», твоя агитация? В Дупельнево, например, не заходит».

Он решил завтра же вызвать к себе секретаря по идеологии и допытаться у него, какова «география» культурно-массовой и агитационной работы. Не по проценту охвата населения — эту хитрую отчетность он хорошо знает, — а по охвату деревень. «А чего допытываться? — укоротил он себя. — И без того ясно, какова «география». Пасутся лекторы в поселке да по клубам в центральных усадьбах колхозов, совхозов». Сельских клубов и Домов культуры в районе тридцать восемь. Раньше церковей было почти столько же. Библиотек, киноустановок — не больше. Счет выходит невеселый — один культурный очаг на десять — двенадцать деревень. Правда, у многих теперь радиоприемники есть, телевизоры. Но это и хорошо и плохо: «приход» у сельских клубов негустой. Ладно еще, если все очаги культуры работают. Выско-

чит какая культурница замуж, уедет клубного или библиотечного работника днем с огнем не сыщешь...

Бугры — хутор-трехдворка. Когда-то и тут была большая деревня. Это видно по обширной площадке пустыря и вековым деревьям — молчаливым сторожам уснувшей горы.

Василий Игнатьич прислонился к мощному стволу тополя, стоял, отдыхая. «Еще два перехода, — прикидывал он, и Березуги!.. Чего там сейчас мои поделывают? Наверно, с ума сходят...» Больше всего он тревожился о сыне. Слева от него чернели два дома с мертвыми глазницами окон, кругом бугрились пепелища, заросшие высоким бурьяном. Там и сям торчали поломанные телеги, колеса. Третий домик, что стоял ниже, вроде бы был живой: заборчик возле, на деревьях палисада висят два скворечника.

Василий Игнатьич оттолкнулся от тополя и, пересекая пустырь, пошел под гору к домику. Он решился наконец зайти к хозяевам и попросить хлеба. «Иначе не дойду!» Но двери дома оказались на замке: висит замчище с рукавицу!

«Пожалуй, и тут не разживешься, — решил Василий Игнатьич, — во всем хуторе — ни души, хоть бы собака облаяла»... Потоптавшись перед окнами, Лосев махнул рукой и хмуро поплелся из Бугров, направляясь вдоль канавы вниз, к темному леску. Днем они проезжали мимо Бугров и этого молодого леска, но теперь дороги к нему не было видно. Где она? Канавка вела по краю скошенного поля. Пробираясь к лядине, Василий Игнатьич увидел метрах в трехстах старушку с холщовой сумкой на руке. Старушка шарилась ладонью по земле, — видно, искала шампиньоны. Сколько их нынче уродилось в полях — хоть косяй коси. Старушка тихо побрела по живью,

часто нагибалась, а овцы гуськом шествовали за ней. Василий Игнатьич свернул в поле. Но старушка то ли испугалась незнакомца, то ли по какой другой причине — живо засеменила вместе с животинкой прочь от него.

— Бабушка, да погоди же, — застонал он, — не злой я человек, не разбойник!

Ноги почти совсем перестали слушаться: как только ступил на полосу — сапоги увязли в размякшей почве и отяжелели. Догнать старушку не было сил. Он набрал в грудь побольше воздуха, крикнул вдогонку:

— Как пройти на Фомушино?

Старушка остановилась, замахала рукой, показывая на запад, к черному леску: иди, мол, туда, прохожий человек, а меня, старую, не пугай — отвяжись.

Он пошел через поле наискосок к ельнику. И не дошел метров двадцати, как из-за кустов с радостным криком вынырнул Мишка, за ним, еле поспевая, бежала Полина Евдокимовна.

— Батюшки! Василий Игнатьич! Ты ли это? Как ты нас напугал!.. — запричитала она.

Мишка с ходу ткнулся отцу в живот, засопел, захлюпал:

— Пап... мы искали.

Василий Игнатьич оцепенело стоял перед ними, глядя сына по голове и долго не находя ответных слов.

— Успокойся, сынок... — Он снял с себя куртку, набросил на плечи сына — тот вздрагивал, как в ознобе.

Полина Евдокимовна тоже не могла успокоиться — бегала, суетилась.

— Совсем отчаялись! Искали-искали, кричали-кричали — нет нигде. Теперь вам на телефон бросились, в район сообщать хотели. Она отняла

у Лосева корзинку, схватилась бежать назад к Фомушину.

— Охти мне, пастух-то у нас... Просили съездить к Сергееву...

Пастуха они увидели верхом на лошади. Остановившись на горе, он поджидал их. Пока все трое поднимались в гору, Мишка бойко бежал впереди, выискивая дорогу поплотнее, крича то и дело отцу: «Папа, сюда!» Захлебываясь, он громко выкладывал, как, испугавшись грозы, они сперва спрятались под елкой, а потом пошли искать папу, нигде не нашли, вернулись к машине и долго сигналили.

— И посадили аккумуляторы, да?

Мишка замолк; он знал, что значит «посадить» аккумуляторы.

Пастух встретил их вопросом:

— Это ты, что ль, заблудился?

... Выходит, я,—признался Василий Игнатьич.

— А мне крикнули: «Человек заблудился!» А кто, где — не пойму. И зачем нужно было к председателю ехать, докладывать?..

Пастух выговаривал все это незлобиво, но и не очень дружелюбно, и Василий Игнатьич догадался, что пастух не признал его, а Полина Евдокимовна, видать, не сказала, кто именно заблудился. «Вот и хорошо, а то пойдут перекуды».

Пастух ехал обочиной дороги и по-хозяйски справлялся:

— Далеко ли шастнул?

— За Дупельнево вышел.

— Ого! Считай, верст двадцать отмахал.

— Мне показалось больше.

— Это с устатку всегда так кажется.

Василий Игнатьич холодно передернул плечами.

Домик в лесу повстречал... Хотел было заночевать, да вот, показал он на сына, — их боялся напугать.

— Домик, говоришь? Не иначе как Леонов хутор... Э, да ты, пожалуй, все тридцать исколесил. Глухие там леса.

Пастух тронул конягу и заторопился к крайнему дому.

Деревня была рядом. В Фомушине чувствовалась цивилизация: шумело радио, окна светились электрическими огнями. Но Василию Игнатьичу это не придало сил: он устал чертовски и шел только на одном самолюбии.

— Слушай, друг, — не выдержал он наконец, — а нельзя ли лошадку запрячь? Притомился я, до Березуг теперь не дойти. А у меня там жена в машине. Беспокоится.

Полина Евдокимовна поддержала просьбу, поддакнула:

— Измаялся совсем человек.

Пастух с готовностью ответил:

— Почему не запрячь? Можно запрячь. Мы это сей момент...

Привязав коня у крыльца, он ушел справлять сбрую. Телега стояла перед окнами. Василий Игнатьевич облокотился на ондрец, стал осматриваться в темноте. На дворе была ночь, перед ним лежала примолкшая деревня, лишь кое-где светились окна. Дома фомушинские стояли двумя полукружьями, образовав неширокую сельскую площадь. На другом конце деревни неожиданно заголосила гармошка. Хлопнули ставни окон, и на улицу выплеснулся говорок, шум и смех. Зазвучала нездешняя пеоня:

Шла она, ха-алява, при-жи-ма-а-ла-ся-а,
Прижимался он к иё у-ста-а-м.

Пастух вернулся через четверть часа. Он пугливо озирался, поглядывая на окна, и неловко оправдывался: мол, сбрую у него свистнули «дошлые горожане», наверно, покатали за водкой, и вообще-то ему надо в баню.

— Слушай, товарищ, — предложил он наконец, — если хочешь, возьми моего бегунка. Быстро домчит. Оставь его в Березугах, я утром схожу...

Василий Игнатьич поблагодарил за одолжение и направился к коняге. Хозяин помог ему взобраться в седло. Конь, почуяв незнакомого седока, всхрапнул, пошел кружить. Василий Игнатьич передернул удила, ударил слегка каблучками под бока — конь выправился, побежал рысью...

Березуги Василий Игнатьич проскочил быстро. Он спешил в лес, к ивовой лощинке, где стояла машина. Конь слегка замешкался на опушке, а потом, подстегнутый, тряхнув головой, нырнул в зияющую пасть леса. По лицу хлестнула ветка, Василий Игнатьич нагнулся, гикнул, и конь понесся быстрее. Василий Игнатьич ясно представил себе, как переживает сейчас жена...

Машина оказалась пустой.

— Аль-би-и-на-а! — закричал Василий Игнатьич что есть мочи.

В лесу отозвалось сразу несколько голосов. Замигали огоньки фонарей, послышались шаги, и четыре тени быстро скользнули с просеки в лощину.

— Где же ты был? — Альбина Михайловна заплакала. Лосев спрыгнул с коня, бросился к жене:

— Ну, будет тебе, будет... Живой ведь.

Три Альбининых спутницы обступили их, радостно захолопотали.

— Нашлась пропажа. Баба-то вся испереживалась... А у нас, в Березугах, и ружья завалящего не оказалось, чтобы выйти, пострелять...

— Зато медведь, говорят, водится. А его и постращать, выходит, нечем.

— Живет, батюшко, близко живет! — обрадовались старушки. — Только пугать его не пугаем. Он нас не трогает. Мирной... Пошто стращать.

Альбина Михайловна и плакала, и смеялась сквозь слезы. Старушки стояли подле, прикладывая концы платков к глазам, участливо вздыхали.

— Откуда у тебя лошадь? — наконец успокоилась Альбина Михайловна.

— Из Фомушина. У пастуха взял.

— Дай я ее сгону, — попросила Альбина. В ней взыграл дух былой наездницы.

— А не упадешь?

— Постараюсь.

— Смотри, осторожно.

Альбина взобралась в седло и укатила из лесу.

Василий Игнатьич приступился теперь к машине, вежливо усадив в нее березугских проводниц. Правда, те сначала упирались, долго отнекивались: мол, ездить в таких каретах они не привыкли, не умеют. А потом, мирно устроившись, доверительно поведали:

— Уж так испереживалась, бедняжка. Ты ее береги, жену-то. Жалеет она тебя.

— Спасибо вам на добром слове, — сказал Василий Игнатьич.

— А сын -- тот и от чаю отказался, издержался весь...

Проверив аккумуляторы, Василий Игнатьич включил зажигание и нажал на стартер. Мотор радостно взвыл, второпях поперхнулся, потом вытянул и запел ровную трудовую ноту.

Василий Игнатьич сдал машину назад, развернулся, поставил «карету» на твердую дорогу и на рысях погнал полсотню лошадиных сил в Березуги.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 Соленая наука (Записки
председателя)
- 126 Колос Севера (Из записок
секретаря райкома)
- 158 Не поле перейти (Сельские
записки)
- 230 Березуги (Рассказ)

**КУЗОВЛЕВ
ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ**

БЕРЕЗУГИ

**Очерки
северной деревни**

Редактор Н. Суворова

Художник В. Алексеев

**Художественный редактор
Н. Егоров**

Технический редактор

Л. Дунаева

Корректор И. Антопкина

ИБ № 1133

Сдано в набор 22.03.78. Подписано к печати
04.08.78. А09426. Формат изд. 70×90/32. Гарни-
тура литерат. Печать высокая. Бумага тип. № 1.
Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,95. Уч.-изд. л. 10,42.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 1444. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли и
Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография.